Министерство науки и высшего образованияРоссийской Федерации
Институт Китая и Современной Азии Российской академии наук

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ XXVII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КИТАЙ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ФИЛОСОФИЯ, ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА»

Москва, 3 – 4 июня 2026 г.

Москва
ИКСА РАН
2026

УДК 008(510+5-012)(082)
ББК 71(5Кит+55)я43
Т29

Рецензенты:

Мария Борисовна Рукодельникова, к.филол.н., доцент,
зав. кафедрой восточных языков Института лингвистики РГГУ;

Лидия Владимировна Стеженская, к.филол.н., в.н.с., ИВ РАН / ИКСА РАН

Ответственный редактор:
Н.Л. Кварталова

Т29 Тезисы докладов XXVII Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура». Москва, 3—4 июня 2026 г. М. : ИКСА РАН, 2026. — 226 с.

ISBN 978-5-8381-0541-7
DOI 10.48647/ICCA.2026.95.34.001

В сборнике опубликованы тезисы участников двадцать седьмой Международной научной конференции Центра изучения культуры Китая, прошедшей в ИКСА РАН в смешанном очно-заочном формате 3 и 4 июня 2026 года. В конференции приняли участие более пятидесяти ученых из России, Китая, Беларуси и Нидерландов. В докладах были затронуты современные проблемы философии, литературы и культуры Китая и других стран Восточно-Азиатского региона.

Ключевые слова: Китай, философия, культура, история, литература, Япония, Корея.

УДК 008(510+5-012)(082)
ББК 71(5Кит+55)я43

© Коллектив авторов, 2026

ISBN 978-5-8381-0541-7

© ИКСА РАН, 2026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and contemporary Asia

XXVII International Scientific Conference "China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture"

June 3—4, 2026

Abstracts

Moscow
ICCA RAS
2026

Reviewers:
Maria B. Rukodelnikova, PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Oriental Languages, Russian State University
for the Humanities;

Lidiya V. Stezhenskaya, PhD (Philology), ICCA RAS

Editor-in-Chief:
N.L. Kvartalova

XXVII International Scientific Conference "China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture". June 3—4, 26. — M.: ICCA RAS, 2026.

Abstracts of the twenty-seventh International scientific conference of the Center for the Study of Chinese Culture, held at the ICCA RAS in a mixed part-time format on June 3 and 4, 2026, are published in the collection. More than fifthly scientists from Russia, China, Belarus, and Netherlands took part in the conference. The reports touched upon modern problems of philosophy, literature and culture of China and other countries of the East Asian region.

Keywords: China, Philosophy, Culture, History, Literature, Japan, Korea.

© ICCA RAS, 2026
© Team of authors, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Философия и религия

Алексанян А.Г. (ИКСА РАН)
Представления буддийских монахов о санскритской грамматике в средневековом Китае 16

Белая И.В. (ИКСА РАН/ИВ РАН)
О наставлениях Ма Юя даосским подвижницам школы Цюаньчжэнь 20

Блажкина А.Ю. (ИКСА РАН)
Основные вехи создания трактата «Кун цун цзы» 23

Гао Цин (Шаньдунский политехнический университет науки и технологий)
Конфуцианская философия и современный китайский язык: взаимодействие языка и философии 27

Гибкий П.В. (Белорусский государственный университет иностранных языков)
«Линейность» vs «Цикличность»: восприятие времени в европейской и китайской культурах 30

Главева Д.Г. (независимый исследователь, Амстердам)
Концепция «Фудо» Вацудзи Тэцуро 33

Жань Цзиньхун 冉锦红 (МГУ)
Реконструкция Цзян Цином политической философии школы Гунъян 37

Кварталова Н.Л. (ИКСА РАН)
Появление в Китае буддистской логики 41

Крушинский А.А. (ИКСА РАН)
«Окно возможностей» (цзи 幾) и стратегическое предвидение в конфуцианской классике 43

Лемешко Ю.Г. (МГИМО (У))
«Наставление дочери» Цай Юна: семейное воспитание, конфуцианская этика и традиции женского воспитания в ханьский период 46

Пушкарская Н.В. (ИКСА РАН)
Учение о пяти стихиях в ханьской комментаторской традиции: от «Хун фань» «洪范» к «У син чжи» «五行志» 50

Стеженская Л.В. (ИВ РАН)
К вопросу о датировке рукописи «Книга адамант» иеромонаха Даниила — первого опыта европейского перевода «Алмазной сутры» 53

Чирков Н.В. (Амурский государственный университет)
Адаптация христианского вероучения в конфуцианском дискурсе: Катехизис «Тянчжу Шии» Маттео Риччи как опыт межцивилизационного культурно-религиозного диалога 57

Литература и язык

Барабошкин К.Е. (ИСАА МГУ)
Проблема авторского слова в поздней Хань: Ван Чун между Конфуцием и Хуань Танем 65

Брылева Н.А. *(ИКСА РАН)*
Наследие Ху Ши и Юй Пинбо: от комментаторских заметок к текстологии романа «Сон в красном тереме» 68

Ван Ицюнь (Сычуаньский университет)
К повторному рассмотрению проблемы современной трансформации древнекитайской литературной теории 71

Гильфанова Л.Р. (Казанский (Приволжский) федеральный Университет)
Девятнадцать стихотворений в подражание древней поэзии» в «Собрании [произведений] Лю Жуши 75

Гуань Сюцзюань 关秀娟 (Хэйлунцзянский университет)
Эстетическая политизация переводов русской и советской литературы на китайский язык в период войны сопротивления японским агрессорам 78

Завидовская Е.А. (ИКСА РАН / Брянский государственный университет)
Прекариат как литератор: новейшие тенденции в прозе Китая 82

Завьялова О.И. (ИКСА РАН)
Дискуссия о судьбе диалектов в Китае 91

Исакова И.Н. (МГУ имени М.В. Ломоносова)
Расширение и уточнение понятийно-терминологического аппарата при включении китайской и японской литератур в теорию литературы 94

Коробова А.Н. (ИКСА РАН)
Маркеры сарказма в романе Ван Шо «Животная ярость» (1991) 96

Куликова А.А. (Санкт-Петербургский Государственный Экономический университет)
Художественная специфика «мягкой фантастики» писательницы Ся Цзя 98

Митькина Е.И. (СПбГУ)
Китайский детектив в России: от судьи Ди до современности 101

Писцов К.М. (ИВ РАН)
Книги при императорском дворе эпохи Мин 103

Семенюк М.В. (ИСАА МГУ)
«Сентиментализм» в женской прозе Китая первой половины XX века 106
Ху Синьюэ 胡心悦 (Шаньдунский политехнический университет)
Литературоведческая интерпретация образов учеников Конфуция в переводе «Лунь юй» Л.Д. Позднеевой 110
Чэн Шуантин (Хэйлунцянский университет)
«Имеющая своё имя, Джелтула-река» Г. Кэптукэ и «Правый берег реки Аргунь» Чи Цзыцзянь: экокритический анализ эвенкийских повествований 114
Шульженко Н.А. (ИВ РАН/НИУ ВШЭ)
Система конфликтов в повести Шэнь Жун «Средний возраст» 118

Культура

Акишина Е.Е. (МГАХИ им. В. И. Сурикова при РАХ)
Карикатуры Sapajou (Г.А. Сапожникова) для газеты North China Daily News в контексте китайской политической сатиры 1920х—1930х гг. 122
Башкеев В.В. (ИКСА РАН)
Опыт применения современных технических средств для анализа всего корпуса текстов «Хань шу» 125
Ван Ихэн 王一恒 (РГХПУ им. Строганова)
Промышленное наследие как место памяти: реконструкция водонапорной башни в Шэньяне и её значение 128
Верченко А.Л. (ИКСА РАН)
Предметы материальной культуры как свидетельство советско-китайского братства в период Второй мировой войны 135
Виногродская В.Б. (ИКСА РАН)
«Человеческое присутствие» 活人感: длинные видеопокасты на Bilibili в 2026—2026 гг. 138
Емельченкова Е.Н. (СПбГУ)
Феномен метро Пекина в социально-семиотическом измерении 141
Казакевич А.Н. (Независимый исследователь)
Система тэгов как новый способ ответа на запрос читателя 144
Киселева Е.А. (Объединенный институт высоких температур РАН)
Традиционная техника окрашивания тканей «Тай-дай» (扎染) в Китае 146
Меркулов К.К. (ИКСА РАН)
О необходимости принципиального обновления макросоциальной парадигмы и стратегии и тактики России и Союзного государства в области развития культурно-цивилизационного сотрудничества с ведущими геоцентрами АТР и всего мира 149

Му Сунъянь 牟松妍 (Хэйлунцзянский университет)
Особенности древнекитайской архитектуры и ее распространение и изучение в России 154

Симоненко Н.Ю. (Волгоградский государственный социально-педагогический университет)
Дилемма выбора пути в современной китайской молодёжной коммуникации 159

Смирнов М.С. (НИУ ВШЭ)
Сравнение стратегий культурной дипломатии КНР и Японии в 2000-е 162

Сюй Син 徐行 (Университет Нанькай)
Грандиозный план построения сильной культурной нации — анализ стратегического развертывания и целей развития культурного строительства в период «15-й пятилетки» Китая 165

Сюй Чэньлэй 徐晨蕾 (Тяньцзинский университет)
Объект, знание и повествование: механизмы трансформации и историческое конструирование в процессе музейной обработки печатной продукции, посвященной китайскому Новому году 170

***Фань Чэнли*н** 范成玲 (Шаньдунский политехнический университет)
Исследование практик эмоционального потребления виртуальных «якорей» в цифровую эпоху 173

Цзинь Минцзи 靳铭吉 (Хэйлунцзянский университет)
Расшифровка «исходного кода» китайской цивилизации 178

Чжан Юн 张勇（子开） (Сычуаньский университет, Институт литературы и журналистики)
Обсуждение китайских «призрачных денег» 182

Искусство, музыка, театр

Вострикова Е.А. (НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств)
Творчество Чон Ёнмана: художник в идеологическом пространстве КНДР 190

Донченко А.И. (ИКСА РАН)
Об истории развития Бейпинского художественного училища. 194

Кисеева Е.В., Аксайскова Е.О. (Ростовская государственная консерватория им. С.В. Рахманинова, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета)
Синтез западных и восточных традиций в нелитургическом пассионе начала XXI века 199

Медведева Ю.П. (Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки)
Восток и Запад в опере Брайта Шенга «Сон в красном тереме» 202

Чэнь Маньжун 陈曼蓉 (Сычуаньская ассоциация исследований поэзии, каллиграфии и живописи Башу, Сычуаньский провинциальный научно-исследовательский институт культуры и истории)
Применение и инновации традиционной китайской живописи тонкой кистью в вышивке Шу, нематериальном культурном наследии Китая 205
Чэнь Ни 陈倪 (Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки)
Музыка и живопись в фортепианных сонатах Гэ Цина 209
Шулунова Е.К. (ИКСА РАН)
Роман Ван Мэна «Метаморфозы или игра в складные картинки» 活动变人形 на китайской сцене 212

Об авторах 215

CONTENT

Philosophy and religion

Armen Alexanyan
Buddhist Monks' Views on Sanskrit Grammar in Medieval China 16

Irina Belaya
On Ma Yu's Instructions to the Quanzhen Daoist Nuns 20

Anastasia Blazhkina
On the Problem of the Authenticity of the Treatise “Kong cong zi” 23

Gao Qing
Confucian Philosophy and Modern Chinese: The Interaction of Language and Philosophy 27

Pavel Gibkij
“Linearity” vs “Cyclicity”: Perception of Time in European and Chinese Cultures 30

Diana Glaveva
“The Philosophy of Loneliness in Japan: From Zen Buddhism to the Hikikomori Phenomenon” 33

Ran Jinhong
Jiang Qing's Reconstruction of the Political Philosophy of the Gongyang School 37

Nataliya Kvartalova
The emergence of Buddhist logic in China 41

Andrey Krushinskiy
Window of Opportunity (幾) and Strategic Foresight in the Confucian Classics 43

Yulia Lemeshko
Cai Yong’s Nüxun (“Instructions for My Daughter”): Family Education, Confucian Ethics,and Traditions of Female Upbringing in the Han Period 46

Natalia Pushkarskaia
The Doctrine of Wuxing 五行 in the Han Commentarial Tradition: from the Hong fan 洪范 to the Wuxing zhi 五行志..... 50

Lidiya Stezhenskaya
On the issue of the dating of the “Adamant Book” by Hieromonk Daniil, the first experience of the European translation of the “Diamond Sutra” 53

Nikolai Chirkov
The Adaptation of Christian Doctrine within Confucian Discourse: Matteo Ricci's "Tianzhu Shiyi" Catechism as an Example of Inter-Civilizational Cultural and Religious Dialogue 57

Literature and Writing

Konstantin Baraboshkin
The problem of authorial word in the late Han: Wang Chong between Confucius and Huan Tan 65

Natalia Bryleva
The Legacy of Hu Shi and Yu Pingbo: From Commentatorial Notes to The Textology of the novel Dream of the Red Chamber 68

Wang Yiqun
Reconsidering the Contemporary Transformation of Classical Chinese Literary Theory 71

Liya Gilfanova
"Nineteen verses in imitation of ancient poetry" in "Collection of Liu Rushi" 75

Guan Xiujuan
Aesthetic Politicization in the Chinese Translation of Russian and Soviet Literature During the War of Resistance Against Japanese Aggression 78

Ekaterina Zavidovskaya
Precariat as a Writer: Newest Trend in the Prose of China 82

Olga Zavyalova
A discussion on the fate of dialects in China 91

Irina Isakova
Expanding and Refining the Conceptual and Terminological Framework through the Inclusion of Chinese and Japanese Literatures into Literary Theory 94

Anastasia Korobova
Markers of Sarcasm in Wang Shuo's Novel "Animal Ferocity" 96

Anastasiia Kulikova
Chinese Female Writer Xia Jia and Fictional Features of Her "Soft Science-Fiction" 98

Evgenia Mitkina
Chinese Detective in Russia: From Judge Dee to the Present Day 101

Konstantin Pistsov
Books at the Ming dynasty Imperial Court 103

Maria Semenyuk
"Sentimentalism" in Chinese women's prose of the first half of the 20th century 106
Hu Xinye
Literary Interpretation of Confucius'Disciples in Pozdneeva's Translation of the Analects 110
Cheng Shuangting
"Having Her Own Name, the Dzheltula River" by G. Keptuke and "The Right Bank of the Argun River" by Chi Zijian: An Ecocritical Analysis of Evenki Narratives 114
Nikolai Shulzhenko
The Conflict System in Shen Rong's Novella *At Middle Age* 118

Culture

Ekaterina Akishina
Sapajou caricatures (G. A. Sapozhnikov) in the North China Daily News newspaper in the context of Chinese political satire of the 1920s—1930s 122
Viktor Bashkeev
Experience in using modern technical methods to analyze the entire corpus of the "Han Shu" 125
Wang Yiheng
Industrial Heritage as a Place of Memory: The Renovation and Inspiration of the Shenyang Water Tower Gallery 128
Alla Verchenko
Material Culture Objects as an Evidence of the Soviet-Chinese Brotherhood during World War II 135
Veronika Vinorodskaya
"Human Presence" *huorengan* 活人感: Long-form Video Podcasting on Bilibili, 2025–2026 138
Elena Emelchenkova
A case study of Beijing subway signage: a social-semiotic approach 141
Anastasia Kazakevich
New way to response to a reader's request by system of tags 144
Elena Kiseleva
Traditional fabric dyeing technique "tai-dai" (扎染) in China 146
Katenariy Merkulov
On the Need for a Fundamental Update of the Macrosocial Paradigm, Strategy, and Tactics of Russia and the Union State in Developing Cultural and Civilizational Cooperation with Leading Geocenters of the Asia-Pacific Region and the World 149

Mu Songyan
Characteristics of ancient chinese architectural culture and its dissemination and study in Russia 154
Natalia Simonenko
The Dilemma of Path Choice in Contemporary Chinese Youth Communication 159
Michael Smirnov
Comparison of cultural diplomacy strategies of China and Japan in the 2000s 162
Xu Xing
The grand blueprint for building a strong cultural nation — Analysis of the Strategic Deployment and Development Goals for Cultural Construction during China's "15th Five-Year Plan" Period 165
Xu Chenlei
"Object, Knowledge and Narrative: The Transformation Mechanisms and Historical Construction in the Museumization of Chinese New Year Printing" 170
Fan Chengling
Exploration of emotional consumption practices of virtual streamers content in the digital-intelligent era 173
Jin Mingji
Deciphering the "source code" of Chinese civilization 178
Zhang Yong
Supplementary Discussions on Chinese Offering coins (冥币) 182

Art, Music, Theater

Ekaterina Vostrikova
The Art of Chŏng Yŏngman: An Artist in the Ideological Space of the DPRK 190
Anna Donchenko
On the history of the development of the Beiping Art School 194
Elena Kiseyeva, Ekaterina Axayskova
Synthesis of western and eastern traditions in the non-liturgical passion of the early 21th century 199
Yulia Medvedeva
East and West in Bright Sheng's opera "Dream of the Red Chamber" 202
Chen Manrong
Application and innovation of traditional Chinese fine brushwork painting in China's Intangible Cultural Heritage — Shu embroidery 205

Chen Ni
Music and Painting in Ge Qing's Piano Sonatas 209
Evgenia Shulunova
Wang Meng's novel "Metamorphosis or the Game
of Folding Pictures" 活动变人形 on the Chinese stage 212

About the Authors 215

Философия и религия

DOI: 10.48647/ICCA.2026.21.76.002

А.Г. Алексанян
ИКСА РАН

Представления буддийских монахов о санскритской грамматике в средневековом Китае

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме представлений о санскритской грамматике и реального ее знания среди буддийских монахов в средневековом Китае. Будучи неразрывно связана с вопросами перевода буддийских канонических текстов на китайский язык, она затрагивает как вопросы межкультурной коммуникации между средневековым Китаем и государствами так называмого Шелкового пути и Индии, так и проблемы восприятия чужого языка в рамках межъязыковой интерференции.

Распространение буддизма в Китае и связанная с этим переводческая деятельность буддийских просветителей с неизбежностью приводили к необходимости переосмысления старых переводов, выполненных с помощью толкователей, знавших санскрит, но не владевших китайским языком, и обучения буддистов-китайцев основам санскрита как языка буддийской традиции махаяны.

По мнению ряда исследователей, всерьез санскритской грамматикой овладело крайне небольшое число самых выдающихся китайских комментаторов (Сюань-цзан, И-цзин и др.), тогда как подавляющее большинство китайских монахов в лучшем случае владело лишь знанием слогового индийского письма *сиддхам* и не было в состоянии читать сложные санскритские тексты доктринального характера.

Тем не менее, тексты комментариев и жизнеописаний самых известных комментаторов (Сюань-цзан и др.) содержат в себе достаточно подробные сведения о склонении санскритских существительных и спряжении глаголов, описывают семантику падежей и залогов, демонстрируют познания в элементарных синтаксических конструкциях, а также обнаруживают знание особенностей санскритского словообразования и принципов семантического анализа сложных слов (*шад-самаса*, шестеричный анализ сложных слов).

Ключевые слова: грамматика санскрита, буддийские комментарии, Сюань-цзан, Западный край.

Armen G. Aleksanyan
ICCA RAS

Buddhist Monks' Views on Sanskrit Grammar in Medieval China

Abstract. This paper examines the question of the perceptions of Sanskrit grammar and actual knowledge thereof among Buddhist monks in medieval China. Inextricably linked to the translation of Buddhist canonical texts into Chinese, this

question includes issues of intercultural communication between medieval China, India, and the states along the so-called Silk Road, as well as the problems of perceiving a foreign language within the context of interlingual interference.

The spread of Buddhism in China and the translation work of Buddhist missionaries inevitably necessitated a re-evaluation of earlier translations produced by interpreters who knew Sanskrit but lacked proficiency in Chinese as well as the instruction of Chinese Buddhists in the fundamentals of Sanskrit as the language of the Mahayana tradition.

According to some scholars, there was only a very small number of the most eminent Chinese commentators (such as Xuanzang and Yijing) who truly mastered Sanskrit grammar, whereas the vast majority of Chinese monks possessed, at best, a superficial knowledge of the Indian syllabic Siddham script and were unable to read difficult doctrinal Sanskrit texts.

Nevertheless, the exegetical texts and biographies of the most renowned commentators (such as Xuanzang) contain detailed information on the declension of Sanskrit nouns and the conjugation of verbs; they describe the semantics of cases and voices, demonstrate an understanding of basic syntactic structures, and reveal knowledge of the specific features of Sanskrit word formation and the principles of the semantic analysis of compound words (*ṣaḍ-samāsa*, or the sixfold analysis of compounds).

Keywords: Sanskrit grammar, Xuanzang, Buddhist exegetical works, Western Region.

Проникновение буддизма в Китай в первых веках н.э. и начало миссионерской деятельности были неразрывно связаны с резким ростом деятельности по переводу на китайский язык буддийских канонических сочинений. Переводы выполнялись главным образом с санскритских оригиналов и представляли собой многоуровневый и далеко не прямолинейный процесс. Известно, что основными переводчиками основополагающих сутр были выходцы из так называемого Западного Края (西域 *Си юй*), носители иранских языков, владевшие в достаточной мере санскритом. Перевод же собственно на китайский язык и дальнейшую стилистическую обработку осуществляли носители китайского, санскритом не владевшие.

К началу VII в. очевидной стала необходимость истолкования буддийских сутр и, в частности, содержащихся в них санскритских терминов и понятий, что в свою очередь требовало от комментатора владения хотя бы минимальными грамматическими знаниями санскрита. Относительно полных письменных свидетельств, показывающих технику комментирования санскритских слов, не сохранилось, однако известно, что ряд выдающихся буддийских комментаторов совершали паломничество в индийские буддийские училища, где среди прочего изучали и санскритскую грамматику. Среди них стоит упомянуть Сюань-цзана и Ицзина (VII—VIII вв.), которые оставили довольно объемные комментарии и истолкования отдельных сутр.

Изучение санскрита буддийскими учеными монахами неразрывно было связано с *сиддхамом* — особой разновидностью индийской письменности, использовавшейся для передачи санскритского текста. Пионером в академическом изучении феномена *сиддхама* в Китае и Японии стал Р. ван Гулик [van Gulik 1956]. В своей работе он придерживался мнения, что буддийские монахи в массе ограничивались заучиванием знаков *сиддхама*, при этом не владея санскритской грамматикой. Напротив, такие исследователи, как, например, Дэн Вэйжэнь 鄧偉仁 [鄧偉仁 2014], полагают, что у наиболее видных китайских экзегетов была определенная, хотя и ограниченная лингвистическая компетенция в области грамматики санскрита. Это подтверждается, например, и житийной литературой (напр., «Жизнеописание Сюань-цзана»), так и текстами самих комментариев. Кроме того, изучение санскритской грамматики как отдельная дисциплина входило в *curriculum* буддийского образования и было связано с изучением буддийской грамматики (聲明 *шэнмин*), как еще в 60-е гг. XX в. указывал в своих работах Люй Чэн 呂澂 [呂澂 1977].

Следует выделить следующие наиболее интересные аспекты в этой области.

Сиддхам и его место в истории буддийской комментаторской традиции в Китае

Сиддхам (санскр. Siddham, букв. «законченный, совершенный») представляет собой одну из разновидностей индийского слогового письма, возникшую на основе письменности *брахми* и активно использовавшуюся индийскими буддистами для записи текстов на санскрите. Т.о. переводившиеся на китайский язык тексты были записаны именно *сиддхамом,* и поэтому буддийские ученые монахи должны были овладеть именно этой письменностью. Как справедливо отмечал Р. ван Гулик [van Gulik 1956, 13], подавляющее большинство монахов, считавшихся в Китае знатоками санскрита, в действительности владели в той или иной степени только *сиддхамом*, но не самой грамматикой санскрита.

Понятие «грамматика» (*vyakarana*) в представлении китайских буддистов-комментаторов

Самые ранние упоминания санскритского термина «грамматика» (*vyakarana*) встречаются в жизнеописании Сюань-цзана в форме 毘伽羅 *пи-це-ло* или в более полной версии 毘耶羯剌諵 *пи-е-цзе-ла-нань*. Большинство китайских комментаторов понимали этот термин либо как образное выражение, касающееся махаянских текстов вообще («Писание»), либо как название одного из доктринальных текстов. Тем не менее, наиболее выдающиеся экзегеты (напр., Гуаньдин 灌頂) знали, что *vyakarana* касается изучения смысла слов и звуков в текстах.

Представления о санскритской морфологии и синтаксисе

Интересно отметить собственно грамматические знания комментаторов. Так, Сюань-цзан имел представления о словоизменении глаголов (底彦多 *ди-янь-до, санскр.* Tinanta, «слова, оканчивающиеся на Tin — сокращенная формула Панини для глагольных окончаний), залогах (轉聲 *чжуаньшэн*) и даже приводил в качестве иллюстрации парадигму спряжения в настоящем времени глагола *bhu-* «быть». Он сообщает о существительных (蘇漫多 *су-мань-до, санскр.* Subanta), падежной системе и значениях падежей. В связи с падежной семантикой санскритских текстов китайские комментаторы уделяли в своих трудах известное место и синтаксическим вопросам санскритских оригиналов (напр., объясняя разницу между местным и инструментальным падежами, порядком слов в санскритском предложении и т.п.)

Вопросы словообразования также интересовали китайских буддистов-экзегетов, особенно в связи со сложными санскритскими словами (samasa). Метод анализа сложных слов (sad-samasa) был достаточно хорошо известен китайским комментаторами (т.н. 六合釋 *лю хэ ши*, т.е. «шестеричное истолкование сложных [слов]»). В текстах приводится довольно точный анализ и изъяснение т.н. Composita, при этом ученые китайские монахи знали их санскритскую классификацию (karmadharaya, tatpurusa, bahuvrihi, dvandva, avyayibhava, dvigu).

Таким образом, представления китайских монахов-экзегетов о санскрите было весьма специфическим: большинство в лучшем случае владело знанием знаком письма *сиддхам* и могло как максимум прочитать или написать санскритское слово; однако наиболее известные и выдающиеся комментаторы, пройдя курс обучения в индийских буддийских училищах (Наланда), владели основами санскритской грамматики, могли читать и переводить тексты, а также давать в общем правильное истолкование как отдельных слов и словосочетаний, так и целых предложений.

Библиографический список

Gulik, Robert Hans van. Siddham: An Essay on the History of Sanskrit Studies in China and Japan. Sarasvati-Vihara Series; V. 36. 1956.

呂澂. 聲明略，再版，台北：廣文書局 1977 [Люй Чэн. Краткий очерк о «прояснении звуков». Репринт. Тайвань, Гуанвэнь шуцзюй].

Teng Weijen. Medieval Chinese Buddhist Exegesis and Chinese Grammatical Studies//臺大佛學研究, №.28 (2014.12), pp.105 — 142.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.13.78.003

И.В. Белая
ИКСА РАН

О наставлениях Ма Юя даосским подвижницам школы Цюаньчжэнь

Аннотация. Исследование посвящено стихотворным наставлениям второго патриарха Ма Юя (1123—1183) для последовательниц даосской школы Полного совершенства (Цюаньчжэнь). В них изложены основные принципы учения и особенности методов совершенствования внутренней природы и жизненной силы, известных как «внутренняя алхимия». Написанные в форме увещеваний, стихотворные строки призывают к отказу от удовольствий и роскоши бренного мира ради вознесения в мир небожителей, что резко контрастирует с образами даосок, воспетых литераторами предшествующих эпох.

Ключевые слова: Китай, даосизм, школа Цюаньчжэнь, даосские монахини, «внутренняя алхимия».

Irina V. Belaya
ICCA RAS

On Ma Yu's Instructions to the Quanzhen Daoist Nuns

Abstract. This study examines the instructions of the second patriarch, Ma Yu (1123—1183), to the female followers of the Quanzhen Daoist School. Written in verse, the instructions to the female Daoists focus on the methods of cultivating one's inner nature and vital force, known as “internal alchemy”. Written as exhortations, the verses call for the renunciation of the luxuries of this world for the sake of ascension to the realm of the celestials, a stark contrast to the images of female Daoists celebrated by writers of previous eras.

Keywords: China, Daoism, Quanzhen School, Daoist nuns, “internal alchemy”.

Во второй половине XII в. в Китае возникает новое религиозное течение, получившее название Полное совершенство (Цюаньчжэнь 全真). Его апологетом был даос Ван Чун-ян 王重陽 (1112—1170). На раннем этапе своего существования школа Цюаньчжэнь представляла собой небольшое религиозное объединение во главе которого стояли Семь совершенных — первые ученики Ван Чун-яна. Благодаря их усилиям школа Цюаньчжэнь значительно усиливает свое влияние, распространяясь по всему Китаю. Наставник Ван Чун-ян с самого начала установления учения требовал от последователей соблюдать целибат, вести скромную жизнь в монастырской обители, что полагалось важным условием для

очищения тела и духа. Ученики свято чтили заветы первых наставников — «основывать монастыри — спасать людей», основав к XIV в. более 2000 монастырей. Посвящение в ученики мог получить каждый, вне зависимости от пола, поэтому среди последователей Цюаньчжэнь было большое количество женщин. Для разъяснения основ своего учения патриархи Цюаньчжэнь часто использовали поэтические наставления, написав более ста стихотворений даосским подвижницам [Белая 2022].

Наибольшее количество стихотворных наставлений для женщин было представлено в трудах второго патриарха Ма Юя 馬鈺 (даосское имя Дань-ян 丹陽, 1123—1183). Так, в собрании его работ «Сияние, излучаемое духом Дань-яна» (*Дань-ян шэнь гуан цань* 丹陽神光燦) в одном из стихотворений, под названием «Преподнес сестрице Ли из деревни Сяохуцунь» (*Цзэн Сяохуцунь Ли гу* 贈小胡村李姑), Ма Юй разъясняет даоске по фамилии Ли основы совершенствования внутренней природы (*син* 性) и жизненной силы (*мин* 命). Согласно Ма Юю, отречение от привязанностей суетного мира поможет обуздать сердце от страстей и желаний и остановить поток мыслей. Лишь усердно трудясь на пути самосовершенствования, соблюдая чистоту (*цин* 清), спокойствие (*цзин* 靜) и недеяние (*у вэй* 無為) можно избежать наказания от Янь-ло-вана 閻羅王 — владыки Подземного узилища (*ди юй* 地獄) и познать Дао. В следующих строках стихотворения Ма Юй объясняет, как создать в своем теле Киноварную драгоценность (*дань бао* 丹寶), олицетворяющую эликсир бессмертия, которая образуется путем слияния духа (*шэнь* 神) и дыхания (*ци* 氣). Призывая ступить на стезю совершенствования, Ма Юй сулит вознесение верхом на облаках в райские чертоги небожителей, которые находятся на Трех островах (*сань дао* 三島) [Ма Юй 2004а, с. 489].

В другом стихотворении «Преподнес всем [даосским] сестрицам (*Цзэн чжун нюй гу* 贈眾女姑) Ма Юй критикует жизнь даосок в монастырях с богатым убранством и вычурные наряды и украшениями, считая, что такой образ жизни наносит вред духу-*шэнь*. Только те, которые смогли сменить богатые платья на облачения нищих и не заботиться о красоте своей внешности, превозмогая невзгоды и тяготы, смогут взрастить «Чудесную жемчужину» (*шэнь чжу* 神珠) с помощью «внутренней алхимии» [Ма Юй 2004а, с. 490].

В стихотворении из «Собрания [поэтических произведений] “О постепенном пробуждении”» (*Цзянь у цзи* 漸悟集) Ма Юй призывает двух последовательниц, Яо Шоу-цин 姚守清 и Ли Шоу-цзин 李守靜, отринуть мирские развлечения и посвятить себя даосизму, установив контроль над своими мыслями и чувствами — крепко удерживая «мысли-лошадь» и «сердце-обезьяну», чтобы достичь долгой жизни [Ма Юй 2004б, с. 503].

Таким образом, в стихотворных наставлениях даоскам от патриарха Ма Юя отразились главные принципы учения Цюаньчжэнь. Скромная,

аскетичная жизнь в монастыре, целибат, соблюдение чистоты и покоя считались необходимым для взращивания внутренней природы (*син* 性) и жизненной силы (*мин* 命) — главных «ингредиентов» даосской алхимии (*нэй дань* 內丹).

Библиографический список

Белая 2022 — *Белая И.В.* «Небожительница с шапкой из волос»: о жизни и даосских деяниях Тянь Сянь-гу // Вопросы философии. М., 2022. № 4. С. 179—203.

Ма Юй 2004а — Ма Юй 馬鈺. «Сияние, излучаемое духом Дань-яна» (*Дань-ян шэнь гуан цань* 丹陽神光燦) // Чжунхуа Дао цзан 中華道藏 (Китайский «Даосский канон»). Пекин: Хуася чубаньшэ 北京: 华夏出版社, 2004. 48 册.

Ма Юй 2004б — Ма Юй 馬鈺. «Собрание [поэтических произведений] “О постепенном пробуждении”» (*Цзянь у цзи* 漸悟集) // Чжунхуа Дао цзан 中華道藏 (Китайский «Даосский канон»). Пекин: Хуася чубаньшэ 北京: 华夏出版社, 2004. 48 册.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.58.99.004

А.Ю. Блажкина
ИКСА РАН

К проблеме аутентичности трактата «Кун цун цзы»

Аннотация. В данной работе анализируются некоторые аспекты, связанные с проблемой аутентичности конфуцианского философского трактата «Кун цун цзы». Считается, что он отражает идеи и исторический фон жизни шестнадцати мыслителей, представителей знаменитого рода Кун, от самого основателя конфуцианства и до его потомка в 23-м поколении, Цзи Яня. В течение многих веков этот письменный памятник был предметом дискуссий в среде научного сообщества. Начиная с эпохи Южная Сун и до середины XX в., трактат «Кун цун цзы» считался литературной фальсификацией. Однако современные исследователи призывают к тому, чтобы по-новому взглянуть на историю создания, авторство, а также идейное содержание данного текста.

Ключевые слова: «Кун цун цзы», конфуцианство, Кун Фу, аутентичность.

Anastasia Yu. Blazhkina
ICCA RAS

On the Problem of the Authenticity of the Treatise “Kong cong zi”

Abstract. This paper analyzes certain aspects related to the problem of the authenticity of the Confucian philosophical treatise “Kong cong zi.” It is believed to reflect the ideas and historical background of the lives of sixteen thinkers, representatives of the famous Kong clan, from the very founder of Confucianism to his descendant in the 23rd generation, Ji Yan. For many centuries, this written monument has been a subject of debate within the academic community. From the Southern Song era to the mid-20th century, the treatise “Kong cong zi” was considered a literary forgery. However, contemporary scholars call for a fresh look at the history of its composition, authorship, as well as the ideological content of this text.

Keywords: “Kong cong zi,” Confucianism, Kong Fu, authenticity.

В данном докладе я предлагаю проанализировать некоторые вопросы, связанные с проблемой аутентичности конфуцианского текста «Кун цун цзы». Трактат «Кун цун цзы» (*далее* — «КЦЦ») («Собрание [идей семьи] Кун» / «Учителя из поросли Кунов» 孔丛子). В течение многих веков он был предметом споров в мировой академической среде. История создания, передачи, комментирования, датировка, авторство, подлинность со-

держания и даже само название данного письменного памятника — все аспекты так или иначе продолжают вызывать вопросы и у современных исследователей. Предполагается, что в «КЦЦ» зафиксированы идеи, высказывания и поступки шестнадцати мыслителей, представителей знаменитого рода Кун (孔), от Кун-цзы (孔子) (551 — 479 гг. до н.э.) до его потомка в 23-м поколении, Цзи Яня (季彦) (? — 124). Однако, не доказав аутентичность «КЦЦ», мы не можем дать взвешенного решения относительно того, представляет ли данный трактат ретроспективу философской традиции, является ли «КЦЦ» фактическим свидетельством этапов развития древнего конфуцианства.

Что касается названия трактата, то привычный для нас вариант, по всей видимости, появляется довольно поздно. Профессор Ян Цзюнь (杨军) пишет, что трактат «Кун цун цзы» изначально назывался «Пан юй» (盘盂), то есть «лохань и чаша». [杨军 2005, 49]. Если обратиться к книжной серии «Сы ку цюань шу» («Полное собрание книг по четырём разделам» 四库全书), то в ней «КЦЦ» относится к разделу «трактаты» (子 *цзы*) и классифицируется как конфуцианский текст (儒家类 *жуцзя лэй*), авторство приписывалось Кун Фу (孔鮒), а также сказано, что «КЦЦ» — это «Кун цзя пань юй», а «Лянь цун» — это книга, [написанная] Кун Цзаном» [四库全书总目提要]. Затем в «Сы ку цюань шу»» приводятся мнения таких как видных ученых древности, как Янь Шигу (颜师古), Чжу Си (朱熹), Чэнь Чжэньсунь (陈振孙) и др.. Все они сходятся в том, что трактат «КЦЦ» не был написан Кун Фу и является более поздней подделкой (伪书 *вэй шу*). Кун Цзя — это второе имя Кун Фу, о чем мы находим свидетельства не только в «Сы ку цюань шу», но и «Ши цзи» («Исторические записки» 史记) [Сыма Цянь].

Профессор Ян Цзюнь выдвигает предположение, что первые шесть свитков «КЦЦ» действительно были написаны Кун Фу, а седьмой свиток, то есть «Лянь цун», был дополнен потомком семьи Кун во времена династии Восточная Хань. Однако, что касается раздела «Лянь цунь», состоящего из двух частей, он едва ли мог быть полностью написан Кун Цзаном. В разделе «Лянь цунь» есть глава под названием «Сюй ши» («Генеалогия» 叙世), в которой описываются деяния сына Кун Цзана — Кун Линя (孔琳) и его потомков [孔丛子], причем нижняя временная граница этих событий охватывает период Восточной Хань, то есть более чем через 200 лет после смерти Кун Цзана. Это доказывает, что верхняя и нижняя части «Лянь цун» были завершены не Кун Цзаном, а фактически написаны потомками Кун-цзы после третьего года правления под девизом Яньгуан (124 г.) эпохи Восточная Хань [杨军 2005, 51].

Если говорить об авторстве и времени создания «КЦЦ», то Ли Сюэцинь (李学勤) считает, что, поскольку у Хуанфу Ми (皇甫谧) в произведении «Ди ван ши цзи» («Век императоров и ванов» 帝王世纪), которое

датируется эпохой Вэй-Цзинь (220 — 420), уже цитировались «КЦЦ», следовательно, составление данной книги должно было произойти очень давно, возможно, ее написал Цзи Янь или представитель одного из последующих поколений семьи Кун [席慧娟 2010, 13].

Наиболее раннее упоминание о «Кун цун» впервые встречается у Ван Су в сочинении «Шэн чжэн лунь» («О доказательствах совершенномудрых» 圣证论). Текст не дошел до нашего времени, но указание на эту информацию мы находим в библиографическом разделе трактата «Суй шу» («Книга эпохи Суй» 隋书) [八史经籍志·隋书经籍志（卷一、二）]. По всей видимости, книга «КЦЦ» или уже существовала в эпоху Вэй-Цзинь, или же была создана в этот период. Трактат под названием «Кун цун» возник до эпохи Тан, и его автором ко времени составления «Суй шу» все еще считался Кун Фу. Наиболее веская причина, по которой большинство ученых считали «КЦЦ» подделкой, заключается в том, что трактат не упоминается разделе «И вэнь чжи» («Библиография» 艺文志) «Хань шу». Как доказывает профессор Ян Цзюнь, изначальное название «КЦЦ» — это «Пань юй». В «Хань шу» нет упоминания о «КЦЦ», но есть упоминание о книге «Кун цзя пань юй эр ши лю пянь». Ян Цзюнь делает вывод, что «КЦЦ» и «Кун цзя пань юй» одна и та же книга, но под двумя разными названиями. Его аргументы представляются убедительными, а следовательно вопрос об фальсификации «КЦЦ» нельзя считать окончательно решенным.

В эпоху династии Южная Сун (1127 — 1279), распространился подход, согласно которому трактат «КЦЦ» является поздней подделкой [Yoav Ariel 1989, 3]. Подавляющее большинство исследователей сходятся на мысли о том, что негативная оценка подлинности «КЦЦ» связана с критикой Чжу Си. На данный момент в мировом академическом сообществе точка зрения о том, что трактат «КЦЦ» целиком и полностью является литературной подделкой, если и не считается тотально устаревшей, то многие исследователи относятся к ней с большой осторожностью и известной долей скепсиса.

Библиографический список

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1996. — [Электронный ресурс]. URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/I/Syma_Tsjan/Tom_VI/text47.php?ysclid=mo6w1i1im4656001438 (дата обращения 28.03.2026).

Yoav Ariel (1989). K'ung-ts'ung-tzu: The K'ung Family Masters' Anthology. Princeton University Press. 220 p.

八史经籍志·隋书经籍志（卷一、二）[Библиография «Восьми историй», библиографический раздел «Книги об эпохе Суй», свитки 1—2]. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=7809675&remap=gb (accessed: 24.03.2026).

孔丛子[«Собрание [идей семьи] Кун»]. URL: https://ctext.org/kongcongzi (accessed: 28.03.2026).

四部丛刊初篇 [Первая редакция «Собрания литературных произведений по четырём разделам»]. URL: https://ctext.org/library.pl?if=en&res=77397 (accessed: 29.03.2026).

四库全书总目提要 [Общий каталог библиографического раздела «Сы ку цюань шу»]. URL: http://ab.newdu.com/book/story.php?id=9262 (accessed: 28.03.2026).

席慧娟: 《孔丛子》真伪诸说考 [Си Хуэйцзюань. Изучение аутентичности «Кун цун цзы»]. // 文学界（理论版），2010 年, 第 5 期，第 13—24 页。

杨军:《孔丛子》考证 [Ян Цзюнь. Критическое исследование «Кун цун цзы»] // 苏州科技学院学报（社会科学版）, 第 22 卷第 4 期 2005 年 11 月, 第 49—54 页。

DOI: 10.48647/ICCA.2026.25.35.005

Гао Цин 高晴
Шаньдунский политехнический университет

Конфуцианская философия и современный китайский язык: взаимодействие языка и философии

Аннотация. В данной работе будет рассмотрено влияние конфуцианской философии на структуру современного китайского языка и языковые стратегии, с особым акцентом на то, как через язык распространяются ключевые конфуцианские ценности, такие как «жэнь» (человечность), «и» (справедливость), «ли» (обрядность), «чжи» (мудрость), и как это формирует способы выражения и языковые стратегии в современном китайском языке. С распространением китайского языка по всему миру, элементы конфуцианской философии стали изучаться и обсуждаться учеными и в странах, где не говорят на китайском, особенно в странах Восточной Азии и русскоязычных странах. В этих межкультурных обменах конфуцианская философия и современный китайский язык играют заметную роль.

Ключевые слова: конфуцианская философия, современный китайский язык, взаимодействие языка и философии, языковая стандартизация

Gao Qing
Shandong University of Technology

Confucian Philosophy and Modern Chinese: The Interaction of Language and Philosophy

Abstract. This paper examines the influence of Confucian philosophy on the structure of the modern Chinese language and linguistic strategies, with a particular emphasis on how key Confucian values such as ren (humanity), yi (justice), li (ritualism), and zhi (wisdom) are disseminated through language and how this shapes modes of expression and linguistic strategies in modern Chinese. With the spread of Chinese worldwide, elements of Confucian philosophy have become increasingly studied and discussed by scholars in non-Chinese-speaking countries, particularly in East Asian and Russian-speaking countries. Confucian philosophy and the modern Chinese language play a significant role in these intercultural exchanges.

Keywords: Confucian philosophy, modern Chinese language, interaction of language and philosophy, language standardization.

Конфуцианская философия оказала глубокое влияние не только на философию, этику и социальную структуру Китая, но и сыграла ключевую роль в развитии и эволюции китайского языка. От классических

произведений, таких как «Луньюй», до распространения современной конфуцианской философии, конфуцианские идеи через язык, использование лексики и построение предложений сформировали уникальную языковую среду и функции китайского языка. Особенно в XXI веке возрождение конфуцианской философии оказало глубокое влияние на развитие современного китайского языка, особенно в аспектах социальной этики, культурного возрождения и языковой стандартизации.

В данной работе будет рассмотрено влияние конфуцианской философии на структуру современного китайского языка и языковые стратегии, с особым акцентом на то, как через язык распространяются ключевые конфуцианские ценности, такие как «жэнь» (человечность), «и» (справедливость), «ли» (обрядность), «чжи» (мудрость), и как это формирует способы выражения и языковые стратегии в современном китайском языке. С распространением китайского языка по всему миру, элементы конфуцианской философии стали все более изучаться и обсуждаться учеными и в странах, где не говорят на китайском, особенно в странах Восточной Азии и русскоязычных странах. В этих межкультурных обменах конфуцианская философия и современный китайский язык играют заметную роль.

Кроме того, важным будет проанализировать влияние конфуцианской философии на лексический состав, грамматику и языковую политику китайского языка в XXI веке, особенно в контексте продвижения мандаринского китайского языка и языковой стандартизации. Автор ставит задачу показать, как конфуцианская философия интегрируется в систему языкового образования и культурного наследия, как через взаимодействие с русским языком философия конфуцианства встраивается в академическую среду и культурный обмен в русскоязычных странах, особенно в контексте преподавания китайского языка и передачи философских концепций на русском языке.

В докладе рассмотрено влияние изменений, происходящих в современном китайском языке в эпоху интернет-культуры, и как, через языковые символы конфуцианской философии, происходит культурное возрождение и сохранение традиций в условиях глобализации и столкновения с местными культурами. Этот процесс не только помогает нам понять распространение китайского языка в современном мире, но и предлагает новые подходы для межкультурного диалога конфуцианской философии.

Библиографический список

王明珠，李志强：儒家文化与现代中国语言发展 [王明珠，李志强。2020，第 3 期，第 45—78 页]。

张伟，李晓红：中国哲学与现代西方哲学的比较研究 [张伟，李晓红。2018，第 4 期，第 102—130 页]。

陈小春，杨莹：全球化背景下的汉语传播与文化认同 [陈小春，杨莹。2021，第 1 期，第 10—35 页]。

李红，王建民：网络文化对现代汉语的影响与挑战 [李红，王建民。2019，第 5 期，第 20—50 页]。

刘欣，赵杰：中国儒家哲学对语言表达的影响 [刘欣，赵杰。2017，第 6 期，第 88—112 页]。

王鹏，张慧：汉语语法与儒家思想的关系探讨 [王鹏，张慧。2022，第 7 期，第 134—156 页]。

李明，赵丽：现代汉语中的文化符号与儒家价值观 [李明，赵丽。2020，第 8 期，第 58—82 页]。

刘思宇，周晨：中国语言政策与文化复兴的相互作用 [刘思宇，周晨。2016，第 2 期，第 92—115 页]。

赵峰，陈晓婷：儒家思想在汉语词汇演变中的影响 [赵峰，陈晓婷。2018，第 3 期，第 123—145 页]。

朱涛，吴丽：汉语和文化认同的全球化进程 [朱涛，吴丽。2019，第 9 期，第 76—98 页]。

DOI: 10.48647/ICCA.2026.12.28.006

П. В. Гибкий
Белорусский государственный университет иностранных языков

«Линейность» vs «Цикличность»: восприятие времени в европейской и китайской культурах

Аннотация. Проведено сопоставление фундаментальных моделей восприятия времени в европейской (линейной) и китайской (циклической) культурных традициях. Актуальность работы обусловлена ростом межкультурных контактов между русскоязычными государствами и Китаем в сфере бизнеса, дипломатии, образования и личной коммуникации, где различия в темпоральных установках нередко становятся источником недопонимания. Цель исследования — выявить ключевые характеристики линейного и циклического времени, проанализировать их проявление в планировании, отношении к истории, ошибкам и кризисам, а также предложить пути синтеза обеих моделей. Линейная модель трактует время как невозобновляемый ресурс («время — деньги»). Циклическая модель, опирающаяся на даосизм, буддизм и аграрный уклад, понимает время как непрерывный цикл (смену сезонов, динамику *инь и ян*). Обосновывается, что синтез линейного и циклического подходов позволяет сочетать инструментальную эффективность западной модели со стратегической устойчивостью восточной, что особенно значимо в контексте современного межкультурного диалога.

Ключевые слова: восприятие времени, линейность, цикличность, европейская культура, китайская культура, межкультурная коммуникация.

Pavel V. Gibkij
Belarusian State University of Foreign Languages

“Linearity” vs “Cyclicity”: Perception of Time in European and Chinese Cultures

Abstract. The study provides a comparative analysis of the fundamental models of time perception in European (linear) and Chinese (cyclical) cultural traditions. The relevance of the work is driven by the growth of intercultural contacts between Russian-speaking states and China in business, diplomacy, education, and personal communication, where differences in temporal mindsets often lead to misunderstandings. The goal of the research is to identify the key characteristics of linear and cyclical time, analyze their manifestation in planning and attitudes toward history, errors, and crises, and propose ways to synthesize both models.

The linear model treats time as a non-renewable resource (“time is money”). The cyclical model, rooted in Taoism, Buddhism, and agrarian traditions, views time as a continuous cycle (the changing of seasons, the dynamics of yin and

yang). The study argues that a synthesis of linear and cyclical approaches allows for the combination of the instrumental efficiency of the Western model with the strategic resilience of the Eastern model, which is particularly significant in the context of modern intercultural dialogue.

Keywords: time perception, linearity, cyclicity, European culture, Chinese culture, intercultural communication.

Восприятие времени является одной из фундаментальных культурных универсалий, определяющих поведение, мышление и коммуникативные стратегии представителей разных цивилизаций. Наиболее контрастно противопоставлены друг другу линейная (монохронная) модель, характерная для европейской культурной традиции, и циклическая (полихронная) модель, доминирующая в китайской культуре.

Западное восприятие времени во многом сформировано древнегреческой философией [Ridderbos 2002], авраамическими религиями (иудаизмом, христианством, исламом и др.) [Gallois 2014] и последующим влиянием промышленной революции, а также других социальных, экономических и политических процессов. В рамках названной парадигмы движение времени понимается как вектор, стрела, направленная из прошлого через настоящее в будущее. Оно является невозобновляемым ресурсом — отсюда известная метафора «Время — деньги». После того, как мгновение пройдёт, его уже невозможно будет «вернуть», что порождает акцент на дедлайнах, многозадачности, важности быстрого достижения результата и прогресса. Ошибка в линейной модели воспринимается как потеря времени, а история — как лестница, ведущая вверх, к всё более совершенному состоянию общества.

Китайское восприятие времени, напротив, сложилось под влиянием даосизма, буддизма и аграрного уклада жизни общества [Магамедова 2009, 209], [王加华 2015]. Время понимается как круг или спираль: всё возвращается на круги своя — сменяются династии, сезоны, фазы *инь* и *ян*. Важно не гнаться за результатом, а достичь гармонии с текущим моментом и умение выбрать правильный момент для действия (концепция *у-вэй* — «недеяние» как действие в согласии с естественным ритмом). Время неисчерпаемо, подобно океану с его приливами и отливами. В циклической модели ошибка трактуется как естественная фаза рецессии, за которой обязательно последует рост, а история понимается как череда подъёмов и спадов.

Эти различия отчётливо проявляются в практике международного общения. В европейской системе планирование представляет собой жёсткий график шагов по достижению цели, дедлайны строги, опоздание вызывает стресс. В китайской традиции план — это скорее выжидание «окна возможностей» внутри природного или исторического цикла, сро-

ки гибки, важнее дождаться правильных условий. Классическая формула этого подхода зафиксирована в романе «Троецарствие»: «Распадающееся единство обязательно воссоединится» [罗贯中 2015, 3].

Ключом к успешной межкультурной коммуникации, по нашему мнению, является не отказ от одной модели в пользу другой, а их синтез. Линейность даёт инструменты, скорость и чёткость достижения целей. Цикличность обеспечивает стратегическую выносливость, терпение и способность восстанавливаться после неудач. Понимание этой дихотомии особенно важно для преподавателей китайского языка и культуры (в процессе изучения синтаксиса, лексики и особенностей восприятия времени носителями китайского языка), переводчиков (при выборе подходящих соответствий), бизнесменов и дипломатов, сталкивающихся с необходимостью интерпретации дедлайнов и пунктуальности китайскими партнёрами.

Библиографический список

Магамедова К. Г. «Время» в европейской и китайской рациональности: проблема общезначимой семантики // Философия науки и техники. 2009. № 1. С. 209—220. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-v-evropeyskoy-i-kitayskoy-ratsionalnosti-problema-obscheznachimoy-semantiki (дата обращения: 08.04.2026).

Ridderbos K. Time and Religion // Time. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 143—165.

Gallois W. Time, Religion and History. London: Routledge, 2014. 304 p.

罗贯中：三国演义 [Ло Гуаньчжун. Троецарствие] // 第一回. — 北京: 中华书局, 2015. 448 页.

王加华：被结构的时间：农事节律与传统中国乡村民众年度时间生活——以江南地区为中心的研究 [Ван Цзяхуа. Структурированное время: агрокалендарные ритмы и годичный уклад жизни традиционного китайского сельского населения (на примере Цзяннани)] // 山东大学文史哲研究丛刊. 上海: 上海古籍出版社, 2015. 386 页.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.64.47.007

Д.Г. Главева
Амстердам

Философия одиночества в Японии: от дзен-буддизма до феномена хикикомори

Аннотация. В докладе рассматривается эволюция представлений об одиночестве в японской культуре — от духовной практики дзен-буддизма до современного феномена *хикикомори*. Анализируются философские и культурные основания японского понимания уединения, связанные с дзен-буддизмом, эстетикой *ваби-саби* и традицией внутреннего созерцания. Особое внимание уделяется трансформации отношения к одиночеству в XX—XXI веках под влиянием модернизации, социальной конкуренции и кризиса коммуникации. Исследуется концепция «*фудо*» Вацудзи Тэцуро, подчеркивающая зависимость личности от социальной и культурной среды. Показано, что современный феномен *хикикомори* отражает переход от традиционного понимания одиночества как пути духовного самосовершенствования к состоянию социальной изоляции и отчуждения. Делается вывод о том, что изменение отношения к одиночеству является проявлением более глубоких трансформаций японского общества и кризиса социальных связей.

Ключевые слова: Япония, одиночество, дзен-буддизм, ваби-саби, хикикомори, Вацудзи Тэцуро, японская культура, социальная изоляция.

Diana Glaveva
Amsterdam

«The Philosophy of Loneliness in Japan: From Zen Buddhism to the Hikikomori Phenomenon»

Abstract. The article examines the evolution of the concept of loneliness in Japanese culture — from the spiritual practices of Zen Buddhism to the contemporary phenomenon of *hikikomori*. The study analyzes the philosophical and cultural foundations of Japanese attitudes toward solitude, particularly those associated with Zen Buddhism, the aesthetics of *wabi-sabi*, and the tradition of inner contemplation. Special attention is paid to the transformation of the perception of loneliness in the 20th and 21st centuries under the influence of modernization, social competition, and the crisis of communication. The paper also explores Watsuji Tetsurō's concept of *fūdo*, which emphasizes the dependence of human existence on social and cultural environment. It is argued that the modern phenomenon of *hikikomori* reflects a shift from the traditional understanding of solitude as a path toward spiritual self-improvement to a condition of social isolation and alienation. The article concludes that changes in the perception of loneliness reveal deeper transformations within Japanese society and the crisis of social relations.

Keywords: Japan, loneliness, Zen Buddhism, wabi-sabi, hikikomori, Watsuji Tetsurō, Japanese culture, social isolation.

Японская культура на протяжении веков формировала особое понимание одиночества, рассматривая его не только как психологическое или социальное состояние, но и как важный элемент духовного опыта. В традиционной японской философии уединение воспринималось как способ внутреннего самосовершенствования, достижения гармонии и преодоления зависимости от внешнего мира. Однако в условиях модернизации и усиления социального давления значение одиночества постепенно изменялось. В современном японском обществе оно все чаще приобретает форму социальной изоляции и утраты устойчивых связей между человеком и обществом. Анализ эволюции отношения к одиночеству — от дзен-буддийской практики духовного сосредоточения до феномена *хикикомори* (引きこもり) — позволяет проследить более глубокие изменения в структуре японской культуры.

В отличие от западной традиции, где одиночество нередко связывалось с отчуждением и трагизмом, дзен-буддизм рассматривал уединение как необходимое условие духовного сосредоточения и достижения просветления [Suzuki Daisetsu, 1959].

Практика *дзадзэн* (坐禅) основывалась на сознательном отстранении от повседневной суеты, обращении к внутреннему взгляду (яп. *найкан,* кит. *нэй гуань* 内観**)** и стремлении к духовному самопознанию [Хакуин Экаку, 1994].

Особую роль в японской культуре сыграла эстетика *ва́би-са́би* (侘寂), связанная с восприятием непостоянства, простоты и внутренней тишины [Hisamatsu Shin'ichi, 1971]. В традиции *ва́би-са́би* одиночество приобретало эстетическую ценность. Отшельничество, скромность быта и удаление от городской жизни воспринимались как путь к духовной чистоте. Поэты и мыслители, такие как Мацуо Басё и Камо-но Тёмэй, рассматривали одиночество как пространство внутренней свободы, созерцания и гармонии с природой [Мацуо Басё, 1985; Камо-но Тёмэй, 2000].

Трансформация восприятия одиночества в японской культуре может быть условно разделена на три основных этапа: традиционно-религиозный, философско-социальный и современный кризисный.

На первом этапе, связанном с традиционной культурой и религиозными практиками, одиночество воспринималось прежде всего как форма духовного самосовершенствования. Дзен-буддизм и эстетика *ва́би-са́би* рассматривали уединение как необходимое условие внутреннего сосредоточения, созерцания и достижения гармонии с миром.

При этом традиционное понимание одиночества в Японии невозможно рассматривать вне представления о коллективной гармонии и со-

циальной взаимозависимости. Конфуцианская этика, система социальных ролей и высокая значимость групповой принадлежности формировали модель личности, ориентированную на согласие с окружающими. Именно поэтому добровольное уединение воспринималось не как отказ от общества, а как временное духовное состояние, после которого человек вновь возвращался к социальным обязанностям.

Второй этап связан с философским переосмыслением проблемы одиночества в XX веке. Японские мыслители, прежде всего Вацудзи Тэцуро, стремились показать, что человеческое существование невозможно вне отношений с другими людьми и окружающим пространством. В своей концепции «*фудо*» (風土) Вацудзи подчеркивал зависимость личности от культурной и социальной среды, критикуя западное представление об автономном индивидууме. В этом контексте одиночество понималось уже не столько как религиозная практика, сколько как временное переживание дистанции между человеком и обществом [Вацудзи Тэцуро, 1935]. Таким образом, акцент постепенно смещается от духовного опыта к проблеме взаимодействия личности и социальной среды.

Третий этап связан с возникновением феномена *хикикомори* в конце XX — начале XXI века. Термин происходит от глагола *хикикомору* (引きこもる) — «уединяться», «замыкаться в себе», «изолироваться». Но за этим словом скрывается не просто добровольное уединение, а глубокий кризис отношений между человеком и обществом». Термин «*хикикомори*» получил широкое распространение в Японии в 1990-е годы благодаря исследованиям психиатра Сайто Тамаки [Сайто Тамаки, 1998]. Им обозначают людей, которые месяцами и даже годами практически не покидают свои комнаты, избегая учебы, работы и социальных контактов.

В дзен-буддийской традиции уединение рассматривалось как необходимое условие внутреннего сосредоточения и освобождения сознания от внешней суеты (Suzuki Daisetsu, 1959; Хакуин Экаку, 1994). Одиночество понималось не как разрыв с обществом, а как форма духовной дисциплины, направленной на самопознание и достижение внутренней гармонии. Представляется важным, что в японской традиции одиночество никогда не понималось как абсолютная независимость личности. Даже в состоянии уединения человек продолжал воспринимать себя частью более широкого социального и природного порядка.

Однако в XX—XXI веках восприятие одиночества в японской культуре существенно трансформируется. Если традиционное уединение было связано с созерцанием, внутренним поиском и духовным совершенствованием, то современная социальная изоляция все чаще приобретает вынужденный и кризисный характер. Под воздействием высокой социальной конкуренции, давления образовательной системы и кризиса меж-

личностной коммуникации одиночество перестает восприниматься как путь к гармонии и превращается в форму социального отчуждения.

Наиболее ярким проявлением этой трансформации стал феномен *хикикомори*, свидетельствующий о разрушении социальных связей и утрате чувства принадлежности к коллективу [Сайто Тамаки, 1998].

Таким образом, эволюция отношения к одиночеству отражает более глубокие изменения японского общества: переход от философии внутреннего созерцания и коллективной взаимосвязанности к состоянию внутренней фрагментации личности и кризиса коммуникации. В этом смысле феномен *хикикомори* становится не исключением, а одним из наиболее заметных проявлений кризиса современных социальных связей. Современный феномен *хикикомори* можно рассматривать не только как личный кризис, но и как симптом изменения самой структуры общественных отношений в Японии.

Библиографический список

Вацудзи Тэцуро. *Фудо* (風土). *Климат и культура.* Токио: Iwanami Shoten, 1935.

Камо-но Тёмэй. *Ходзёки. Записки из кельи*. СПб.: Гиперион, 2000.

斎藤環『社会的ひきこもり——終わらない思春期』PHP 研究所、1998 年。

Мацуо Басё. *Узкая дорога в глубь страны* (Оку но хосомити, 奥の細道). СПб.: Азбука-классика, 2005.

Сайто Тамаки. *Социальный хикикомори: бесконечный подростковый возраст*. Токио: PHP 研究所, 1998.

Хакуин Экаку. *Оратэгама* (遠羅天釜) / пер. на современный японский язык и коммент. Камада Сигэо. Токио, 1994.

Abe M. *Zen and Western Thought*. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 1985.

Furlong A. *The Japanese Hikikomori Phenomenon: Acute Social Withdrawal among Young People* // *The Sociological Review*. 2008. Vol. 56. № 2. P. 309—325.

Hisamatsu S. *Zen and the Fine Arts*. Tokyo: Kodansha International, 1971.

Kato T., Kanba S., Teo A. *Hikikomori: Experience in Japan and International Relevance* // *World Psychiatry*. 2018. Vol. 17. № 1. P. 105—106.

Nishitani K. *Religion and Nothingness*. Berkeley: University of California Press, 1982.

Suzuki D. T. *Zen and Japanese Culture*. Princeton: Princeton University Press, 1959.

Suzuki D. T. *Zen Buddhism and Its Influence on Japanese Culture*. Kyoto: Eastern Buddhist Society, 1938.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.91.77.008

Жань Цзиньхун
МГУ

Реконструкция Цзян Цином политической философии исследований Гунъян

冉锦红

蒋庆对公羊学的政治哲学重构

摘要：蒋庆是当代中国“政治儒学”思潮的代表性人物，其思想的核心在于通过对《春秋公羊传》的创造性诠释，重构一套区别于宋明心性儒学的政治哲学体系。本文研究表明，蒋庆突破学界将儒学等同于心性儒学的认知局限，划分儒学心性与政治双重传统，重拾《春秋公羊传》核心义理，构建以三重合法性为核心的王道政治哲学体系，批判西方单一民意合法性的理论缺陷，深度阐释素王立法、张三世、通三统、大一统的形上哲学内涵，回应现代性政治哲学困境，致力于重构中国本土政治哲学话语体系，其思想兼具学术创新性与时代争议性，为儒家政治哲学的现代转型提供了重要理论思路。

关键词：蒋庆；公羊学；政治哲学；王道合法性

Ran Jinhong
MSU

Jiang Qing's Reconstruction of the Political Philosophy of the Gongyang School

Abstract. Jiang Qing is a representative figure of the contemporary “Political Confucianism” movement in China. The core of his thought lies in reconstructing a political philosophy system distinct from the Song-Ming Neo-Confucianism of mind-nature through a creative interpretation of the *Gongyang Commentary on the Spring and Autumn Annals*. The research in this paper demonstrates that Jiang Qing breaks through the academic limitation of equating Confucianism solely with the philosophy of mind-nature, distinguishing the dual traditions of Confucianism—namely, the tradition of mind-nature and the tradition of politics—and revives the core doctrines of the Gongyang Commentary on the Spring and Autumn Annals. He constructs a system of the political philosophy of “kingly governance” centered on the concept of “triple legitimacy,” critiques the theoretical deficiencies of Western models that rely on a single source of popular legitimacy, and offers profound metaphysical interpretations of concepts such as the “Sage-King‘s legislation,” the “Three Ages,” the “Unification of the Three Traditions,” and “Grand Unity.” In doing so, he responds to the predicaments of modern political philoso-

phy and strives to reconstruct an indigenous Chinese discourse on political philosophy. Jiang Qing's thought, which is both academically innovative and highly controversial, provides an important theoretical framework for the modern transformation of Confucian political philosophy.

Keywords: Jiang Qing; Gongyang Studies; political philosophy; legitimacy of kingly governance.

一、儒学双重传统的再发现

蒋庆对公羊学的政治哲学重构，始于对儒学传统的一次根本性"再发现"。他指出，现代儒学研究长期将心性儒学等同于儒学全部，遮蔽了儒学内部固有的双重传统——心性儒学（内圣）与政治儒学（外王）。在蒋庆看来，《春秋公羊传》正是政治儒学的正宗形态，承载着政治合法性、历史演进、文明秩序等核心命题。这一论断直接挑战了自宋明理学以来、尤其是港台新儒家以心性论为儒学核心的研究范式。

蒋庆对港台新儒家的批评尤为尖锐。他认为牟宗三、唐君毅等人虽力图会通中西，实则"以西方民主范式适配儒学"，是"变相西化"，使儒学沦为西方政治理念的注脚。蒋庆主张，政治儒学不必假道心性形而上学，而应直接回归公羊学传统，重建独立于西方话语体系的中国政治哲学。这一立场标志着"大陆新儒家"与港台新儒家的根本分野：前者强调政治制度的独立建构，后者侧重道德主体的自我转化。

这一努力在学界引发激烈争论：支持者如陈明、秋风认为蒋庆恢复了儒学被压抑的政治主体性；批评者如李明辉、杨阳则指出心性与政治在儒家传统中本不可分割。尽管争议不断，蒋庆的"再发现"确实迫使学界重新审视被长期忽视的政治哲学资源。

二、蒋庆公羊学的核心理论框架

蒋庆的公羊学重构形成了一套由四个维度构成的理论框架。

其一，素王立法的形上信仰。蒋庆重提孔子为"素王"——无实际王位而以王道立法者。《春秋》并非普通史书，而是为万世确立政治终极价值的政治形而上学经典。这为政治秩序奠立了超越性道义根基，使政治权力必须接受圣贤经典的道义审视。

其二，三重合法性理论。这是蒋庆最具原创性的贡献。他批判西方单一的民意合法性模式，提出三重合法性体系：天道合法性（超越性正义）、历史合法性（民族文化传统）、民意合法性（民众福祉）。三者

相互制衡、缺一不可。批评者指出，该理论在实践中缺乏明确制衡机制：谁来解释天道？如何防止掌权者以天道之名行专制之实？

其三，张三世、通三统的历史哲学。蒋庆将历史理解为从“据乱世”到“升平世”再到“太平世”的道义演进过程，批判福山式的“历史终结论”与启蒙线性进化论。

其四，大一统的哲学内涵。蒋庆反对将“大一统”简单理解为政治集权，而是阐释为“道义的统一”与“文明的统一”，指向政治共同体的精神根基。

三、国内外学界对蒋庆政治哲学的回应

蒋庆的公羊学重构引发广泛争议，也受到国际学术界关注。

俄罗斯学者戈尔东认为，蒋庆试图将儒学转化为现代“民族宗教”，赋予其国家性、制度性功能，但缺乏明确的宗教组织载体和仪式体系，使其构想停留于精英哲学层面。

加拿大学者贝淡宁肯定蒋庆是“中华人民共和国成立以来对政治儒学最系统、最详尽的辩护者”，但对具体制度设计持保留态度。

国内学界回应更为多元。支持者如陈明认为“三重合法性”具有开创性意义，为中国政治发展提供了内生于自身文明传统的评价标准。批评者方面：孙铁骑认为蒋庆的政治儒学偏离了孔子《春秋》“正名”的义理根基，是“蒋庆的私人之学，而不是孔子的儒学”；陈咸源指出其“三院制”设计杂合了伊朗神权制、英国上议院及欧美民主制度，却声称源自公羊学，缺乏说服力；任峰更直言蒋庆单方面强调政治权力的神性、无视其魔性，丧失了现实感，其理论可能导向“新权威主义”。

四、蒋庆公羊学的现代意义与反思

蒋庆的公羊学重构，本质上是对现代性政治哲学困境的深刻反思。现代性在带来个人解放与技术进步的同时，也引发了价值虚无、政治功利化与文明割裂等危机，蒋庆试图以儒家天道王道哲学提供一种源自中国本土文明传统的解决方案。

从中国政治哲学主体性建构的角度看，蒋庆的努力具有积极意义。他迫使学界反思西方政治哲学的唯一性，开始认真挖掘传统思想资源的现代价值。正如杨子飞所言，“政治儒学”使儒学从心性修养的私人领域回到了公共政治领域，这一转向本身就有重大理论意义。从历史维度看，这是一个多世纪来中国人第一次如此自信地谈论自己的政治智慧。

然而，蒋庆的思想也存在明显局限。首先是保守性问题：他对传统秩序的高度理想化描述，使其在回应自由、平等、权利等现代核心价值时显得乏力。其次是制度操作性问题：三重合法性在现实中如何落实？谁拥有天道解释权？这些问题尚未得到充分解决。国际学界对蒋庆的持续关注表明，他所提出的问题已超越中国语境，成为全球政治哲学对话中不可忽视的参照系。无论最终评价如何，蒋庆的公羊学重构已为中国政治哲学的主体性探索留下了一份厚重而富有争议的思想遗产。

参考文献

А.В. Гордон. Трансформация конфуцианства в национальную религию современного Китая: взгляды Цзян Цина//Социальные и гуманитарные науки Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2019. № 1. С. 90—108.

杨子飞：“政治儒学”抑或“政治的儒学” ———论儒学在当代的政治姿态 [Ян Цзыфэй. Политическое конфуцианство или «политическое» конфуцианство? — О политической позиции конфуцианства в современную эпоху]//武汉大学学报(哲学社会科学版)。2016 年第 69 卷 第 4 期。第 53—57 页

蒋庆：德性、权力与天道合法性 https://www.rujiazg.com/index.php/article/15452 访问时间（13/12/2018）

文扬：蒋氏儒家宪政——如何当真？[Конфуцианский конституционализм Цзян Цина: стоит ли принимать всерьёз?] https://www.xinfajia.net/10046.html 访问时间 (19/07/2012).

孙铁骑： 当代中国政治儒学批判 [Сунь Теци. Критика современного китайского политического конфуцианства]//济南大学学报(社会科学版)。2018 年第 28 卷第 5 期,第 29—33 页.

蒋庆： 公羊学引论：儒家的政治智慧与历史信仰[M]. [Цзян Цин. Введение в гунъянскую школу: политическая мудрость и историческая вера конфуцианства (переработанное издание)]. 沈阳: 辽宁教育出版社, 1997.

蒋庆： 再论政治儒学 [Снова о политическом конфуцианстве] 上海：华东师范大学出版社， 2011.

陈咸源：反哲学的“康党”及其正本清源 Чэнь Сяньюань: Антифилософская «партия Кан Ювэя» и восстановление первоначальной чистоты учения // 济南大学学报(社会科学版)。2019 年第 29 卷第 5 期,第 61—65 页.

肖强：当代大陆新儒家批判——以蒋庆、康晓光、余东海、陈明、秋风为例 Сяо Цян. Критика современного континентального нового конфуцианства: на примере Цзян Цина, Кан Сяогуана, Юй Дунхая, Чэнь Мина и Цю Фэна//文史哲。2017 年第 1 期，第 21—40 页.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.86.83.009

Н.Л. Кварталова
ИКСА РАН

Появление в Китае буддистской логики.

Аннотация. В докладе речь пойдет о появлении в Китае буддистской логики *хетувидья* (санскр. hetuvidyā), китайское название которой — *иньмин* 因明. В Китай тексты по логике пришли вместе с буддизмом и далеко не сразу, а только в 5 веке. Это были сутры, в которых в религиозных спорах затрагивались в том числе и логические проблемы. Основное внимание будет уделено переводам, сделанным буддистским монахом Сюаньцзаном и его учениками, а также судьбе этих переводов.

Ключевые слова: иньмин, Сюаньцзан, буддистская логика.

Nataliya L. Kvartalova
ICCA RAS

The emergence of Buddhist logic in China

Abstract. This paper will discuss the emergence of Buddhist logic known as hetuvidyā (Sanskrit: hetuvidyā), known in Chinese as yinming (因明). Logical texts arrived in China with Buddhism, and not immediately, until the 5th century. These were sutras that addressed logical issues in religious debates. The focus will be on the translations made by the Buddhist monk Xuanzang and his disciples, as well as the fate of these translations.

Keywords: yinming, Xuanzang, Buddhist logic.

В докладе речь пойдет о появлении в Китае буддистской логики *хетувидья* (санскр. hetuvidyā), китайское название которой *иньмин* 因明. По проблематике разрабатываемых тем и по представленным системам индийская логика вполне сопоставима с древнегреческой. В Китай тексты по логике пришли вместе с буддизмом и далеко не сразу, а только в V веке. Это были сутры, в которых в религиозных спорах затрагивались в том числе и логические проблемы. И далее во все исторические эпохи *иньмин* — это именно школы буддисткой логики.

Основателем индийской буддисткой логической мысли обычно называют ученого и логика Дигнагу, жившего в V—VI веке (ок. 480—540 гг.) и много писавшего о рассуждениях, которые являются базисом любой логической системы.

В начале правления династии Тан (618—907) из Китая в Индию отправляется буддийский монах Сюаньцзан (玄奘, ок. 602—664). Он прибыл в монастырский комплекс Наланда, который в те времена был круп-

нейшим буддийским центром, где изучал, в том числе, логику *хетувидья* и теорию высказываний. Сюаньцзан провёл в Индии то ли 17, то ли 19 лет (по разным данным) и вернулся на родину с огромной библиотекой.

Первым выполненным Сюаньцзаном переводом стал трактат «Ньяяправеша» Шанкарасвамина (ок. 500—560 гг.) (в китайском варианте — «Иньмин жу»), а затем «Ньяямукха» («Введение в логику», «Иньмин чжэнли мэнь лунь») — и это основной труд Дигнаги по логике. С этих двух трактатов и начинается история *иньмин* в Китае. Куйцзи, ученик Сюаньцзана, продолжил его работу по переводу индийских сутр и стал первым патриархом школы Фасян. В эпоху Тан китайские учёные, опираясь на труд Куйцзи, начали активно адаптировать индийскую буддийскую логику к местным условиям.

Логика в классическом буддизме считалась одной из «Пяти великих наук» наряду с грамматикой, искусством, медициной и наукой о дхарме. Правда, логика не была самой ценной.

После того, как Сюаньцзан перевёл ключевые трактаты по индийской логике, в китайском обществе проснулся интерес в вопросам *иньмин,* и далее эстафету подхватили ученики. Вслед за Куйцзи его ученик Хуэйчжао (慧沼, 648—714) написал два важных тома: «Суждения об иньмин» и «Введение в теорию иньмин». А такие учёные, как Даоюн 道邕 и Тайсянь 太贤, тоже активно способствовали развитию логики. В итоге на короткий промежуток времени *иньмин* ассимилируется в китайскую буддисткую традицию.

Библиографический список

Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 т. Т. 1. М., 2006.

Zamorski J. The problem of self-refuting statements in Chinese Buddhist logic // A Distant mirror articulating Indic ideas in sixth and seventh century. Chinese Buddhism Hamburg Buddhist Studies, 3 Hamburg: Hamburg University Press, 2014. P. 151—182. URL: https://www.buddhismuskunde.uni-hamburg.de/pdf/4-publikationen/hamburg-buddhist-studies/hamburgup-hbs03-zamorski-linradich-mirror.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

Chen Shuai. Rethinking Indian Buddhist logic in Tang China: An analysis and translation of the Sādhana Section of Kuiji's commentary on the Nyāyapraveśa // Inauguraldissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultüt der Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 2018. DOI: 10.11588/heidok.00024097

Островская Е.А. Тибетский буддизм. СПб., 2002. URL: https://litlife.club/books/242707/read (дата обращения: 25.10.2025).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.87.98.054

А.А. Крушинский
ИКСА РАН

«Окно возможностей (幾)» и стратегическое предвидение в конфуцианской классике»

Аннотация. Задача предлагаемого сообщения — это **проблематизация** стандартного понимания столь ценимого в Китае стратегического предвидения как не более, чем прозорливой диагностики (明) едва различимых симптомов («мельчайшее» 微) надвигающегося события. Проблема в том, что стратегическое предвидение в случае определяемой посредством 微 «благоприятной возможности» (幾) отнюдь не исчерпывается одним лишь предвидением: возведение тревожного/обнадеживающего «мельчайшего» предзнаменования в ранг «благоприятной возможности» требует принципиального разрыва с пассивно-созерцательной позицией диагноста.

Вовремя (иначе говоря, максимально рано) распознанный симптом из всего только заурядной приметы становится счастливым «окном возможностей» исключительно в перспективе деятельной вовлеченности предсказателя в усиленное и скорейшее приближение предугаданного им возможного будущего. Малейшая нерасторопность замешкавшегося прозорливца и приоткрывшееся окно может навсегда захлопнуться.

Более того. Не стоит забывать, что необходимой предпосылкой самого понятия благоприятной возможности является наличие некоей предзаданной цели, достижению которой только и могут благоприятствовать те или иные обстоятельства. Вот почему их благоприятность может быть усмотрена только с уже ангажированной позиции целеустремленного стратега.

Ключевые слова: стратегическое предвидение, мельчайшее (微), благоприятная возможность (幾).

Andrey A. Krushinskiy
ICCA RAS

“Window of Opportunity (幾)” and Strategic Foresight in the Confucian Classics

Abstract. The purpose of this paper is to challenge the standard understanding of strategic foresight, so highly valued in China, as nothing more than a perceptive diagnosis (明) of barely perceptible symptoms (“tiniest” 微) of an impending event. The problem is that strategic foresight, in the case of a “favorable opportunity” (幾) defined by 微, is by no means limited to mere foresight: elevating an alarming/encouraging “tiniest” omen to the rank of “favorable opportunity” requires a fundamental break with the passive, contemplative position of the diagnostician.

A symptom recognized in a timely manner (in other words, as early as possible) transforms from a mere mundane omen into a fortunate “window of opportunity” solely in the prospect of the prognosticator's active engagement in the accelerated and rapid approach of the predicted event. The slightest sluggishness on the part of a hesitant visionary, and the window that opened could slam shut forever.

Moreover, it's worth remembering that a necessary prerequisite for the very concept of an opportunity is the presence of a predetermined goal, the achievement of which alone can be facilitated by certain circumstances. This is why their favorable nature can only be discerned from the already committed position of a goal-oriented strategist.

Keywords: strategic foresight, the smallest (微), opportunity (幾).

Умение воспринимать и распознавать мельчайшие знаки из будущего (стандартно изображаемые знаком «мельчайшее» 微) имеет исключительную значимость для китайской эпистемологической традиции, в частности, для стратегического предвидения и отвечающего ему прогностического рассуждения. Недаром понятие «мельчайшего» играет ключевую роль в *янсюновом* определении «прозорливости» (明) как «восприятии мельчайшего “微而见之”» [扬子法言 1988, 16] .

Тут имеется в виду (среди прочего) способность своевременно — лишь только событийный вектор хоть как-то наметится — уловить направление развития событий. Парадигмальным примером неблагоприятного предзнаменования является *ицзиновский* метафорический образ инея в качестве тревожного предвестника появления льда.

При всей выигрышности подобной стратегической прозорливости заглядывающий за временной горизонт прозорливец, тем не менее, обречен здесь на пассивную роль хотя и проницательного, но заведомо дистанцированного наблюдателя загодя провиденных зигзагов чьей-то посторонней судьбы. Но ситуация кардинально меняется, когда речь заходит не просто о первых едва различимых симптомах грядущего, а о наметившихся **благоприятных** предпосылках какого-либо начинания. Поэтому эфемерный намек, взятый в ракурсе именно **благоприятной** оказии — счастливой возможности, удобного случая для успешных действий, специально терминологизируется знаком *цзи* 幾 (благоприятная возможность/счастливый случай): «*Цзи* — это предзнаменование удачи 吉之先見者».

Постулируемое концепцией благоприятной возможности деятельное участие самого тайновидца в актуализации вдруг наметившейся возможности представляет собой активистскую альтернативу отстраненной позиции ограничивающегося лишь диагностикой наблюдателя. Она стандартно эмблематизируется второй (т.е. срединной) чертой гексаграммы № 16 «Энтузиазм» (豫). *Locus classicus* здесь это следующий пассаж «Комментария привязанных слов»: «Конфуций сказал: “Разве не чародей

тот. кто умеет распознавать благоприятную возможность! Благородный муж в отношениях с вышестоящими не проявляет подобострастия, а в отношениях с нижестоящими неуважения — не в этом ли [основа] его умения распознавать благоприятные возможности? Благоприятная возможность — это мельчайшее [начало] движения и предзнаменование удачи. Благородный муж, увидев благоприятную возможность, [немедленно начинает] действовать, не дожидаясь окончания дня [周易正義 1935, 88].

Таким образом, в случае благоприятной возможности (幾) наблюдается возвышение «мельчайшего» (тревожного или, наоборот, обнадеживающего предзнаменования) до статуса уникального шанса изменить к лучшему свою судьбу посредством собственной решающей вовлеченности.

Библиографический список

扬子法言 [«Образцовые изречения» учителя Яна]//诸子集成。中华书局，北京，1988，第七册， 第 16 页。

周易正義 [Чжоу И в ортодоксальном понимании] //十三经注疏。世界书局，上海，1935，上册，第 88 页。

DOI: 10.48647/ICCA.2026.76.42.010

Ю.Г. Лемешко
МГИМО (У)

«Наставление дочери» Цай Юна: семейное воспитание, конфуцианская этика и традиции женского воспитания в ханьский период

Аннотация. В статье рассматривается дидактический трактат «Нюйсюнь» («Наставление дочери»), традиционно приписываемый выдающемуся ученому и государственному деятелю эпохи Восточная Хань Цай Юну. На основе текстологического анализа и историко-культурного контекста автор исследует произведение как уникальный образец персонализированного семейного воспитания, адресованного элитарной женской аудитории. Особое внимание уделяется интеграции конфуцианской этики в повседневные практики, где бытовая метафора утреннего туалета и правила игры на цине служат инструментом трансляции моральных императивов. В работе доказывается, что текст сознательно преодолевает традиционную бинарную оппозицию «внутреннее/внешнее», постулируя неразрывную связь физической опрятности и духовной чистоты. Выявляется место сочинения в системе ханьской дидактики, где забота о внешнем облике выступает механизмом формирования женской добродетели и укрепления семейного порядка. Особый акцент делается на роли домашних ритуалов как средства этической социализации.

Исследование демонстрирует, как интеллектуал второй половины II в. адаптировал классические ценности для целостного самосовершенствования дочери Цай Вэньцзи. Предложенная модель нравственного воспитания, актуальная для изучения гендерных аспектов и педагогических стратегий традиционной китайской культуры, раскрывает специфику женской социализации в ханьском обществе.

Ключевые слова: Цай Юн (133—192), «Нюйсюнь», конфуцианская этика, семейное воспитание.

Yulia G. Lemeshko
MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations (University))

Cai Yong's Nüxun ("Instructions for My Daughter"): Family Education, Confucian Ethics, and Traditions of Female Upbringing in the Han Period

Abstract. This article examines the didactic treatise Nüxun ("Instructions for My Daughter"), traditionally attributed to the prominent scholar and statesman of the Eastern Han period, Cai Yong. Drawing on textual analysis and historical-

cultural contextualization, the author explores the work as a unique example of personalized family education addressed to an elite female audience. Particular attention is given to the integration of Confucian ethics into daily practices, wherein the domestic metaphor of morning grooming and the principles of qinperformance serve as instruments for transmitting moral imperatives. The study demonstrates that the text deliberately transcends the traditional binary opposition of "inner/outer," positing an inseparable link between physical neatness and spiritual purity. The treatise's place within the Han system of didactic literature is clarified, revealing how attention to outward appearance functioned as a mechanism for cultivating female virtue and reinforcing familial order. Special emphasis is placed on the role of domestic rituals as a means of ethical socialization.

The research illustrates how a late second-century intellectual adapted classical values to foster the holistic self-cultivation of his daughter, Cai Wenji. The proposed model of moral upbringing, relevant to the study of gender aspects and pedagogical strategies in traditional Chinese culture, elucidates the specifics of female socialization in Han society.

Keywords: Cai Yong (133—192), «Nüxun», Confucian ethics, family education.

«Наставление дочери» («Нюйсюнь» 女訓), написанное известным государственным деятелем, энциклопедистом эпохи Восточная Хань Цай Юном (133—192 гг.), представляет собой пример персонализированной дидактики. Нравоучительные тексты занимали центральное место в системе семейного образования, формируя модели поведения, мировоззренческие установки и этические императивы. «Мужская» педагогическая традиция представлена обширным корпусом наставлений, ориентированных преимущественно на подготовку к государственной службе. В эпоху Хань представлены нравоучения, наставления, мемуары, являющиеся звеном между представителями разных эпох и поколений, написанные для юношей. Наиболее яркими из них являются «Наставление племянникам Яню и Дуню» («Цзе сюнцзы Янь Дунь шу», «誡兄子嚴敦書») Ма Юаня (馬援, 14 г. до н.э. — 49 г. н.э.) и «Наставление сыну Синю» («Цзе цзы Синь шу», «诫子歆書») Лю Сяна (劉向, 79 — 6 г. до н. э.).

В противовес этим текстам «Нюйсюнь», авторство которого традиционно приписывают Цай Юну, адресован женской аудитории. «Его учителем был сановник Ху Гуан 胡廣 (91—172), воспитавший в нем почитание конфуцианской культуры. Приверженность традициям Цай Юн перенес в сферу семейных отношений, предполагают, что Цай Юн лично занимался обучением своей дочери Цай Янь» [Лемешко 2022, 365]. Цай Вэньцзи 蔡文姬 (предположительно 170 — 215, второе имя — Чжаоцзи 昭姬) родилась в уезде Юйсянь (圉县, ныне Цисянь 杞县) округа Чэньлю (陈留, современная провинция Хэнань), когда Цай Юну было более сорока лет.

«Нюйсюнь» относится к жанру «семейные наставления» (*цзя сюнь* 家訓), который активно развивался в эпоху Хань. Возможно, что произведение было создано, в последней трети II века н.э. (между 180 — 190 гг.), когда Цай Юн уже имел авторитет конфуцианского интеллектуала. В ханьской традиции такие тексты не предназначались для публикации, они передавались внутри рода, часто в форме устных или письменных указаний старшего поколения младшему, преимущественно дочерям перед замужеством. Цай Юн, будучи не только ученым, но и знатоком ритуала выстраивал наставление как целостную систему воспитания, где внешнее и внутреннее не противопоставляются, а взаимно обусловливают друг друга.

Этот небольшой по объему, сохранившийся фрагментарно дидактический текст, был написан для дочери. Такая адресация объясняет наличие в тексте отсылок к ежедневным практикам и уходом за лицом, волосами, телом, которые в публичном дискурсе могли считаться неуместными или частным. Цай Юн виртуозно играл на цине, Цай Вэньцзи унаследовала от отца музыкальный талант, и вошла в историю как поэтесса и музыкант. Раздел текста, посвященный правилам игры на цине, отражает реальную ситуацию в доме ученого.

На основе текстологического анализа и исторического контекста можно заключить, что включение телесных практик в моральное наставление отражает ханьскую концепцию женской благопристойности, где забота о внешнем облике неразрывно связывается с внутренней добродетелью и семейным порядком. Начало текста 心猶首面也，是以甚致飾焉 — *Сердце подобно голове и лицу, поэтому необходимо особенно тщательно облагораживать его* — наглядно иллюстрирует модель единства тела и сознания.

Весь текст демонстрирует оригинальную стратегию Цай Юна, использующего бытовую метафору утреннего туалета для трансляции конфуцианских ценностей. Он опирается на параллельную аналогию, где каждому действию с внешностью соответствует качество сердца. Через систему соответствий Цай Юн постулирует необходимость ежедневной работы над внутренним миром, утверждая, что пренебрежение духовной гигиеной ведет к этической деградации столь же неизбежно, как отсутствие ухода за телом — к физической запущенности.

«Наставление дочери» в принципе было ориентирован на элитарную женскую аудиторию, получившую лучшее домашнее образование. Представленные в нем идеи о стремлении автора преодолеть бинарную оппозицию «внутреннее/внешнее», доказывают желание предложить модель целостного самосовершенствования, доступную женщине в рамках предписанной ей социальной роли.

Библиографический список

Лемешко Ю.Г. Образ поэтессы Цай Вэнь-цзи в китайской культуре (на материалах китайской народной картины-няньхуа) // Великий смысл врат в сокровенное: религии, философия и культура Китая. К 60-летию С.В. Филонова собрание трудов. Том 2. М.: РАН, 2022. С. 365—372.

女訓蔡邕 [Наставление дочери Цай Юна]. URL: https://www.shidianguji.com/ens/book/SK1309/chapter/1l9lcdp6bb4u7 (accessed: 03.04.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.79.64.011

Н.В. Пушкарская
ИКСА РАН

Учение о пяти стихиях в ханьской комментаторской традиции: от «Хун фань» «洪范» к «У син чжи» «五行志»

Аннотация. Доклад посвящен анализу трактата «Заметки о пяти стихиях» («У син чжи» «五行志») ханьского писателя и историка Бань Гу 班固 (32—92 гг. н.э.) Особое внимание уделено вопросу преемственности с главой «Великий план» («Хун фань» «洪范»): выявляется соотношение канонического доциньского материала и более поздних комментариев, уточняется вклад Бань Гу в традицию комментирования учения о пяти стихиях, восходящего к главе «Хун фань». Выясняется, что основное внимание он уделил ситуации, при которой правильный порядок взаимодействия стихий и соотнесенных с ними действий нарушается. Прежде всего Бань Гу сосредоточен на сбое: на тех случаях, когда пять стихий (*у син* 五行 — вода, огонь, дерево, металл, почва) или пять действий (*у ши* 五事 — поведение, высказывание суждений, наблюдение, слушание, размышление) утрачивают согласованность и перестают действовать как единое целое.

Ключевые слова: Хун фань 洪范, У син чжи 五行志, у син 五行, у ши 五事, Бань Гу 班固.

Natalia Pushkarskaia
ICCA RAS

The Doctrine of Wuxing 五行 in the Han Commentarial Tradition: from the Hong fan 洪范 to the Wuxing zhi 五行志

Abstract. This report is dedicated to an analysis of the treatise “Wuxing zhi” (“五行志”) by the Han historian and writer Ban Gu 班固 (32—92 CE). Particular attention is devoted to the question of its continuity with the chapter “Great Plan” (“Hong fan” “洪范”). The study examines the relationship between the pre-Qin canonical material and later commentarial traditions and clarifies Ban Gu’s contribution to the interpretation of the doctrine of wuxing as articulated in the Hong fan. It is shown that Ban Gu focuses primarily on situations in which the proper order governing the interaction of wuxing and their corresponding human faculties is disrupted. His analysis is centered on breakdown: on cases where either the wuxing (water, fire, wood, metal, earth) or the wushi (bodily comportment, speech, sight, hearing, thought) lose their coordination and cease to function as an integrated whole.

Keywords: Hong fan 洪范, Wuxing zhi 五行志, *wuxing* 五行, *wushi* 五事, Ban Gu 班固.

Содержание главы «Великий план» («Хун фань» «洪范») явилось мощным импульсом для ханьской комментаторской традиции, кульминацией которой стало создание целого жанра трактатов с названием «Заметки о пяти стихиях» («У син чжи» «五行志»). Автором первого подобного текста был писатель и историк Бань Гу 班固 (32—92 гг. н.э.), живший в начале периода Восточная Хань (25—220 гг. н.э.). Этот трактат существовал в рамках большой книги официальной истории династии Хань — «Хань шу». В дальнейшем включать в книги официальной истории такой раздел стало традицией.

Что касается пяти стихий, то Бань Гу в своем тексте не только систематизировал все предшествующие комментарии этого учения, начиная со времени после династии Цинь, но и представил свое видение. Особое внимание он уделил ситуации, при которой правильный порядок взаимодействия стихий и соотнесенных с ними действий нарушается. Его внимание прежде всего сосредоточено на сбое: на тех случаях, когда поведение, высказывание суждений, наблюдение, слушание и размышление утрачивают согласованность и перестают действовать как единое целое. В этом отношении особенно важным для Бань Гу становится мышление, которое он, опираясь на комментаторскую традицию, обозначает выражением *сы синь* 思心 — «мыслящее сердце», тем самым подчеркивая связь мышления с сердцем — внутренним центром. Если попытаться выразить общий смысл его рассуждений, то он сводится к тому, что именно «мыслящее сердце» удерживает прочие способности человека в порядке. Когда же оно теряет некоторые из своих необходимых качеств (такие, например, как великодушие и снисхождение), то начинается помрачение, распад связей и цепь неблагоприятных явлений, затрагивающих уже не только человека, но и всю окружающую действительность. В тексте «Заметок о пяти стихиях» сказано: «В поведении, высказывании суждений, наблюдении, слушании главным является сердце; когда функционирование всех этих четырех [действий] утрачивает [свой порядок], тогда наступает состояние спутанности и неразличения, поэтому изъяном является помрачение».

В тексте трактата предлагается система знамений, позволяющих распознать расстройство «мыслящего сердца» по различным аномальным ситуациям. Наиболее выразительной аномальной ситуацией становится так называемая «жирная тьма» — *чжи е чжи яо* 脂夜之妖. Как сказано в тексте, *чжи* 脂 — это «жирное вещество, находящееся в человеческом чреве и обволакивающее сердце». Далее говорится, что, когда сердце приходит в состояние спутанности и неразличения, оно погружается во тьму и мрак, и тогда наступает аномалия «жирной тьмы».

Согласно тексту, симптомами сбоя могут служить и такие явления, как постоянный ветер, аномальное цветение, бедствие со скотом, болезни

сердца и живота, различные знаки жёлтого цвета и т.д. Таким образом, расстройство мышления, согласно представлениям древних китайцев, затрагивает не только физиологическое и нравственное состояние человека, но сферу природных явлений: «Всякий раз, когда повреждается мыслящее сердце, страдает ци почвы; когда страдает ци почвы, металл, дерево, вода и огонь вредят ей». Таким образом, Бань Гу сосредотачивается на отношении обратной зависимости между пятью действиями *у ши* и пятью стихиями *у син*: расстройство одного влечет за собой нарушение другого.

Библиографический список

Терехов А.Э. Катастрофические последствия пренебрежения этическими нормами в трактате «У син чжи» династийной истории «Хань шу» // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. 2012. № 6. С. 131—149.

五行志 [Заметки о пяти стихиях]. URL: https://ctext.org/han-shu/wu-xing-zhi/ens (дата обращения: 12.04.2026).

洪范 [Великий план]. URL: https://ctext.org/shang-shu/great-plan/zhs (дата обращения: 12.04.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.49.77.012

Л. В. Стеженская
ИВ РАН, ИКСА РАН

К вопросу о датировке рукописи «Книга адамант» иеромонаха Даниила — первого опыта европейского перевода «Алмазной сутры»

Аннотация. «Перевод священной книги фоевской секты, “Фо ню дзинь ганъ дзинъ” называемой, что значит “Книга адамант, или адаманту подобная книга” учения фоя» иеромонаха (позднее архимандрита) Даниила (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798—1877), хранится в Отделе рукописей и редких книг Казанского (Приволжского) федерального университета, представляет собой автограф перевода с китайского на русский язык примерно четверти канонического текста «Алмазной сутры» (параграфы 1—7 из 32). Рукопись выполнена в Китае членом 10-й Духовной православной миссии о. Даниилом незадолго до окончания его пребывания в Пекине в период 1828—1831 годов. Это первая попытка представления наиболее распространенного и авторитетного канонического буддийского текста на европейском языке.

Ключевые слова: «Алмазная сутра», «Ваджраччхедика праджняпарамита-сутра», «Цзиньган цзин», Даниил (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798—1877), буддизм.

Lidia Stezhenskaya
IOS RAS; ICCA RAS

On the issue of the dating of the “Adamant Book” by Hieromonk Daniil, the first experience of the European translation of the “Diamond Sutra”

Abstract. The manuscript “Perevod svyaschennoy knigi foevskoy sekty”, titled “Fo nyu dzin’ gan dzin”, chto znachit “Kniga adamant, ili adamantu podobnaya kniga”, ucheniya foya (Translation of ‘Fo niu jin gang jing’, which means ‘The Adamant Book, or The Adamant-like Book’ of the Foy Doctrine) by Hieromonk (later Archimandrite) Daniil (Dmitriy Petrovich Sivillov, 1798—1877), stored in the Department of Manuscripts and Rare Books of Kazan (Volga Region) Federal University, is an autograph of the translation from Chinese of about a quarter of the canonical text of The Diamond Sutra (paragraphs 1—7 out of 32), undertaken by Fr. Daniil in the period of 1828—1831 while serving as a missionary of The 10th Russian Ecclesiastic Mission in Peking. This is the first attempt of The Diamond Sutra translation into a European language.

Keywords: The Diamond Sutra, Vajracchedika Prajnaparamita Sutra, Jingang jing, Daniil (Dmitriy Petrovich Sivillov, 1798—1877), Buddhism.

Доклад посвящен уникальной рукописи — неоконченному рукописному переводу на русский язык буддийской «Алмазной сутры» («Ваджраччхедика праджняпарамита-сутра»). Рукопись «Перевод священной книги фоевской секты, “Фо ню дзинь ганъ дзинъ” называемой, что значит “Книга адамант, или адаманту подобная книга” учения фоя» иеромонаха (позднее архимандрита) Даниила (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798—1877), хранится в Отделе рукописей и редких книг Казанского (Приволжского) федерального университета, представляет собой автограф перевода с китайского на русский язык примерно четверти канонического текста «Алмазной сутры» (параграфы 1—7). Данный перевод представляет собой первую попытку представления этого наиболее распространенного и авторитетного канонического буддийского текста на европейском языке. Перевод был сделан в Китае членом 10-й Духовной православной миссии о. Даниилом незадолго до окончания его пребывания в Пекине в период 1828—1831 годов. В докладе рассказывается о вариантах перевода названия сутры, приводятся сведения о первых европейских и российских переводчиках, объясняется суть этого текста. Объясняется ошибка в архивной транскрипции начала названия китайского оригинала «Фо ню» и приводится правильная транскрипция «Фо шо» (букв. «Будда говорит»), отмечается китайская средневековая традиция добавления слов «фо шо» в начало названий переводов с санскрита буддийских сутр Махаяны на китайский язык. Проведена сверка имеющихся семи китайских переводов «Алмазной сутры» с текстом русского перевода; указан конкретный вариант китайского перевода Кумарадживы (нач. V в. н.э.), послуживший оригиналом для русского перевода о. Даниила. В докладе дана первичная оценка перевода, подробно объясняется выбор заглавия русского перевода, указывается его стилистическая мотивированность заглавием китайского оригинала. В настоящее время опубликованные русские переводы «Алмазной сутры» с санскрита представлены работами В.П. Андросова [Андросов 2000, 610—639], О.Ф. Волковой и Л. Мялля [*Алмазная сутра* 2005, 8—17]. Переводы с китайского языка были выполнены Е. А. Торчиновым [Торчинов 1986, 53—68; 1991; *Избранные сутры* 2000, 35—72] и Н.В. Потаповой [Потапова 2008,187—313]. Первый европейский опубликованный перевод на немецкий язык выполнен Я.И. Шмидтом [Schmidt 1837, 123—229]. С учетом новых данных можно сделать вывод, что перевод иеромонаха Даниила является более ранним. И теперь можно говорить о Дмитрии Петровиче Сивиллове как об одном из зачинателей исследований буддизма в историографии русского и европейского востоковедения, в области исследования китайского буддизма и в ряду европейских переводов «Алмазной сутры».

Библиографический список

Адамант. *Словарь русского языка XVIII века*. Л.: Наука, 1984. Вып. 1. А — Безпристрастие. С. 24 URL: https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/01/sl102403.htm (accessed: 04.09.2025).

Алексий (Виноградов). *Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Духовной и Дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине (в Китае)*. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1889.

Алмазная сутра, или Сутра о запредельной мудрости, рассекающей, как громовая стрела. Перевод с санскрита О. Ф. Волковой, совместно с Л. Мяллем, 1965 г. *Буддизм России*. 2005. № 37. С. 8—17.

Андросов В.П. *Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты*. М.: Восточная литература, 2000.

Андросов В.П. Учение Нагарджуны о Срединности: исслед. и пер. с санскр. «Коренных строф о Срединности» («Мула-мадхьямака-карика»); пер. с тиб. «Толкования Коренных строф о Срединности, [называемого] Бесстрашным [опровержением догматических воззрений]» («Мула-мадхьямака-вритти Акутобхайя»). М.: Восточная литература, 2006.

Избранные сутры китайского буддизма. Пер. с кит. Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. СПб.: Наука, 2000

Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института Народов Азии. Вып. 1. Сост. М.И. Воробьева-Десятовская, И.С. Гуревич, Л.Н. Меньшиков, В.С. Спирин, С.А. Школяр. Под ред. Л.Н. Меньшикова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1963.

ОР РНБ Ф. 608, № 50. Лл. 1—66 об.

ОРРК КФУ 15322, II/44. Лл. 1—3 об.

Потапова Н.В. *Китайские переводы «Алмазной суры» и «Сутры сердца»*. Дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Науч. рук. Воскресенский Д.Н. М.: ИСАА МГУ, 2008.

Торчинов Е.А. Опыт текстологического анализа китайских переводов «Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутры». *Философские вопросы буддизма.* Отв. ред. В.В. Мантатов. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1984. С. 52—59.

Торчинов Е.А. О психологических аспектах учения праджняпарамиты (На примере «Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутры»). *Психологические аспекты буддизма*. Отв. ред. В.В. Мантатов. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1986. С. 47—69.

Торчинов Е.А. О психологических аспектах учения праджняпарамиты (на примере «Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутры»). *Психологические аспекты буддизма*. Отв. ред. Н.В. Абаев. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1991.

Торчинов Е.А. *Введение в буддологию. Курс лекций*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.

Schmidt I.J. Über das Mahâjâna und Pradschnâ-Pâramita der Bauddhen. *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*, VIme série. Sciences politiques, histoire, philologie. T. 4, 2me livr. 1837. S. 123—229. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=chi.096260575&seq=153 (accessed: 04.09.2025).

Ди цзю нэндуань цзиньган фэнь (Часть 9. [Сутра] рассекающего алмаза (第九能斷金剛分). *Да божэ боломидо цзин цзюань ди убай цишши ци* (Великая праджня-парамита сутра. Цз. 577 (大般若波羅蜜多經卷第五百七十七). Пер. Сюаньцзана (玄 奘). URL: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T07n0220_p0979c02 (accessed: 26.10.2025).

Фо шо нэндуань цзиньган божэ боломи цзин (Рассекающая алмаз праджня-парамита сутра в изложении Будды (佛說能斷金剛般若波羅蜜經). Пер. Ицзин (義淨) [*Fo shuo nengduan jingang bore boluomi jing.* URL: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T0239 (accessed: 26.10.2025).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.94.44.013

Н.В. Чирков
Амурский государственный университет

Адаптация христианского вероучения в конфуцианском дискурсе: Катехизис «Тянчжу Шии» Маттео Риччи как опыт межцивилизационного культурно-религиозного диалога[1]

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию Катехизиса «Тяньчжу Шии» (天主實義), составленного иезуитским миссионером Маттео Риччи в период активного католического присутствия в Китае в конце XVI — начала XVIII веков. Диалогическая форма катехизиса, выстроенная как беседа между представителями западной и китайской философской мысли, отражает намеренную авторскую стратегию совмещения католической догматики с интеллектуальными категориями конфуцианской традиции, прежде всего восходящими к конфуцианскому каноническому корпусу Лунь Юй (論語). С момента первой публикации в 1603 г. катехизис приобрёл центральное значение для формирования миссионерского дискурса в Китае: он неоднократно переиздавался в том числе и в диалектных версиях, использовавшихся последующими поколениями миссионеров из разных католических орденов и конгрегаций. В статье анализируется, каким образом М. Риччи осуществлял концептуальную адаптацию христианского вероучения посредством конфуцианской символики и понятийного аппарата для китайцев. Эмпирическую основу работы составляют архивный китайский текст катехизиса (Архив конгрегации иезуитов, Рим, шифр Jap-Sin I, 44), а также его переводы на итальянский и английский языки.

Ключевые слова: инкультурация христианства, межкультурный диалог, межрелигиозный диалог, миссионерская деятельность, катехизис, Маттео Риччи, иезуиты, Тяньчжу Шии, конфуцианство, Китай, Европа.

Nikolai V. Chirkov
Amur State University

The Adaptation of Christian Doctrine within Confucian Discourse: Matteo Ricci's «Tianzhu Shiyi» Catechism as an Example of Inter-Civilizational Cultural and Religious Dialogue[2]

Abstract. This article examines the catechism «Tianzhu Shiyi» (天主實義), compiled by the Jesuit missionary Matteo Ricci during the period of active Catho-

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00807, https://rscf.ru/project/24-18-00807/

[2] The work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-00807, https://rscf.ru/project/24-18-00807/

lic presence in China in the late 16th and early 18th centuries. The catechism's dialogical form, structured as a conversation between representatives of Western and Chinese philosophical thought, reflects the author's deliberate strategy of reconciling Catholic dogma with the intellectual categories of the Confucian tradition, primarily those derived from the Confucian canonical text «Lun Yu» (論語). Since its first publication in 1603, the catechism has played a central role in shaping missionary discourse in China: it has been reprinted numerous times, including in dialectal versions, and was used by subsequent generations of missionaries from various Catholic orders and congregations. This article analyzes how M. Ricci carried out a conceptual adaptation of Christian doctrine for the Chinese through Confucian symbolism and conceptual frameworks. The empirical basis of this study consists of the archival Chinese text of the catechism (Archives of the Society of Jesus, Rome, code Jap-Sin I, 44), as well as its translations into Italian and English.

Keywords: Inculturation of Christianity, intercultural dialogue, interreligious dialogue, missionary activity, catechesis, Matteo Ricci, Jesuits, Tianzhu Shiyi, Confucianism, China, Europe/

Итальянский иезуит Маттео Риччи занимает особое место в истории католической миссионерской деятельности и в истории диалога между европейской и китайской цивилизациями. Будучи первым западным миссионером, получившим официальное разрешение проживать в Пекине при императорском дворе, он также вошёл в историю как первый европейский автор, писавший оригинальные сочинения непосредственно на китайском языке. Помимо этого, в ряды его заслуг относится составление первых китайско-итальянских и китайско-латинских словарей, заложивших основу для последующей синологической лексикографии. Глубокое освоение категорий китайской культуры, философии и религии позволили ему выработать собственную стратегию инкультурации христианства в Китае: аспекты католического вероучения излагались им посредством образов, элементов, понятий и терминологии органичные для китайской интеллектуальной традиции того времени, что в свою очередь способствовало их восприятию китайцами.

Среди сочинений М. Риччи особое место занимает катехизис, написанный на китайском языке «Тянчжу Шии» (天主實義, *пиньинь*: *Tiānzhǔ shíyì*, «Истинный смысл «Владыки Небес»). В западных и китайских католических кругах его неофициальное название закрепилось как «Катехизис Маттео Риччи» [Чирков 2024, 49—53]. В политике культурной аккомодации, предпринятой М. Риччи, прослеживается чёткое различие между катехизисом и христианской доктриной. Согласно позиции Римско-католической церкви, целью катехизиса является аргументация формул веры по схеме: вопрос — ответ, тогда как доктрина транслирует вероучительные положения (догматы) в неизменном виде [Olmi 2013, 26]. Этой разницей обусловлен выбор формы катехизиса как наиболее эффективного инструмента, позволявшему М. Риччи в процессе евангелизации

объяснять сложные вероучительные аспекты христианства китайцам, воспитанным в иной религиозно-философской традиции.

До составления и издания катехизиса «Тяньчжу Шии» в 1603 г. предшествовали два более ранних текста: «Тяньчжу цзяояо» (天教要) и «Тяньчжу шилу» (天主實錄), в которых содержались переводы молитв, Десяти Божьих Заповедей и Символа Веры. Эти тексты напрямую отражали традиционный миссионерский подход проповеди христианства, от которой М. Риччи впоследствии сознательно отказался. Работа над текстом катехизиса велась с начала 1580-х гг.. В редактировании и языковой адаптации катехизиса в соответствии с нормами классического китайского языка существенную роль оказал друг Риччи — конфуцианский учёный и литератор Фэн Инцзин (冯应京) [Olmi 2013, 5]. Помимо китайского названия, работа также была озаглавлена М. Риччи на латыни: «*De Deo verax disputatio*», или сокращенно «Cathechismus Sinicus», что в переводе обозначает «Подлинное рассуждение о Боге» и «Китайский Катехизис» соответственно [Ricci 2001, 189].

Теоретическую основу работы М. Риччи составляло убеждение в том, что китайская классическая литература, преимущественно конфуцианское «Четверокнижие» содержит смысловые основания, совместимые с христианским вероучением, а следовательно, это можно использовать в стратегии культурной аккомодации для интерпретации и объяснения сложных концептов христианского вероучения в контексте Китая. В своём письме к вице-провинциалу (настоятелю иезуитской миссии) Франческо Пасио в Японию 1609 г. М. Риччи аргументировал это положение следующими словами: «*Если мы хорошо изучим все эти книги, то найдем в них очень мало того, что противоречит свету разума, и много того, что ему соответствует. [...] В этом царстве высоко ценятся письма и, следовательно, знания и мнения, основанные на разуме. [...] И по этой причине нам будет легко убедить вождей царства в том, что наша святая вера подтверждается столь очевидными доводами*» [Ricci 2001, 517—518]. Иными словами, М. Риччи подчёркивал два важных положения. Во-первых, что, по его мнению, китайская классика уже содержит в себе *Путь Тяньчжу* (Путь Бога), следовательно, западным миссионерам в своей проповеднической деятельности необходимо прибегать к интерпретации этих текстов с позиции христианства. Во-вторых, осознание первого факта открывает возможность убедительного представления христианского вероучения именно образованным слоям китайского общества, заручившись поддержкой которого можно было бы развивать проповедь и за пределами столицы Китая [D'Elia 1956, 149—150].

Катехизис «Тяньчжу Шии» составлен в форме диалога между западным и китайским учёным. Выбор данной формы отражает стратегию М. Риччи, избравшего для работы с одной стороны привычную для като-

лической церкви схему катехизиса в виде вопросов и ответов, а с другой стороны — образец главного текста конфуцианской традиции «Лунь Юй», записанномго в виде беседы Конфуция с учениками. По своей структуре катехизис делится на две части по четыре главы в каждой. Итого восемь, что соответствует сакральному значению этого числа в китайской культуре. Первая часть посвящена философскому обоснованию существования Бога в духе томистской традиции (Фомы Аквинского), полемике с тремя учениями Китая: буддизмом, даосизмом и неоконфуцианством, а также рассуждениями о нематериальности и бессмертии человеческой души [Чирков 2024, 54]. Вторая часть посвящена критике концепций перерождения в буддизме, рассуждениям понятий рая и ада, природе добра и её связь с верой, а также разъясняет монашеский обет безбрачия (целибата) и центральный догмат христианства о Боговоплощении [Чирков 2024, 54].

Конфуцианство воспринималось М. Риччи как своего рода естественная теология — наиболее совместимая и близкая к католическому вероучению из всех существовавших в то время в Китае религиозно-философских систем. Со временем в миссионерской деятельности М. Риччи оформилась религиозно-культурная концепция: «дополнять конфуцианские представления и отбрасывать буддизм» (捕儒易佛, *Бу жу и фо*) [Чирков 2024, 49]. Стратегия культурной аккомодации и инкультурации христианства, которой придерживался М. Риччи разворачивалась в три последовательных этапа. Первый — сближение христианства с конфуцианством — *хэ-жу* (合儒). Второй — его интеграция в катехизацию — *бу-жу* (補儒). Третий — устранение разногласий в пользу христианской догматики — *чжа-жу* (超儒) [Lee 1991, 5].

Проблематичным вопросом катехизиса стал поиск эквивалентного перевода понятия христианского Бога. М. Риччи остановился на термине «Тяньчжу» (天主), что дословно означало: «Владыка Неба» или «Владыка Небес», укоренённом в религиозно-культурной традиции Китая. Конфуцианская этика также стала основой для объяснения множественных положений католической догматики и морали. Например, категория сыновней почтительности соотносилась им с почитанием Бога как Верховного Отца и поклонением Ему [Ricci, 2000: 90]. Катехизис начинается утверждением о Боге-творце и последовательно наполняет это понятие религиозно-философским содержанием, переводя аристотелевско-схоластические категории в плоскость конфуцианской мысли [Chiricosta 2006, 76].

Следует сделать важное замечание, что стратегия М. Риччи не предполагала ни упрощения христианского вероучения, ни какого-либо синкретизма. Его принципиальная полемика с буддизмом и даосизмом свидетельствует, что конфуцианство было избрано им как позитивная фило-

софская основа, однако это не означало готовности к доктринальным уступкам, несмотря на некоторые замечания и упреки со стороны его миссионеров-современников из других конгрегаций, выступавших за традиционный способ евангелизации (трансляция вероучения в чистом виде, без каких-либо культурно-религиозных адаптаций). М. Риччи намеренно избегал прямого изложения католических догматов о Троице и искупительной жертве Христа — тех положений, которые с наибольшим количеством вопросов воспринимались китайцами, оставляя их для более поздних этапов катехизации. Это может свидетельствовать о выстроенной стратегии миссионера, умевшего точно считывать реальную ситуацию и соразмерять глубину богословского разговора с готовностью собеседника [Chiricosta 2006, 77].

Завершающий диалог катехизиса несёт в себе символическую нагрузку, отражающую саму суть замысла: китайский учёный, убеждённый доводами западного собеседника, в конце концов изъявляет волю принять крещение в католической церкви. Катехизис «Тяньжчу Шии» отмечает точку наивысшего расцвета миссионерской стратегии М. Риччи в межкультурном и межрелигиозном диалогах Запада и Востока. Вклад этого текста в историю католической миссиологии и истории межкультурного взаимодействия определяется не изобретением нового жанра, а чем-то куда более редким: беспрецедентной по масштабу и последовательности попыткой переосмыслить и перевести западное богопонимание и христианское вероучение в категориях китайской культурной и философской традиции.

Катехизис «Тяньчжу Шии» по праву может быть назван уникальным примером в истории католической церкви как редкий образец органичного сочетания доктринальной строгости и гибкой пастырской стратегии. При изучении данного текстового памятника необходимо удерживать в поле зрения обе его составляющие одновременно: с одной — инкультурацию христианства в китайском контексте, а с другой — презентацию западной науки и культуры китайской населения. В большинстве существующих исследований — как отечественных так и зарубежных — именно вторая из этих сторон, связанная с научной деятельностью М. Риччи и осуществляемый через неё диалог между Западом и Китаем, привлекает заметно больше внимания. Между тем первая сторона — отношение миссионера к китайской культурно-религиозной системе, его поиск точек соприкосновения между христианством и этико-философским мировоззрением китайцев остаётся недостаточно изученной и представляет значительный исследовательский потенциал.

Библиографический список

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552—1775 гг.). М.: «Крафт+»; Институт востоковедения РАН, 2000.

Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002.

Чирков Н.В. Межрелигиозный диалог и опыт культурной аккомодации католичества Маттео Риччи в Китае // Религиоведение. 2014. № 1. С. 113—124.

Чирков Н.В. Проблематика перевода и интерпретации фундаментальной богословской терминологии на примере миссионерской деятельности Маттео Риччи в Китае // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 104—116.

Чирков Н.В. Катехизис «Тяньчжу Шии» Маттео Риччи как стратегия инкультурации христианства и межкультурного диалога в Китае // Религиоведение. 2024. № 2. С. 47—61.

Archives of the Society of Jesus, Rome, code Jap-Sin I, 44.

Chiricosta A. Il vero significativo del «Signore del Cielo». Città del Vaticano: Urbaniana University Press, 2006.

D'Elia P. Prima Introduzione della Filosofia Scolastica in Cina // The Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica. 1956. Vol. 28. Pp. 149—150.

Lancashire D., Hu Kuo-Chen P., Malatesta J. E. The True Meaning of the Lord of Heaven. Variètè Sinologiques. New Series 72. Taipei-Paris-Hong Kong: Ricci Institute for Chinese Studies, 1985.

Lee T. H. C. Christianity and Chinese Intellectuals: From the Chinese Point of View. // China and Europe: Images and Influences in Sixteenth to Eighteenth Centuries. 1991.

Mignini F. Humanitas. Attualità di Matte Ricci. Testi, fortuna, interpretazioni. — Roma: Quodlibet, 2011.

Notices biographiques et bibliographiques sur les jésuites de l'ancienne Mission de Chine, 1552—1773 (Chang-hai). — Shanghai, 1932.

Olmi A. P. Matteo Ricci e san Tommaso d'Aquino. Sette studi sul tomismo sapienziale. // Sacra Doctrina, Biannual Journal of Systematic Theology. 2020. Vol. 2. Bologna: Studio Domenicano, 2020.

Olmi A., Sūn Xùyì, Ricci M. Catechismo 天主实录. Il vero significato di «Signore del cielo». — Bologna: San Clemente, Studio Domenicano, 2013.

Ricci M. Della entrata della Compagnia di Gesù e Christianità nella Cina. — Macerata: Quodlibet, 2000. Lib. V, cap. II.

Ricci M. Descrizioni della Cina. Roma: Quodlibet, 2011.

Ricci M. Il vero significato del Signore del cielo / A cura di A. Chiricosta. Città del Vaticano: Urbaniana University Press, 2006.

Ricci M., D'Arelli F. Lettere (1580—1609). Macerata: Quodlibet, 2001.

Standaert N. Matteo Ricci and the Chinese: Spaces of Encounter Between the Self and the Other. // Euntes Docete. 2010. Vol. LXIII/1. Città del Vaticano: Urbaniana University Press, 2010. Pp. 101—122.

Standaert N. Matteo Ricci shaped by the Chinese // Scienza Ragione Fede: il genio di Padre Matteo Ricci. Macerata: EUM, 2012.

鐘鳴旦, 杜鼎克. 耶穌會羅馬檔案館明清天主教文獻 [Чжун Миньдань, Ду Динкэ. Римские архивы иезуитов династий Мин и Цин: католические документы] — 臺北: 利氏學社, 2002.

陳慧宏. 利瑪竇研究的過往及思考: 兼論幾本新著及利瑪竇史料 [Чэнь Хуэйхун. Прошлое и размышления об исследованиях Риччи: обсуждение нескольких новых книг и исторических материалов о Риччи] // 臺灣東亞文明研究學刊. 2013 年 6 月. 第 10 卷第 1 期(總第 19 期). 頁. 261—297.

Литература и язык

DOI: 10.48647/ICCA.2026.60.69.014

К. Е. Барабошкин
ИСАА МГУ

Проблема авторского слова в поздней Хань: Ван Чун между Конфуцием и Хуань Танем

Аннотация. Статья посвящена тому, как в позднеханьскую эпоху меняется статус авторского слова на материале трактата «Луньхэн» Ван Чуна. В центре внимания — напряжение между нормативной конфуцианской формулой *шу эр бу цзо* 述而不作, задающей приоритет передачи древнего знания, и складывающейся практикой индивидуального трактата-рассуждения, представленной, в частности, Хуань Танем. Предполагается, что Ван Чун не разрывает с конфуцианско-канонической традицией, но вырабатывает внутри нее новое основание для легитимации письма. Он переносит вопрос о праве автора писать из сферы сакрального авторитета в сферу культурной функции и интеллектуальной ответственности. Особое внимание уделяется триаде *цзо — шу — лунь* (作 — 述 — 論) и тем главам «Луньхэна», в которых новый статус письма сформулирован наиболее отчетливо. В результате показывается, что Ван Чун легитимирует не «новизну ради новизны», а критическое рассуждение как общественно необходимую форму различения истинного и ложного. Такой подход позволяет уточнить место мыслителя между конфуцианской моделью передачи, позднеханьской текстовой средой и ранними формами авторского трактата, а также яснее увидеть переход от авторитета премудрого к фигуре литератора-критика.

Ключевые слова: Ван Чун, Луньхэн, поздняя Хань, китайская литературная мысль.

Konstantin Baraboshkin
Institute of Asian and African Studies MSU

The problem of authorial word in the late Han: Wang Chong between Confucius and Huan Tan

Abstract. The paper examines the changing status of authorial discourse in the Late Han through Wang Chong's Lunheng. It focuses on the tension between the normative Confucian formula 述而不作, which privileges transmission of ancient knowledge, and the emerging practice of the individual argumentative treatise, represented in particular by Huan Tan. The main argument is that Wang Chong does not break with the Confucian-canonical tradition; instead, he develops within it a new basis for legitimizing writing. He shifts the question of the author's right to write from the sphere of sacral authority to that of cultural function and intellectual responsibility. Special attention is paid to the triad *zuo-shu-lun* (作 — 述 — 論) and to those chapters of the Lunheng in which the new status of writing

is formulated most explicitly. The paper argues that Wang Chong legitimizes not novelty for its own sake, but critical argumentation as a socially necessary practice of distinguishing truth from falsehood. This makes it possible to define Wang Chong's place more precisely between the Confucian model of transmission and the Late Han model of the authorial treatise.

Keywords: Wang Chong, Lunheng, Late Han, Chinese literary thought.

В позднеханьском Китае проблема авторского слова формируется внутри уже сложившейся конфуцианской нормы, а не вне ее. Формула 述而不作, зафиксированная в *Луньюе*, задавала приоритет передачи древнего знания и делала подозрительным всякий жест самостоятельного «создания» [Семененко 2009, 46]. Однако сама текстовая среда I в. н. э. менялась: наряду с каноном и комментарием быстро рос корпус исторической прозы, частных трактатов, мемориалов и полемических сочинений. Показательно, что Лю Сян (劉翔) легитимируется прежде всего как редактор и составитель предисловий, а Хуань Тань (桓譚) — как автор «Новых рассуждений», где новый текст оправдан жанром совета и критического рассуждения, а не притязанием на канонический статус [Петров 1954, 6].

На этом фоне позиция Ван Чуна в трактате *Луньхэн* (論衡) оказывается промежуточной и потому особенно значимой. Он не отказывается от древней иерархии письма, но разводит три типа словесной деятельности — *цзо* 作, *шу* 述 и *лунь* 論 — и собственный труд относит к последнему типу [Петров 1954, 24—26]. Тем самым новое письмо получает право на существование не как соперничество с премудрыми древности, а как критическая работа с уже существующими текстами. Особенно ясно эта установка раскрывается в главах *дуйцзо* 對作, *шуцзе* 書解, *цзэн* 藝增 и *ивэнь* 佚文, где литератор предстает не как тот, кто украшает свою речь, а как субъект интеллектуальной ответственности, различающий истинное и ложное и тем самым защищающий культурную память от закрепления заблуждений [Барабошкин 2013, 600—608].

В этом смысле Ван Чун занимает место между Конфуцием и Хуань Танем. От первого он наследует представление о слове как о носителе нормативной и общественной функции; от второго — модель индивидуального трактата-рассуждения. Но итоговое решение оказывается собственным: Ван Чун легитимирует авторское слово не через культ новизны, а через обязанность говорить тогда, когда ложные книги, пустые толкования и риторическое украшательство размывают границы истины. Так в поздней Хань возникает новая фигура автора — не премудрого-учредителя и не простого передатчика, а литератора-критика.

Библиографический список

Барабошкин К.Е. Ван Чун о литературе // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Учёные записки отдела Китая. Т. 43. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 600—608.

Лисевич И. С. Литературная мысль Китая. М.: Наука, 1979.

Петров А.А. Ван Чун. Древнекитайский материалист и просветитель. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.

Семененко И.И. Конфуций. Луньюй: изречения. М.: Эксмо, 2009.

毛詩大序 [Мао ши да сюй / Большое предисловие к «Шицзину»]. URL: https://zh.wikisource.org/zh-hant/詩經/序 (accessed: 06.03.2026).

王充：論衡 [Ван Чун. «Луньхэн» / «Весы суждений»]. URL: https://ctext.org/lunheng/zh (accessed: 06.03.2026).

論語 [Лунь юй]. URL: https://ctext.org/analects/zh (accessed: 06.03.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.42.71.015

Н.А. Брылева
ИКСА РАН

Наследие Ху Ши и Юй Пинбо: от комментаторских заметок к текстологии романа «Сон в красном тереме»

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования «нового хунлоумэноведения» — научной дисциплины, посвященной изучению романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме». Возникновение направления явилось закономерным следствием интеллектуальных и социальных трансформаций начала XX века, и в первую очередь — Движения за новую культуру. Ключевая роль в его становлении принадлежит Ху Ши, который заложил методологические основы направления и выдвинул теорию автобиографического повествования в «Сне в красном тереме». В свою очередь Юй Пинбо, развивая данный подход, перенес исследовательский акцент на литературоведческий и текстологический анализ, создав тем самым фундамент для системного изучения художественного своеобразия романа.

Ключевые слова: новое хунлоумэноведение, Сон в красном тереме, Ху Ши, Юй Пинбо, текстология

Natalia A. Bryleva
Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)

The Legacy of Hu Shi and Yu Pingbo: From Commentatorial Notes to The Textology of the novel Dream of the Red Chamber

Abstract. This article examines the formation of "New Hongloumeng Studies" — an academic discipline devoted to the study of Cao Xueqin's novel *Dream of the Red Chamber*. The emergence of this scholarly direction was a direct consequence of the intellectual and social transformations of the early twentieth century, above all the New Culture Movement. Hu Shi played a key role in its formation: he laid the methodological foundations of the discipline and put forward the theory of autobiographical narrative. Yu Pingbo, in turn, developed this approach further and shifted the research focus to literary and textological analysis, thus creating a foundation for the systematic study of the novel's artistic originality.

Keywords: New Hongloumeng Studies, Dream of the Red Chamber, Hu Shi; Yu Pingbo, textology

В истории изучения романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» рубежным принято считать 1921 г. В этот год Ху Ши 胡適 опубликовал новаторскую работу «Критическое исследование „Сна в красном тереме”» (Хун лоу мэн каочжэн 紅樓夢考證). Данная работа заложила методологические и источниковедческие основы нового направления и задала вектор развития всего хунсюэ. Возникновение нового хунлоумэноведения (*синь хунсюэ* 新紅學) формировалось в контексте Движения за новую культуру (*У сы синь вэньхуа юньдун* 五四新文化運動) и было глубоко связано с интеллектуальными и социальными процессами того времени.

В период, предшествовавший становлению «нового хунлоумэноведения», изучение романа развивалось по двум основным направлениям. Первое — школа комментаторских заметок (*пиндянь пай* 評點派), второе — школа поиска сокрытого (*соинь пай* 索隱派). Оба подхода в дальнейшем объединены под названием старое хунлоумэноведение (*цзю хунсюэ* 舊紅學). Школа комментаторских заметок (Чжиянь-чжай 脂硯齋, Ван Силянь 王希廉, Чэнь Цитай 陳其泰, Чжан Синьчжи 張新之 и др.) стремилась раскрыть авторский замысел, композицию и психологизм персонажей. Школа поиска сокрытого выдвигала гипотезу об антиманьчжурской направленности романа, усматривая зашифрованное повествование об исторических событиях и личностях эпохи Цин. Расцвет школы поиска сокрытого пришелся на конец XIX — начало XX в. Практически друг за другом, с интервалом в 2—3 года были опубликованы основные труды этого направления: «Поиски сокрытого в „Сне в красном тереме”» (Хун лоу мэн со инь 紅樓夢索隱) Ван Мэнжуаня 王夢阮 и Шэнь Пинъаня 沈瓶庵, «Поиски сокрытого в „Записях о камне”» (*Ши тоу цзи со инь* 石頭記索隱) Цай Юаньпэя 蔡元培, «Истинные разъяснения „Сна в красном тереме”» (Хун лоу мэн ши чжэнь 紅樓夢釋真) Дэн Куанъяня 鄧狂言. Они определили интеллектуальный ландшафт хунлоумэноведения в преддверии Движения 4 мая.

Интеллектуальные трансформации начала XX в. создали предпосылки для возникновения «нового хунлоумэноведения». Это направление восприняло принципы Движения за новую культуру: утверждение научного метода, основанного на рациональном анализе и верификации фактов, а также выработку нового доступного языка. Результатом критического переосмысления старого хунлоумэноведения стал переход от умозрительных интерпретаций к научной текстологии. Ключевую роль сыграли Ху Ши и Юй Пинбо 俞平伯. Гу Цзеган 顧頡剛 в предисловии к книге Юй Пинбо «Полемика о „Сне в красном тереме”» (Хун лоу мэн бянь 紅樓夢辨) противопоставил старое и новое направления, подчеркнув, что подлинная наука требует опоры на факты и источники. Логическим завершением стала публикация в марте 1921 г. работы Ху Ши «Критическое исследование „Сна в красном тереме”». Опираясь на анализ истори-

ческих источников, Ху Ши выдвинул тезис об автобиографичности романа, доказав, что его создателем был выходец из обедневшего чиновничьего рода. Если Ху Ши был основателем методологии, то систематизатором и критиком «нового хунлоумэноведения» выступил Юй Пинбо. Развивая подход, он перенес акцент на литературоведческий и текстологический анализ, подтвердил автобиографическую теорию и заложил основу для системного изучения художественного своеобразия романа.

Переход от «старого» к «новому» хунлоумэноведению стал закономерным результатом интеллектуальных и социальных трансформаций начала XX в. Благодаря трудам Ху Ши и Юй Пинбо была создана основа для научно обоснованного, системного подхода к изучению этого литературного произведения.

Библиографический список

胡适：《紅樓夢考證》 [Ху Ши. Критическое исследование «Сна в красном тереме»]. 北京：北京出版社，2015.

盛世閑人 (易孟醇)：《清代紅學史》 [Шэнши сяньжэнь (И Мэнчунь). История хунлоумэноведения эпохи Цин]. 贵阳：贵州教育出版社, 2016.

俞平伯：《紅樓夢辨》 [Юй Пинбо. Полемика о «Сне в красном тереме»]. 北京：商务印书馆，2017.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.50.31.016

Ван Ицюнь 王逸群
Сычуаньский университет

К повторному рассмотрению современной трансформации древнекитайской литературной теории

Аннотация. С 1990-х годов в китайском литературоведении постоянно звучит призыв к продвижению современной трансформации древнекитайской литературной теории с тем, чтобы она могла эффективно откликаться на эстетический опыт современного человека. Распространённый подход заключается в использовании западной литературной теории в качестве ориентира и в выстраивании определённой системы знаний о древнекитайской литературной мысли через сопоставление понятий, категорий и тезисов. Настоящая статья считает, что такой подход несёт в себе риск «прокрустова ложа». Ядро древнекитайской литературной теории заключается в непосредственном схватывании первичного состояния переживания литературного смысла. Её задача — уловить не объективные свойства художественного произведения и не сугубо субъективные чувства, а живой эстетический опыт, возникающий в результате взаимного отражения и возбуждения между объектом и субъектом. В этом отношении У Синмин предложил глубокое и систематическое осмысление в своих исследованиях теории литературного смысла. Следуя данной логике, первоочередной задачей современной трансформации древнекитайской литературной теории является унаследование этого способа постижения литературного смысла. С начала периода модерна литературная критика таких авторов, как Лян Цзундай и Му Синь, созвучна духу древнекитайской литературной теории. В их текстах также можно ощутить изящество китайского выражения, характерное для классического литературного дискурса.

Ключевые слова: древнекитайская литературная теория, современная литературная критика, теория литературного смысла

Wang Yiqun
Sichuan University

Reconsidering the Contemporary Transformation of Classical Chinese Literary Theory

Abstract. Since the 1990s, there has been a persistent call within the field of literary studies in China to advance the contemporary transformation of classical Chinese literary theory, so that it may effectively respond to the aesthetic experience of modern readers. A common approach has been to take Western literary theory as a reference point, constructing a system of knowledge for classical Chi-

nese literary thought by linking concepts, categories, and propositions. This paper argues that such an approach is tantamount to forcing an unnatural fit. The core concern of classical Chinese literary theory lies in the direct apprehension of the primordial state of experiencing literary meaning. What it seeks to grasp is neither the objective properties of the artwork nor purely subjective feelings, but rather a vivid aesthetic experience generated through the mutual illumination and stimulation between the object and the self. In this regard, Wu Xingming has offered a profound and systematic exposition in his exploration of literary meaning theory. Following this line of thought, the primary task in the contemporary transformation of classical Chinese literary theory is to inherit this mode of grasping literary meaning. Since the advent of modern society, the literary criticism of figures such as Liang Zongdai and Mu Xin resonates with the spirit of classical Chinese literary theory. In their writings, one can also perceive the stylistic elegance of Chinese expression that is characteristic of classical literary discourse.

Keywords: classical Chinese literary theory; contemporary literary criticism; theory of literary meaning.

20 世纪 90 年代以来，中国的文学研究界一直存在一种呼声：复兴中国古代文论，完成其当代转化，使其能有效回应当代美学经验。在当代文化语境中激活古代文论，背后有重新认识中国古代文论，乃至中国艺术精神的欲求。特别是在“西学热”“理论热”的氛围中，形式主义、新批评、结构主义、女性主义、精神分析、后殖民等文艺理论被译介到中国，迅速成为时髦的理论工具，这就使一种以自身话语谈论自身经验的文化焦虑愈加深切。

那么，如何完成中国传统文论的当代转化？主流的研究常将其图解为种种范畴、命题、思潮，或分门别类地陈述文体、风格、创作、批评等方面的论说。举例来说，道、气、情、志、味可视为范畴，“感物吟志”“文以载道”“文以气为主”可归为命题。这总体上是将中国古代文论与西方文论相比附，意在勾连出某种完整的知识体系。问题在于，如果中国古代文论中不曾有内在于西方文论中的体系化意识，这项工作就难免有效削足适履之嫌。进言之，既然我们很难照搬古人的一套话语去评论当代文学作品，那么，这种试图让古人话语体系化的工作无论做得如何细致、完备，都很难让其发挥言说当代经验的效力。古今之间，文学的存在方式、精神旨趣及其在生活中的位置已有巨大变化。文论的转化若不能推动其当代应用，价值就是可商榷的。

事实上，中国人文学界关心的不仅有古代文论的现代转化，还有古代艺术的现代转化、古代建筑的现代转化、古代戏剧的现代转化，等等。就转化而言，其他领域的困境是类似的：它容易蜕变为照搬形制、挪用符号以及拼贴杂糅。真正完成了转化的杰出范例，如吴冠中的抽象水墨和王澍的建筑设计，其共同之处在于呈现出某种“世界感”，某种扎根于当下生活，又通达于古人世界的存在经验。进言之，对于王澍、吴冠中一类艺术家来说，中国古代文化的现代转化并不依赖于作为知识性陈述的分类界说、特征描述以及规律概括，他们都抓到了古代文化中在任何理性分析面前都会消遁无形的某种“味道”。

本文认为，这与中国古代文论把握文学作品的方式是一致的。我们在阅读中国古代文论时常能感受到的那种直击人心的力量即源于此。味道、滋味、意味所对应的是我们在文学阅读时活生生的体验质态。它们不是作品客观的属性，也不是纯然主观的感受，而是物我相互映照、激发而产生的鲜活审美经验。中国古代文论所做的，就是让这种审美经验保持其鲜活性，在话语中将其固定下来。用吴兴明先生的话来说，这种对原初的意义体验状态的直接把握是一种现象学直观式的反思性观照。就此，吴兴明先生在其对文学意义论的探讨中有深微而系统的阐释。中国古代文论中，这样的例子俯拾即是，如陈子昂评东方虬的《咏孤桐篇》，称其“骨气端翔，音情顿挫，光英朗练，有金石声”，寥寥几语，就把审美体验中的感性特质拈了出来。

循此思路，中国古代文论现代转化的首要任务是继承这种把握文学意义的方式。它对于今天的文学研究尤显重要。今天的文学研究惯于把文学文本当作思想文本、文化文本，以认知的态度提炼其主题，概括其思想。它们因而远离了文学，也和文学体验严重脱节，即无法回应在文学阅读中生成的种种存在体验，表现为某种理论的空转。在此背景下，那些与中国古代文论气息相通的现当代文学评论格外让人感到亲切。梁宗岱如是谈论屈原的作品：“我们读他底诗时，就仿佛和宇宙底大气息息相通，置身于风雨迷离，晦明变化中。”“何闽而晦，何开而明？”“用一种原始的朴素的姿势永远凝住在昼夜底两个浩荡的运动。”再如木心谈陀思妥耶夫斯基：“陀氏的粗糙是极高层次的美，真是望‘粗’莫及，望‘粗’

兴叹。如汉家陵阙的石兽，如果打磨得光滑细洁，就一点也不好看了。”同样在这类评论中，可感受到在中国古代文论中清晰可见的汉语的表达风度。

Библиографический список

梁宗岱：《梁宗岱选集》[Лян Цзундай: Избранные произведения].北京：中央编译出版社，2006 年。

木心讲述；陈丹青笔录：《文学回忆录 [Му Синь; Чэнь Даньцин (запись): Лекции по литературе]. 桂林：广西师范大学出版社，2013 年。

吴兴明等著：《比较研究：诗意论与诗言意义论 [У Синмин и др. Сравнительное исследование: китайская теория поэтического смысла и западная теория литературного смысла]. 北京：北京大学出版社，2013 年。

吴兴明：《文学意义论》[У Синмин. Теория литературного смысла]. 成都：四川人民出版社，2026 年。

DOI: 10.48647/ICCA.2026.82.71.017

Л. Р. Гильфанова
Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального Университета

«Девятнадцать стихотворений в подражание древней поэзии» в «Собрании [произведений] Лю Жуши»

Аннотация. В данной работе рассматривается раздел «Девятнадцать стихотворений в подражание древней поэзии» из «Собрания [произведений] Лю Жуши». Лю Жуши (1618—1664) — видная поэтесса конца эпохи Мин (1368 — 1644), близкая подруга и соратница Общества Возрождения, мастерски владевшая как современной ей поэзией, так и поэзией классической эпохи Хань (202 до н. э. — 220 н. э.). На примере «Девятнадцати стихотворений» можно проследить, как поэтесса и её современники берут за образец ханьский жанр *юэфу* и на его основе развивают и расширяют поле минской поэзии, одновременно используя как древние стихотворные формы, так и достижения поэзии последующих эпох.

Ключевые слова: поэзия Мин, женская поэзия, жанр *юэфу*, Общество Возрождения.

Liya Gilfanova
Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University

“Nineteen verses in imitation of ancient poetry” in “Collection of Liu Rushi”

Abstract. In this paper the author assesses the chapter “Nineteen verses in imitation of ancient poetry” of the “Collection of Liu Rushi”. Liu Rushi (1618—1664) is an outstanding female poet of the Ming dynasty (1368 — 1644), a close friend and companion of Restoration Society, who had mastery both over contemporary poetry and ancient poetry of the Han dynasty (202 BC — 220 AD). By looking at the “Nineteen verses” we can trace how Liu Rushi and other poets view Han yuefu poems as an example and using it as a basis widen the horizons of Ming poetry by employing centuries-old poetic forms and the achievements of consecutive literary epochs.

Keywords: Ming poetry, female poetry, yuefu poems, Restoration Society.

Поэтесса Лю Жуши (1618—1664) жила и творила в поистине интересный для изучения период: это самый конец существования империи Мин (1368 — 1644), когда напряжение внутри общества наиболее ярким

образом выражалось в бурной активности литераторов всех сортов и мастей, как тех, кто имел отношение к Обществу Возрождения, так и вне его. Сама Лю Жуши тесным образом была связана с деятельностью этого движения, так как состояла в близких отношениях со многими его членами, к примеру, Чэнь Цзылуном (1608 — 1647) и Цянь Цяньи (1582—1664) [Smith 2008]. Несмотря на то, что современники и люди последующей эпохи не относили ее к этому объединению напрямую, её творчество является ярким отображением как всей эпохи, так и литературной деятельности участников Общества Возрождения [Sun Chang, Saussy 1999].

Одна из характерных черт поэзии этого временного периода — направление «возвращение к древности», так же известное как *фугу* (复古). *Фугу* брало за образец поэзию «Книги песен» («Шицзин»), «Чуских строф» («Чу цы») и стихотворные произведения эпохи Хань (202 до н.э. — 220 н. э.) [Алимов, Кравцова 2014]. Это течение не является уникальным явлением эпохи Мин, напротив, все литературные эпохи в той или иной степени возвращались к высоким идеалам древности [Алимов, Кравцова 2014]]. Тем не менее, прогресс не стоял на месте, и *фугу* в разных эпохах проявляло себя по-разному, отражая современные автору исторические реалии.

Для этой работы в качестве объекта исследования были избраны ««Девятнадцать стихотворений в подражание древней поэзии» из «Собрания [произведений] Лю Жуши». Под древней поэзией в данном случае подразумевается поэзия эпохи Хань, во многом заложившая норму стихотворной формы, а также ставшая родоначальницей богатой системы литературных отсылок и аллюзий, без которой не обходилось ни одно стихотворение в дальнейшем. По своей форме и поэтическому языку эти произведения очевидно являются подражаниями *юэфу* (ханьские «народные песни»): это можно заметить по использованию пятистопной строфы, а также по редупликации отдельных лексических единиц, особенно в начале строки (например, зачин «青青» — «Зелена-зелена»). Из девятнадцати названий стихотворений как минимум четыре имеют полное совпадение с первыми строками ханьских *юэфу* — 饮马长城窟行 (青青河畔草) Пою коня у ручья в пробоине Великой стены («Зелена-зелена покрывает трава...»), 迢迢牵牛星 (迢迢牵牛星) «Мерцает вдалеке звезда Пастух...», 冉冉孤生竹 «Поникнет бессильно бамбуковый ствол...», 驱车上东门 «Гоню коней к воротам Шандунмынь...» [ханьские юэфу даны в переводах Б.Б. Вахтина]. Это не только прямое цитирование, но и использование поэтического приёма цзицзю (集句, «компилятивные стихи»). Как следует из названия, стихотворение либо полностью составлялось из цитат канонических произведений, либо частично содержало их; этот приём, простой по своей сути, требовал большого литературного мастерства, дабы стих не просто апеллировал к авторитету старины, но и имел собственную художественную ценность. Лю Жуши как поэтесса отлично

справилась со своей задачей, показав и свои глубинные знания литературы, и собственное поэтическое видение.

Таким образом, «Девятнадцать стихотворений в подражание древней поэзии» как являются отражением веяний своей эпохи, так и во всей красе свидетельствуют о поэтическом таланте Лю Жуши, выделяя ее из ряда современников. Её поэзия представляет перспективу человека, который одновременно держит руку на пульсе моды и показывает свою личностную целостность, сформированную как изнутри, так и вовне высоких литературных кругов.

Библиографический список

Алимов, И. А. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. Ч. 2. / И. А. Алимов, М. Е. Кравцова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 1408 с.

Smith, B. G. Liu Shi / B. G. Smith. — Текст: электронный // The Oxford Encyclopedia of Women in World History: 4 Volume Set. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2008. С. 125—126. URL: https://books.google.ru/books/about/The_Oxford_Encyclopedia_of_Women_in_Worl.html?id=EFI7tr9XK6EC&redir_esc=y (дата обращения: 03.04.2026).

Sun Chang, K. Women Writers of Traditional China: An Anthology of Poetry and Criticism / K. Sun Chang, H. Saussy. Stanford: Stanford University Press, 1999. 928 с. Текст: электронный. URL: https://books.google.ru/books/about/Women_Writers_of_Traditional_China.html?id=xRNnU-SpDyYC&redir_esc=y (дата обращения: 03.04.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.31.95.018

Гуань Сюцзюань 关秀娟
Хэйлунцзянский университет

Эстетическая политизация переводов русской и советской литературы на китайский язык в период войны сопротивления японским агрессорам

抗战时期俄苏文学汉译审美政治化

Аннотация. в период войны сопротивления японским агрессорам как литературное творчество, так и литературный перевод руководствовались идеей и целью служения делу сопротивления. В то время перевод и ознакомление с русской и советской литературой стали одним из основных культурных мероприятий военного времени, при этом переводы обладали ярко выраженной тенденцией к эстетической политизации. На основе изучения исторических материалов и анализа переводов автор статьи приходит к выводу, что в процессе перевода русской и советской литературы на китайский язык доминировала пролетарская литературная идеология, передовые марксистские теории литературы и искусства рассматривались как важный объект переводческой пропаганды, а основное внимание уделялось переводу документальной литературы. Тенденция к эстетической политизации переводов русской и советской литературы в период войны соответствовала государственным и общественным потребностям того времени, удовлетворяла ожиданиям читателей. Такой адаптивный переводческий выбор может служить ориентиром для эстетических ориентаций современной переводческой деятельности.

Ключевые слова: период войны сопротивления японским агрессорам; русская и советская литература; перевод на китайский язык; эстетика; политизация.

Guan Xiujuan
Heilongjiang University

Aesthetic Politicization in the Chinese Translation of Russian and Soviet Literature During the War of Resistance Against Japanese Aggression

Abstract. During the War of Resistance Against Japanese Aggression, both literary creation and literary translation took serving the resistance as their guiding principle and goal. At that time, the translation and introduction of Russian and Soviet literature became a major cultural activity of the resistance, with an obvious tendency toward aesthetic politicization in translation. By sorting out historical materials and analyzing translated works, this paper finds that proletarian literary thought dominated the Chinese translation of Russian and Soviet literature, ad-

vanced Marxist literary and artistic theories were regarded as important objects of translation and publicity, and documentary literature became the focus of translation and introduction. The tendency of aesthetic politicization in the Chinese translation of Russian and Soviet literature during the war responded to national and social needs and met readers' expectations. Such an adaptive translational choice can provide a reference for the aesthetic orientation of contemporary translation activities.

Keywords: war of Resistance Against Japanese Aggression; Russian and Soviet literature; Chinese translation; aesthetics; politicization.

抗战时期俄苏文学汉译活动活跃，其译作数量占所有译作总量的一半以上，为抗战文化活动做出了重要贡献。然而，学界对这一时期俄苏文学汉译活动的研究并不充分，主要关注民族化、大众化等翻译思想（王爱松 2015），译者、赞助人和读者等翻译主体（赵献涛 2015），译本、译史等翻译客体（Серебряков 1985；谢天振、查明建 2004），转译、变译、白话翻译等翻译方法和翻译主张（廖七一 2013；关秀娟、朱姗姗 2020），历史意义和当代价值等翻译评论（陈建华、沈喜阳 2007；Лебедева 2017；Шумилина、Шумилина 2017；关秀娟 2025）。对于抗战时期俄苏文学汉译政治化审美倾向关注较少，本文尝试探讨这一问题，“将对翻译活动的探究与对社会现实的关切紧密结合在一起”（刘云虹 2025：5），探索历史规律，为当今借鉴。抗战时期，译介俄苏文学的最根本的目的是中国抗战，而不仅仅是文学本身（李今 2006：15）。俄苏文学汉译的特点首先是政治性，文学性屈居其后，翻译审美政治化倾向显著。抗战翻译活动中俄苏无产阶级文学、先进文艺理论、纪实类文学汉译成为主旋律。

抗战时期，先进作家和翻译家逐渐认识到，无产阶级是中国社会的主体，是中国抗日救国的主力军。这一时期，体现无产阶级思想的文学作品被大量译介和传播，无产阶级文学的主流地位逐渐建立，整个社会中无产阶级主流意识也逐渐增强。

苏联及弱小国家体现无产阶级革命和斗争精神的作品广泛译入，无产阶级代表人物的抗争在中国读者心中找到了共鸣。奥斯特洛夫斯基(Н. А. Островский) 的《钢铁是怎样炼成的》（Как закалялась сталь，1933）在中国的经典化过程充分体现了无产阶级文学所占的主流地位。在抗日

战争的社会背景下，从译者到读者，对该作品、作品中的主人公、作品的创作者，甚至作品中主人公爱读的书《牛虻》（The Gadfly，1897），都十分喜爱。作者本人、作品中的主人公保尔（П. А. Корчагин）所传递的顽强奋斗精神吸引了无数读者，他们的精神得到了中国读者的广泛共鸣，被中国社会积极传播。其实，在彼时的苏联，这部作品、作品的作者、作品中的主人公及其爱读的书并未如此著名。只是在中国，抗日救国的广大无产阶级军民群众需要精神引领和战斗激励，小说《钢铁是怎样炼成的》中体现的强大的社会责任感和使命感与中国的时代需求十分契合，在中国读者中找到了强烈的共鸣。中国的社会文化语境造就了经典，中国的无产阶级群众成就了经典。

抗战时期，俄苏文学汉译活动体现出鲜明的政治化倾向，与抗战救国的时代需求相呼应。首先，无产阶级文学译介传播成为主线，整个社会中无产阶级主流意识逐渐增强，大量选译无产阶级代表性作家的作品，满足救亡图存主体无产阶级军民群众的需求。其次，先进的马克思主义文艺理论被广泛译介传播，成为翻译工作者的抗战武器。相关作品备受社会关注，不断被复译、解读，成为受众的期盼，增强了抗战精神力量。第三，纪实类文学汉译大受欢迎，报告文学、回忆录、纪实小说等多种形式作品的汉译重在宣传当时苏联社会主义革命与建设的现实情况，以为国人展现抗战前景，其政治性、信息性、实效性特征突出。综上，抗战时期特殊的文学翻译审美为推动当时的抗战胜利做出了积极贡献，鉴史知来，当前中国文化“走出去”、“加强国际传播效能”背景下，翻译传播取向也应适应时代需求，回应国家关切，呼应读者期待。

Библиографический список

Гуань Сюцзюань. Историческая ценность перевода русской и советской литературы на китайский язык в период антияпонской войны // Вопросы истории. 2025 (1): 128—137.

Лебедева Н. А. Влияние русской и советской литературы на литературу северо-восточного Китая первой половины XX века: причины, периодизация, принципы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2017 (10): 89—94.

Серебряков Е. А. Вдохновляющий пример великого подвига (советская литература о Великой Отечественной войне в переводах на китайский язык до 1957 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 1985 (3) : 153—165.

Шумилина А. П. Шумилина Т. Н. Влияние русского языка и русской литературы на культурное развитие Китая [А]. Морозова С. Д. Россия-Запад-Восток: История и современность // Пенза. 2017: 45—55.

陈建华，沈喜阳．俄苏“红色经典”在当代中国 //俄罗斯研究, 2007,(3): 88—93.

高尔基．我的童年 //姚蓬子，译．上海：上海杂志公司，1941.

关秀娟，朱姗姗. 抗战时期俄苏文学汉译语境适应机制论 //解放军外国语学院学报, 2020, (1): 135—142.

李今. 三四十年代苏俄汉译文学论//北京: 人民文学出版社, 2006.

李锦霞, 刘红侠. 翻译文学文本的经典化——以五四时期爱罗先珂童话经典化为例//中国俄语教学, 2014, (2): 74—77.

廖七一．抗战时期重庆的戏剧翻译//外语与外语教学. 2013 (5) : 57—60.

刘云虹．当下翻译研究应着力的“三个结合” //中国翻译. 2025 (5) : 5—13.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.13.89.019

Е.А. Завидовская
ИКСА РАН, Брянский государственный университет

Прекариат как литератор: новейшие тенденции в прозе Китая.

Аннотация. Понятие «прекариант» связывают с развитием «гиг экономики», в современной версии которой цифровые технологии и платформы выступают в качестве работодателя. Наиболее бурно в последнее десятилетие развивались сферы вызова такси и курьерской доставки товаров и еды с помощью онлайн платформ. Более чем за десятилетие Китай стал крупнейшей гиг экономикой мира, работу через разного рода сервисы и платформы получают десятки миллионов человек, пандемия COVID-19 еще больше стимулировала развитие этих секторов, оттянув немалую часть рабочей силы из промышленности. Одной из тенденций в литературе Китая последних лет стало «любительское письмо» (*сужэнь сецзо* 素人写作), внутри литературного цеха водораздел теперь проходит по линии официальная (государственная) — неофициальная литература. Предпочтения молодой публики все чаще склоняются в сторону творчества непрофессиональных писателей. Особая искренность и документальная точность прозы, описывающей собственный же опыт, делает эти зачастую бесхитростные произведения лидерами национальных рейтингов. Внутри «любительской прозы» можно выделить произведения, написанные рабочими-мигрантами, которые пишут о своей работе в больших городах, в последнее время это все чаще труд внутри гиг экономики. В качестве примера такой «литературы прекариата» может быть рассмотрен дебютный роман Ху Аньяня 胡安焉 (р. 1979) «Курьер» (Во цзай бэйцзин сун куайди 我在北京送快递, 2023, перевод на английский и русский языки — 2025), взявший за основу личный опыт автора, сменившего множество работ в крупных городах Китая. Последней упомянутой в романе стала работа курьера, доставляющего посылки по Пекину. В 2024 году вышел его следующий роман «Жизнь внизу» (Шэнхо цзай дичу 生活在低处), погружающий читателя во внутренний мир автора — человека застенчивого и вечно стремящегося всем угодить. В качестве представителя поэзии прекариата может быть рассмотрен Ван Цзибин 王计兵(1969 г.р.), который начал писать стихи в 19 лет работая строителем, затем он работал курьером. В 2023 году вышел сборник его поэзии «Человек, обгоняющий время» (Ганьшицзянь дэ жэнь 赶时间的人), продолживший уже сложившуюся в Китае традицию поэзии рабочих-мигрантов (*дагун шигэ* 打工诗歌). Задача данного исследования будет состоять в определении того, что составляет ценность подобного рода литературы — ее фактическое наполнение, эстетические достоинства или особая авторская интонация.

Ключевые слова: «литература прекариата», гиг экономика, рабочие мигранты, любительское письмо, курьер.

Ekaterina A. Zavidovskaya
ICCA RAS, Bryansk State University

Precariat as a Writer: Newest Trend in the Prose of China.

Abstract. The notion of "precariat" is tied to the notion of "gig economy" which has been recently based on digital technologies and platforms serving as a source of employment for tremendous numbers of people, taxi-hailing and courier service have become the economic spheres with the most rapid development. Within the past decade China has grown into the largest gig economy in the world, with tens of millions people finding jobs connected to online platforms, the COVID-19 pandemic boosted the trend even further, eventually withdrawing impressive labor force from the industrial sector. "Amateur writing" (*suren xiezuo* 素人写作) has been one of the recent trends in Chinese literature, drawing a division line between professional (state) and non-professional writers. Recently the young readership has been getting more and more inclined to the literature by non-professional writers. The appealing sincerity and accentuated accuracy in describing the personal experience of the author has brought such works to the top of the national ratings. Inside of the "amateur writing" the migrant workers` literature occupies the most visible place, these authors mostly describe their working experience in the big cities after leaving their home in the country, their works first go viral in online blogs and forums, later some of them are published as books. Example of 'precariat literature' to be examined is the debut novel by Hu An`yan 胡安焉 (d.b.1979) «I Deliver Parcels in Beijing» (*Wo zai Beijing song kuaidi* 我在北京送快递, 2023, translations into English and Russian in 2025) telling about the author`s personal experience of changing a dozen of jobs in the large cities of China. His last job mentioned in the novel was that of a courier in Beijing. Hu An`yan`s last novel "Leaving in the Low" (*Shenghuo zai dichu* 生活在低处, 2024) takes the reader to the depths of the author`s personality, a shay person always anxious to please others. As for the poetical expression, we will examine the writings of Wang Jibing 王计兵 (d.b.1969), who took up writing poetry as a construction worker in the age of 19, and later worked as a courier. His poetry collection "*Those Racing Against Time*" (*Ganshijian de ren* 赶时间的人, 2023) uses poetic form to reflect the author`s experience and continues the already established tradition of the 'migrant-workers poetry' (*dagongshige* 打工诗歌) in present day China. The paper attempts to define the value of the 'precariat literature', either its factual content, esthetics, or special authorial voice.

Keywords: 'precariat literature', gig economy, migrant workers, amateur writing, courier.

Мы выбрали тему на пересечении социологии, экономики и литературы с целью рассмотреть литературные произведения как отражение происходящих в последнее время перемен в китайском обществе. Понятие «прекариата» связано с понятием «гиг экономики», это система тру-

довых отношений, где работодатель не несет ответственности за социальные гарантии и соблюдение базовых требований трудового законодательства, не вступает с работником в отношения найма. В настоящее время такими работодателями в Китае и в мире выступают крупные онлайн платформы. В основном они предоставляют услуги по вызову такси и курьерской доставке товаров и еды. Важно то, что в последние годы стали появляться произведения, написанные людьми, работавшими внутри этой новой экономики цифровых платформ Китая. Ниже рассмотрим основные характеристики этого типа экономики.

1. Что такое гиг экономика

В сентябре 2025 г. журнал The Economist опубликовал статью «200 миллионов гиг-рабочих Китая — предупреждение для мира», сообщая, что около 200 миллионов людей в Китае сейчас используют платформы для поиска временных заработков, то есть 40% городского населения зависят от временных доходов. Людей, занятых на подобной работе, называют «прекариатом», а экономика, базирующаяся на цифровых решениях и временном найме, называется «гиг экономикой». По мнению журнала, Китай — самая крупная гиг экономика мира, где трудоустройство 84 миллионов человек зависит от мобильных приложений. Приложения по заказу такси и доставки еды обеспечивают работой миллионы людей. Однако законодательная база во всем мире отстает от инноваций, принесенных технологиями [The Economist, 2025] Технологии меняют систему труда, при этом труд людей, вовлеченных в супер-приложения, связан с множеством рисков таких, как нестабильный доход, слабое социальное обеспечение (пенсии, здравоохранение), гиг экономика бросает вызов стабильности среднего класса [Ting, 2025].

По данным Министерства труда КНР от 2020 г., около 200 млн. человек работали в гиг экономике, при этом их основная часть работала на компании-монополисты. Так, ведущая шоппинговая платформа «Мэйтуань» привлекала труд 4,7 млн. курьеров, а всего на платформе было зарегистрировано 10 млн. курьеров. Платформа по вызову такси «Диди чусин» использовала труд 7,6 млн. человек. Алгоритмы платформ сконструированы так, чтобы сокращать время, потраченное на доставку. Колоссальный прессинг вызван необходимостью соблюдать эти временные ограничения, также работник должен получать как можно больше положительных отзывов клиентов, что также увеличивает напряженность во взаимоотношениях рабочих, продавцов и клиентов, выливаясь порой в смертоносные конфликты. Очень велики цифры ДТП, случающихся из-за нарушающих правил движения спешащими курьерами и таксистами. При этом очевидно, что агрегаторы не выплачивают своим работникам никаких компенсаций и социальных выплат. Ущерб здоровью может компенсироваться из коммерческой страховки, приобретаемой самим работни-

ком. В основе алгоритмов, организующих труд на платформах, лежат три принципа: премиальные выплаты, оценки клиентов, гибкий график. Последние годы были отмечены локальными возмущениями курьеров и таксистов, когда платформы начинали сокращать им выплаты за каждый заказ. В отличие от более ранних форм гиг экономики платформы повысили уровень неформальности отношений нанимателя и работника, возрос контроль монопольного капитала, стоящего за платформами, над рабочими и контрактерами. В июле 2021 г. центральные власти КНР издали указ, регулирующий интенсивность труда и оплату работы платформ, требуя от компаний вносить социальные выплаты хотя бы за часть своих сотрудников, но через несколько месяцев последовал пресс-релиз, где было сказано, что работающие для платформ не являются ни наемными сотрудниками, ни контрактерами [Xu 2023, 392—393]. Говоря о принципиальных отличиях нынешней гиг экономики от ее более ранних форм, важно отметить, что «курьер или таксист, пусть и не является наемным работником платформы в легальном смысле, тем не менее, он эффективно контролируется алгоритмами платформ. Монопольный капитал не только избегает прямых трудовых отношений найма, но и постоянно контролирует работника». Исследователь Сюй Чжунь считает, что в свете замедления экономического роста в Китае «расширение платформ будет подразумевать непрерывное снижение оплаты труда и усиление уже существующего социального неравенства. Подобная неолиберальная модель не выглядит стабильной, при этом для властей политические последствия могут оказаться слишком серьезными». Платформы процветают именно благодаря той форме трудовых отношений, которую они предоставляют, их доходность резко снизится, если им придется отдавать больше денег на социальные выплаты армии своих «сотрудников» [Xu 2023, 397].

Китаевед М. Хилленбрэнд (*Margaret Hillenbrand)* из Оксфорда выбрала для исследования опыт прикариата, который впервые начинается осмысляться именно в Китае. Автор считает, «опыт изгнания» в современном Китае создал аномальное социально-правовое положение для миллионов людей. Автор называет этих людей «зомби гражданами», фактически лишенными прав. При этом китайские рабочие на бумаге обладают полноценным, даже особым, статусом в соответствии с законом, их права символически закреплены в Конституции и номинально защищены целым рядом правовых положений. Это культурологическое исследование состояния неопределенности и незащищенности, в котором живет прикариат [*Hillenbrand 2023*].

2. Проблематика литературы прекариата

Время является основным фактором, определяющим характер «гиг труда». Курьер или таксист находятся в состоянии постоянной гонки на

время, обладают даже некоторой властью над клиентами, заставляя их ждать, самое важное для работников — это строгая экономия времени при выполнении всех этапов работы, оптимизация всех операций позволяет заработать больше, выполняя больше заказов. При этом процедуры такой работы неминуемо включают отрезки «неоплаченного времени». Именно такой подсчет времени, потраченного на каждое действие, ведет Ху Аньянь 胡安焉 (р. 1979), описывая свою работу курьером в Пекине. Накануне закрытия компании, когда количество посылок стало резко снижаться, автор испытал период невероятного облегчения и встречи с жизнью, он смог, наконец, позволить себе замедлиться. Роман Ху Аньяня «Курьер» (Во цзай бэйцзин сункуайди 我在北京送快递, 2023, перевод на английский и русский языки — 2025) знакомит читателя со всеми нюансами разных видов работ, которые ему довелось выполнять. Автор приводит много подробностей о том, как он находил работу, как шел процесс оформления, сколько платили за работу, были ли какие-либо социальные выплаты. Окончив школу в Гуанчжоу, он поработал продавцом одежды, доставщиком мороженого, рабочим на автозаправке, продавцом велосипедов, сортировщиком посылок на распределительном центре, верстальщиком журнала, курьером. Смена видов деятельности отражает тенденцию к увеличению количества людей, которые находят работу в экономике платформ. Обращает на себя тот факт, что в ряде мест работы автор остается в статусе нанятого на почасовую работу без страховых выплат. В таком же статус он оказывается в компаниях курьерской доставки Пекина, однажды он заболел пневмонией и потраченные на лечение деньги ему компенсированы не были. Курьеры больше всего боятся утери посылки, возможных жалоб клиентов или поломок рабочего транспорта, что влечет штрафы, а расходы по ремонту также надо брать на себя.

Особый интерес представляет описанный Ху Аньянем мир производственных отношений, увлекательно выписаны характеры хозяев и подчиненных, со всеми сослуживцами автор осторожно соблюдает дистанцию и вежлив. Именно в трудовых отношениях между людьми проступают культурные особенности коммуникации — недосказанность, стремление облапошить простачка, несоблюдение обещаний, неуемная жажда заработка, тихий саботаж. Сам автор, человек скромный и честный, с сильными принципами, а потому вызывает доверие у работодателей, сразу видящих в нем рабочую лошадку. Этот идеалист, подобный лусиневскому Кун Ицзи, проходит долгий путь адаптации к грубым реалиям жизни, где каждый думает лишь о своей выгоде, а он сам учится отстаивать свои права [Ху Аньянь 2025, 240—242].

Ценность подобной «любительской прозы» в том, что она знакомит нас с трудовой этикой современных китайцев. И тут главнейший принцип — не сделать ни на йоту того, что не будет оплачено, и попытаться

переложить как можно больше на соседа в надежде, что тот простачок или стромняга. Представители низшего звена управленцев — уже не мироеды, их постоянный страх — что человек проработает несколько дней и сбежит, не выдержав нагрузок. Описанные трудовые реалии указывают на то, что трудовой ресурс в Китае уже небесконечен. Все меньше людей живут в таких суровых обстоятельствах, которые заставляют трудиться на износ, по крайней мере, у автора городской *хукоу*, а его родители получают пенсию. То есть он не настолько уязвим, как люди из деревень с сельской пропиской. Надо подчеркнуть, что рабочие реалии, описанные Ху Аньянем, пусть и тяжелы и монотонны (особенно если работа приходится на ночное время), но далеки от той беспросветности, о какой пишут западные исследователи. Спокойная авторская интонация создает впечатление, что это обычная жизнь. В связи с выходом перевода романа Ху Аньяня на английском языке (I Deliver Parcels in Beijing, перевод Jack Hargreaves, 2025) на сайте газеты The Guardian была помещена рецензия. Автор отмечает, что книга Ху Аньяня показалась ей монотонной: «не взирая на все открытия для антропологов, что содержит эта книга, я все же недоумеваю: неужели именно такой авторский тон сделал ее бестселлером в Китае, а также возможно культурологический фон, потерянный при переводе» [Moran 2025].

Автор данной статьи, прочитав произведение Ху Аньяня в русском переводе, испытала сходные ощущения, сделав вывод, что ценность книги именно в документальной точности и верном градусе оценки эмоционального состояния представителя прекариата. Профессиональный писатель мог бы сделать описание более драматичным, полных надрывных эмоций, добавить вышибающие слезу трагические сцены, что уже было бы некоторым отступлением от правды жизни.

В последнем романе «Жизнь внизу» (Шэнхо цзай дичу 生活在低处, 2024) Ху Аньянь зовет читателей в более личное путешествие, глубже погружая их в свой внутренний мир. Роман повествует о том, как детство и семья сформировали его личность, он описывает свою жизнь «обычного» человека, обретение им внутреннего покоя через литературу. Ху Аньянь рассказывает о том, какие ситуации и жизненные эпизоды не только помогли ему перенести жизненные невзгоды, но и направили по стезе писательства. Мы видим эволюцию писателя уже в область более психологичной и менее документальной прозы.

3. Поэты из рядов прекариата

К настоящему времени уже возникла целая плеяда поэтов из числа рабочих-мигрантов, у многих вышло по несколько сборников поэзии. В качестве примера «поэзии прокариата» рассмотрим творчество уроженца провинции ЦзянсумВан Цзибина 王计兵 (1969 г.р.), он автор трех сборников поэзии: «В руке лучик времени» (Шоу чи жэньцзянь ишу гуан 手持

人间一束光, 2025), «Человек, обгоняющий время» (Ганьшицзянь дэ жэнь 赶时间的人, 2023), «Я неуклюже люблю этот мир» (Во бэньчжоди айчжэ чжэгэ шицзе 我笨拙地爱着这个世界, 2023). Ван Цзибин начал писать стихи в 19 лет работая строителем, открывал в г. Куньшань книжный магазин, но был вынужден закрыть его из-за отсутствия лицензии, тогда он понял, что уровня образования ему хватает только на занятия физическим трудом. Уже являясь членом СКП в родном городе Сюйчжоу, Ван Цзибин с 2018 г. работал курьером. В 2020 г. стихотворение «Декламация» (Лансун 朗诵) было опубликовано в ведущем поэтического журнале «Ши кань» (诗刊), что дало автору членство в СКП провинции Цзянсу. Размещенное в сети стихотворение «Человек, обгоняющий время» (赶时间的人) в 2023 г. собрало миллионы просмотров, вот строки оттуда:

Из воздуха извлеку ветер,	从空气里赶出风
Из ветра извлеку нож,	从风里赶出刀子
Из костей извлеку пламя,	从骨头里赶出火
Из пламени извлеку воду.	从火里赶出水
У обгоняющего время нет смены сезонов	赶时间的人没有四季
Есть лишь эта остановка и следующая,	只有一站和下一站
Мир — название места,	世界是一个地名
Как и деревня Ванчжуан-цунь	王庄村也是
Изо дня в день могу видеть	每天我都能遇到
Несущихся курьеров,	一个个飞奔的外卖员
Обеими ногами роющих землю,	用双脚锤击大地
Непрестанно закаляющих себя в этом мире людском	在这个人间不断地淬

Мечта любого курьера — снизить темп движения и ехать помедленнее, далее строки из стихотворения «Замедление» (*Цзяньсу* 减速):

Узнал от матери,	自从母亲知道
Что на руле электросамоката есть три кнопки:	电瓶车的把手上有三个键
Медленная, средняя, обгон,	低速，标准，超车
Управляющих скоростью,	可以控制车速
Каждый раз выезжая из дома,	每次出门前
Я обнаруживал,	我都会发现
Что нажата медленная скорость.	按键控制在低速上
Став курьером,	每次我都会缓慢离开小区
Что соперничает с секундомером,	作为一名
Каждый раз не спеша выезжал из ворот,	和秒钟抢速度的外卖骑手
Вынужденно замедлялся,	在母亲面前
Если на меня смотрела мать	不得不缓慢下来

Ван Цзибин утверждает, что у него есть свой стиль в поэзии: в начале стихотворения повествование, в середине — поворот, а самое ценное появляется в концовке, подобный простой и доступный стиль трогает сердце человека [Ганьшицзянь дэ жэнь 2025]. И действительно его поэзия передает теплоту простых человеческих чувств, вот строки из стихотворения «С отцом просидели новогоднюю ночь» (*Хэ фуцинь ици чуси шоуе суй* 和父亲一起除夕夜守岁):

Двое мужчин как два уголька	两个男人像两块木炭
Сидят у камелька	各自守着炉火半边
Угольные брикеты взрываются и трещат	煤球块偶尔炸裂，啪地一响
Ночь глуха и темна	夜色深暗
Порой в щель двери пролезет свет фар	偶尔有过路的车灯从门缝照进来
Жизнь как подкинутое в огонь полено	像是生活伸进来的一根火柴
Одно лицо уже изрыли морщины	一张脸皱纹纵横
Другое пошло морщинами сейчас	另一张脸正在皱纹纵横
Одна река несет воды к другой	一条河流正在接近另一条河流

В этих строках поэт погрузился в воспоминания о прошлом, в ту новогоднюю ночь он вместе с отцом сидел у огня, тогда на лице его еще не было морщин, но из-за бликов огня у него возникло ощущение путаницы пространства и времени.

Ван Цзибин как вышедший с низов был приглашен на Художественный семинар по изучению идей председателя Си Цзиньпина в Пекине, был удостоен нескольких литературных премий. Подтверждением известности Ван Цзибина стало его участие в новогоднем гала-концерте Центрального телевидения в 2025 г. В целом можно отметить всемерную поддержку властями таких литераторов из народа как Ван Цзибин. Также подобные таланты из народа заслуживают внимания литературоведов, так как привносят новые темы и интонации в поэзию.

Библиографический список

Гань шицзянь дэ жэнь, цзай цюаньцзи селэ шоу ши 赶时间的人，在全季写了首诗 (Человек, обгоняющий время, к каждому времени года пишет стихи) // Тэнсюнь ван 腾讯网, 12.09.2025 URL: https://news.qq.com/rain/a/20250912A08CJE00?suid=&media_id= (дата обращения: 20.01.2026).

Диигэ чуньвань дэ ваймай шижэнь вэй чуньцзе сесялэ чжэ сеши 第一个上春晚的外卖诗人，为春节写下了这些诗 (Первый поэт-курьер, приглашенный на новогоднее гала, написал такие стихи) // Чжунго цзоцзяван 中国作家网, 29.01.2025. URL: https://www.chinawriter.com.cn/n1/2025/0129/c403994-40410660.html (дата обращения: 21.01.2026).

Ху Аньянь. Курьер: реальная история человека, которого всегда ждут, но редко замечают. Пер. Е.В. Фейгиной. М.: Эксмо, 2025.

China's 200m gig workers are a warning for the world // The Economist, 18.09.2025. URL: https://www.economist.com/leaders/2025/09/18/chinas-200m-gig-workers-are-a-warning-for-the-world (дата обращения: 20.01.2026).

Hillenbrand M. On the Edge: Feeling Precarious in China. Columbia University Press, 2023.

Moran, Joe. I Deliver Parcels in Beijing by Hu Anyan, Review, 21.10.2025 // The Guardian, URL: https://www.theguardian.com/books/2025/oct/21/i-deliver-parcels-in-beijing-by-hu-anyan-review-startling-stories-of-chinas-new-precarity (дата обращения: 20.01.2026).

Ting Chun Chun. A Dispatch from China: Platform Economy, Labor Precarity, and Literary Voices// IIAS Newsletter 101 Winter 2025. URL: https://www.iias.asia/the-newsletter/article/dispatch-china-platform-economy-labor-precarity-and-literary-voices (дата обращения: 20.01.2026).

Xu Zhun. The Gig Economy in China// The Routledge Handbook of the Gig Economy. Immanuel Nessed. London: Routledge, 2023, pp. 392—400.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.80.56.020

О.И. Завьялова
ИКСА РАН

Дискуссия о судьбе диалектов в Китае

Аннотация. В современном Китае «общегосударственным языком» *путунхуа* в той или иной степени владеют уже 80,72% жителей страны. На грани исчезновения находятся некоторые малочисленные китайские диалекты, сокращается число носителей даже крупных диалектных разновидностей, прежде всего, среди молодежи в больших городах. Тем не менее, с недавнего времени своеобразная новая жизнь диалектов началась в Интернете. Проблема их сохранения в реальном употреблении не только волнует обычных жителей страны, но также освещается в китайских СМИ и, более того, затрагивалась депутатами в период «двух сессий» ВСНП и НПКСК в 2025 и 2026 гг.

Ключевые слова: языковая политика, языковое законодательство, китайские диалекты, языковое наследие.

Olga I. Zavyalova
ICCA RAS

A discussion on the fate of dialects in China

Abstract. In modern China, 80.72% of residents are already proficient in the standard language, i.e. the official Chinese language Putonghua. At the same time, some small Chinese dialects are on the verge of extinction, and the number of speakers of even large dialect varieties is decreasing, primarily among young people in large cities. However, recently, a new life of dialects has begun on the Internet. The problem of their preservation is represented in Chinese media and, moreover, was discussed by deputies during the “two sessions” of the NPC and the CPPCC in 2025 and 2026.

Keywords: language policy, language legislation, Chinese dialects, language heritage.

В последнее время тема сохранения в реальном употреблении китайских диалектов стала популярной как в неофициальном, так и в официальном пространстве КНР. Она освещается в центральных и региональных СМИ и, более того, была затронута несколькими депутатами в период «двух сессий» ВСНП и НПКСК в 2025-м и особенно в 2026 гг.

«Общегосударственным» китайским языком *путунхуа* владеют в той или иной степени уже более 80,72% жителей КНР, но китайские диалекты остаются родными для большей части населения страны. У носителей разных диалектов, прежде всего у деревенских жителей старшего поколения, иногда по-прежнему возникают трудности с пониманием *пу-*

путунхуа. Так, «общегосударственный язык» не понимают крестьяне, которые живут в окрестностях Чунцина, расположенного в пределах провинции Сычуань. Этот регион входит в зону распространения юго-западных диалектов внутри северной группы, которая лежит в основе *путунхуа*, и тем не менее, для удобства фермеров объявления станций на ветке чунцинского метро дублируются на диалекте [В метро, 2024].

Некоторые небольшие диалекты находятся при этом на грани исчезновения. Более того, сокращается число носителей даже крупных диалектов, прежде всего, среди молодежи в больших городах. Доля горожан в возрасте 6—20 лет, свободно владеющих местными диалектами, в Наньчане (диалекты группы Гань) составляет 31,8%, в Шанхае (группа У) — 22,4%, в Сямыне — 19,3 (южноминьские диалекты), в Ханчжоу (группа У) — 9,2%, в Сучжоу (группа У) — всего 2,2% [王莉宁 2024]. С недавнего времени новая жизнь диалектов все же началась в Интернете. По инициативе образованных молодых китайцев, владеющих прежде всего *путунхуа*, но при этом гордящихся своей родной речью, в сети появились разнообразные диалектные составляющие, некоторые из которых становятся общекитайскими; см., напр. [Сбоев 2018].

Официально область употребления китайских диалектов была обозначена в первом в истории Китая Законе КНР об общегосударственных языке и письменности, принятом в 2000 г. Второй вариант закона вступил в силу 1 января 2026 г. Посвященная диалектам статья осталась в тексте практически без изменений, хотя в соответствии с новой статьей 15 *путунхуа* и иероглифическое письмо должны использоваться в том числе в Интернете. Если это необходимо, на диалектах при этом по-прежнему могут говорить должностные лица; с разрешения властей соответствующего уровня возможно диалектное радио- и телевещание; допускается употребление диалектов в театре, в кинофильмах, телевизионных программах и других художественных передачах, а также в издательской деятельности, в процессе преподавания и в научных исследованиях.

Различные вопросы, связанные с защитой и расширением использования диалектов, были затронуты несколькими депутатами в период «двух сессий» ВСНП и НПКСК в 2025-ом и особенно в 2026 г. Так, депутат Ло Дань из уезда Шуньдэ в провинции Гуандун, входящего в ареал распространения диалектов группы Юэ, предложила при сохранении *путунхуа* как основного языка обучения привлекать в детские сады хорошо владеющих местными диалектами сотрудников, проверять уровень владения диалектами детьми в дошкольных учреждениях и начальных школах, дублировать на местных диалектах популярные детские мультфильмы [全国 2025]. Особо отмечалось в выступлениях депутатов значение диалектов в качестве носителей уникальных образцов местных культур, в том числе более 300 видов региональной оперы [全国 2026].

Библиографический список

В метро Чунцина есть «специальная линия корзин». Жэньминь жибао онлайн. 07.12.2024. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2024/0712/c31516-20193033.html (дата обращения: 23.01.2026).

Сбоев А.Н. Диалектизмы в китаеязычной интернет-коммуникации // Известия Восточного института. 2018. № 4 (40). С. 113—118.

王莉宁，柴如瑾. 守护乡音中的文化密码 — 我国语言资源保护的现状和展望 [*Ван Линин*, *Чай Жуцзинь*. Сохраняя культурный код родного говора — современное положение и перспективы защиты языковых ресурсов нашей страны]. 光明网. 24.10.2024. URL: https://news.gmw.cn/2024-10/24/content_37632392.htm (дата обращения: 11.01.2026).

全国人大代表罗丹：履职尽责, 听民意，为文化传承 “代言” [Депутат ВСНП Ло Дань: добросовестно исполнять обязанности, прислушиваться к мнению народа, выступать «спикером» в деле культурного наследия]. 佛山日报 —- 佛山新闻网 . 01.03.2025. URL: https://www.foshannews.net/h/6781/20250301/772091.html (дата обращения: 15.03.2026).

全国两会福建声音. 全国人大代表周虹: 建立“方言—戏曲”双向保护机制, 让戏曲传承有源头活水 [Голос Фуцзяни на «двух сессиях». Член ВСНП Чжоу Хун: Создать двусторонний механизм защиты «диалект — традиционная опера», пусть у оперного наследия будут источники живой воды]. 08.03.2026. URL: https://local.cctv.com/2026/03/08/ARTIqvgFMNgIZNvCIEHC60YO260308.shtml (дата обращения: 14.03.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.40.57.021

И Н. Исакова
МГУ имени М.В. Ломоносова

Расширение и уточнение понятийно-терминологического аппарата при включении китайской и японской литератур в теорию литературы

Аннотация. Существует необходимость расширения и уточнения понятийно-терминологического аппарата для анализа китайской и японской литератур. Общеупотребительные термины («герой» и «подвиг») требуют уточнений и дополнений. Предлагается различать героя-воина и героя-стратега, а также ввести понятие «интеллектуальный подвиг».

Ключевые слова: герой-воин, герой-стратег, интеллектуальный подвиг.

Irina Isakova
Lomonosov Moscow State University

Expanding and Refining the Conceptual and Terminological Framework through the Inclusion of Chinese and Japanese Literatures into Literary Theory

Abstract. There is a pressing need to expand and refine the conceptual and terminological framework for analysing Chinese and Japanese literary traditions. Common concepts such as ‘hero’ and ‘feat’ require clarification and supplementation. This study proposes distinguishing between the warrior-hero and the strategist-hero, while also introducing the concept of an intellectual feat.

Keywords: warrior-hero, strategist-hero, intellectual feat.

Теория литературы как научная дисциплина сформировалась в Западной Европе в XIX веке, на основе западноевропейских поэтик, восходящих к античной, строилась на материале западноевропейских литератур. Дальневосточные литературы развивались на основе иных философских и религиозных доктрин. И хотя сущность человека и жизненные ситуации, линии поведения мало отличается от культуры к культуре, осмысление реальной действительности (в том числе и очень похожей) может существенно отличаться. И поэтологические категории выделялись в литературных традициях по-разному. В связи с чем не всегда возможно механическое использование того или иного термина западноевропейской науки при анализе литератур Дальнего Востока.

Восточные литературы необходимо вписывать в общелитературный процесс, но сохраняя при этом смыслы, заложенные в литературном произведении. Одним из возможных решений может быть расширение и уточнение понятийно-терминологического аппарата литературоведения, например, такого, казалось бы простого, как «герой».

Этот термин в строгом смысле слова в учебниках и словарях определяется как личность, способная совершить подвиг, т.е. поступок, который мыслится как выходящий за рамки человеческих возможностей. Совершение подвига — верный путь к посмертной славе. В целом эти утверждения будут верны и на материале литератур Дальнего Востока, правда, придётся договариваться о терминах...

Что именно подразумевается под словом «подвиг»? Какие деяния будут считаться подвигами? Всегда ли слава предполагает восхищение и однозначно положительную оценку? Имеет ли герой право на ошибку, на поражение?

1. Подвиг может быть интеллектуальным. Например, Чжугэ Лян, герой романа Ло Гуанчжуна «Троецарствие» никогда не держал оружие в руках, зато много прочёл трактатов о войне. Его отличительная черта — способность к стратегическому мышлению, что проявляется в разных эпизодах, например, в сожжении флота Цао Цао.

2. Стратегическое мышление Чжугэ Ляна будет эффективным, т.е. приводить его к победам только тогда, когда он сможет узнать досконально своего противника. То есть он фактически должен быть не только стратегом, но и тонким психологом.

3. Способность адаптироваться, учиться на поражениях и извлекать из них долгосрочную пользу является важнейшей чертой героя в китайской традиции (Чжугэ Лян). Японская традиция подчеркивают бренность любого земного успеха, а также сложную диалектику победы и поражения, где даже величайший герой может стать жертвой обстоятельств или неотвратимого закона воздаяния.

4. Но это вовсе не означает, что в литературе не будет героя в привычном для нас смысле слова, бесстрашно сражающихся, в совершенстве владеющих тем или иным оружием (например, Гуань Юй из того же произведения, подвигами которого автор восхищается). В связи с этим целесообразно разграничить героя-воина и героя-стратега (героя-мудреца).

5. Восхищение может вызывать не только однозначно положительная личность. Например, в «Повести о доме Тайра» героем является и Киёмори, и Ёритомо, хотя первого правильнее было бы, с нашей точки зрения назвать злодеем. Но он совершает подвиги, он выдающаяся личность, поэтому он — герой. Как и Ёритомо — его противник.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.19.68.022

А.Н. Коробова
ИКСА РАН

Маркеры сарказма в повести Ван Шо «Животная ярость»

Аннотация. Ван Шо — прозаик, эссеист, сценарист и кинорежиссер, названный критиками главой «хулиганской литературы» (痞子文学) от слова 痞子 (босяк, бродяга, хулиган; гопник). Это не случайно — героями произведений Ван Шо становятся разного рода маргиналы. В 1990-е годы Ван Шо стал одной из культовых фигур на литературной арене Китая.

В данном докладе мы рассмотрим насмешку над идеологическим дискурсом в повести Ван Шо «Животная ярость» (动物凶猛, 1991). Маркером сарказма в данной повести служит высокий регистр.

Ключевые слова: Ван Шо, современная китайская литература, «Животная ярость», сарказм.

Anastasia N. Korobova
ICCA RAS

Markers of Sarcasm in Wang Shuo's Novel "Animal Ferocity"

Abstract. Wang Shuo is a novelist, essayist, screenwriter and film director, named by critics as the head of "hooligan literature" (痞子文学, from the word 痞子 (tramp, bully; hooligan). This is no coincidence — the heroes of Wang Shuo's works are all kinds of marginals. In the 1990s, Wang Shuo became one of the iconic figures on the China's literary scene.

In this report, we deal with the mockery of ideological discourse in Wang Shuo's novel "Animal Ferocity" (动物凶猛, 1991). The marker of sarcasm in this novel is a high register.

Keywords: Wang Shuo, contemporary Chinese literature, "Animal Ferocity", sarcasm.

Ван Шо — прозаик, эссеист, сценарист и кинорежиссер, названный критиками главой «хулиганской литературы» (痞子文学) от слова 痞子 (босяк, бродяга, хулиган; гопник). Это не случайно — героями произведений Ван Шо становятся разного рода маргиналы. В 1990-е годы Ван Шо стал одной из культовых фигур на литературной арене Китая [1]. Особенностями авторского стиля Ван Шо в целом являются просторечный языковой регистр (чаще всего отражающий язык пекинских улиц),

лексический эпатаж (обсценная лексика, жаргонизмы), провокация, сатира, сарказм, ирония.

Повесть писателя «Животная ярость» (动物凶猛, вариант перевода «Лютость зверя») [2] была впервые опубликована в 1991 году в журнале «Урожай», в 1994 экранизирована под названием «Жизнь в солнечном свете» (阳光灿烂的日子, в международном прокате «Под жарким солнцем» (In the Heat of the Sun)). Действие повести происходит в Пекине во время «культурной революции», главные герои — подростки, лишенные возможности ходить в школу и оставленные без присмотра взрослых, а потому взрослеющие в маргинальной среде. Нарратор — писатель лет тридцати, альтер-эго Ван Шо, который повествует о своей юности, когда он прогуливал уроки и ради забавы взламывал замки и вторгался в чужие дома.

Субкультура пекинских хулиганов и политизация китайского общества 1970-х в полной мере отразились в языке, которым написана повесть. В данном докладе мы рассмотрим насмешку над идеологическим дискурсом в прозе Ван Шо — прежде всего, это авторский бунт против патетики. Маркером сарказма в данной повести служит высокий регистр, особенно резкий переход от высокого регистра к низкому и полирегистровая структура текста.

Ван Шо своим литературным творчеством во многом способствовал деконструкции официальной идеологии. Насмешка над идеологическим дискурсом в прозе Ван Шо, намеренное нарушение стилистического единства текста — его поиск выработки адекватного «языка правды».

Библиографический список

Завидовская Е.А. Ван Шо // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 томах / Российская академия наук Институт Дальнего Востока. Том 3. М.: Вост. лит., 2008. С. 245—246.

王朔: 动物凶猛. 1991 [Ван Шо «Лютость зверя»]. URL: http://t.icesmall.cn/bookDir/2/259/0.html

DOI: 10.48647/ICCA.2026.92.64.023

А.А. Куликова
Санкт-Петербургский Государственный Экономический университет

Художественная специфика “мягкой фантастики” писательницы Ся Цзя

Аннотация. Научная фантастика является одним из ведущих жанров современной мировой и китайский литературы. Китайская научная фантастика, которая существует более ста лет, отличается стилевым и тематическим разнообразием, включая не только классическую “твердую и мягкую” фантастику. За последние несколько десятилетий женщины-авторы стали чаще обращаться к данному жанру. Современная писательница Ся Цзя (夏笳, р.1984 г.) является ярким представителем “мягкой фантастики” китайской прозы: ключевым элементом в творчестве автора оказываются не фантастические технологии, а внутренний мир человека и ностальгия по прошлому. Целью данного исследования является анализ стилевых особенностей нескольких рассказов Ся Цзя в контексте ключевых тенденций развития современной китайской научной фантастики.

Ключевые слова: Ся Цзя, современная китайская проза, мягкая фантастика, женская проза.

Anastasiia Kulikova
St. Petersburg State University of Ecinomics (UNECON)

Chinese Female Writer Xia Jia and Fictional Features of Her “Soft Science-Fiction”

Abstract. Science fiction is one of the leading genres of modern World and Chinese literature, in which female authors are also quite popular and successful. Chinese science fiction, which has existed for more than a hundred years, is distinguished by stylistic and thematic diversity, also including hard and soft science fiction. The contemporary female writer Xia Jia (夏笳, born 1984) successfully represents “soft fiction” in Chinese prose. The purpose of this study is to analyze the stylistic features of several Xia Jia’s short novels in the context of key trends in XXI century’s Chinese and World science fiction.

Keywords: Xia Jia, Contemporary Chinese Literature, soft science-fiction, female prose.

Китайская научная фантастика за более чем вековое развитие представлена произведениями разных стилей и тематического содержания. Современная китайская научная фантастика для западной аудитории в первую очередь ассоциируется с Лю Цысинем (刘慈欣) — автором знамени-

того цикла «Задача трех тел», однако данный жанр представлен большим количеством интересных авторов, в том числе авторами-женщинами.

Научная фантастика является глобальным литературным жанром с тематическим разнообразием. Как правило, фантастика делится на “мягкую и твердую”. Для “твердой” характерны рациональность и крепкая научная основа, мягкая или гуманитарная фантастика делает акцент на психологии и межличностных/межкультурных конфликтах. Научная фантастика всегда ассоциировалась с идеей прогресса (технического, социального и др.), однако, как заметил Ф. Джеймисон, устремленность научной фантастики в будущее — лишь иллюзия, а истинная область интересов жанра лежит в настоящем, воспринимаемом как «прошлое чего-то грядущего» [Зубов, 2016].

В современной китайской литературе все больше авторов-женщин обращаются к научной фантастике, среди которых выделяется проза Ся Цзя (夏笳, р. 1984 г.). Женщины-фантасты часто представляют мягкую фантастику или гибридную фантастику (например, любовная научная фантастика), в том числе через феминистическую оптику. Критики и исследователи называют прозу Ся Цзя “мягкой, словно жидкая каша” (稀饭科幻) [张靖宜 2025, 123]. Подобная оценка связана с сюжетной составляющей, в которой делается акцент на человеке и его переживаниях, в то время как классические для жанра элементы практически отсутствуют, что можно увидеть в большей части произведений писательницы. В частности, рассказ «Бутылка со злым духом» (关妖精的瓶子, 2004), за который Ся Цзя получила премию «Иньхэ», с сюжетной и стилистической стороны едва связан с научной фантастикой. Однако в последние годы многие китайские авторы экспериментируют с границами данного жанра, стремясь к большей литературности, а не технологичности [詹玲 2022, 40].

Проза Ся Цзя активно переводится на иностранные языки, в том числе на русский. Несколько переведенных с английского рассказов Ся Цзя представлены в сборнике «Невидимые планеты» (Fanzon, 2021). Сборник произведений писательницы «Далекое Лето» (Fanzon, 2025) был переведен с оригинала, что свидетельствует о растущей популярности Ся Цзя среди отечественных переводчиков. Целью данного исследования является проанализировать художественную специфику ключевых произведений Ся Цзя в контексте ключевых тенденций современной китайской научной фантастики.

Библиографический список

Зубов А. Культурная история научной фантастики как популярного жанра. URL:https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12083/ (дата обращения: 06.02.2026).

詹玲：当代中国科幻小说转型研究 [Чжан Лин. Исследование трансформации современной китайской научной фантастики] // 中国社会科学出版社. 2022, 338 页.

张靖宜: 柔软质料、忧郁情感与夏笳的“稀饭科幻” [Чжан Цзинъи. Мягкая материя, меланхолия и “мягкая фантастика” Ся Цзя] // 青年文学评论家. 2025 , 第 2 期，第 123—130 页.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.57.36.024

Е.И. Митькина
СПбГУ

Китайский детектив в России: от судьи Ди до современности

Аннотация. Данная статья посвящена пути китайского детектива в Россию: от опосредованного знакомства через западного автора Роберта ван Гулика (серия о судье Ди) до прямых переводов современных китайских писателей, таких как Лэй Ми, Чжоу Хаохуэй, Цинь Мин и Ши Чэнь. Культурная специфика китайского детектива — система «гуаньси», социальная иерархия, акцент на моральном выборе и острые проблемы современного китайского общества — становится не барьером, а главной притягательной силой для вдумчивого российского читателя, что делает этот сегмент динамично развивающимся и перспективным.

Ключевые слова: китайская литература, китайский детектив, Лэй Ми, Чжоу Хаохуэй, Роберт ван Гулик, Цинь Мин, судья Ди.

Evgenia Mitkina
St. Petersburg State University

Chinese Detective in Russia: From Judge Dee to the Present Day

Abstract. This article examines the journey of the Chinese detective genre into Russia — from indirect acquaintance through the Western author Robert van Gulik (Judge Dee series) to direct translations of contemporary Chinese writers such as Lei Mi, Zhou Haohui, Qin Ming, and Shi Chen. The cultural specificity of the Chinese detective — the *guanxi* system, social hierarchy, the emphasis on moral choice, and the acute problems of modern Chinese society — becomes not a barrier but the main attractive force for the thoughtful Russian reader, making this segment dynamically developing and promising.

Keywords: Chinese literature, Chinese detective story, Lei Mi, Robert van Gulik, Qin Ming, Judge Dee, Zhou Haohui.

Несмотря на растущий глобальный интерес к азиатскому культурному продукту, современная китайская массовая проза, в частности детективный жанр, долгое время оставалась на периферии внимания российского читателя. Данное исследование призвано заполнить эту лакуну, проследив исторический путь китайского детектива в России — от первых переводов до формирования устойчивой, хотя и нишевой, читательской аудитории.

Прежде всего следует рассмотреть «предтеч» жанра, ключевой фигурой среди которых является Роберт ван Гулик и его серия романов о судье Ди. Эти произведения, созданные западным автором, но основанные на китайской традиции, стали своеобразными «входными воротами» для российского читателя в мир китайской криминальной истории в 1990-х годах. В настоящее время достаточно большое количество детективов, среди которых ключевые авторы, чьи работы были опубликованы на русском языке в последние годы, — Цинь Мин с его реалистичными произведениями на основе практики судмедэксперта, Лэй Ми, мастер сложного психологического триллера, и Чжоу Хаохуэй, автор интеллектуальных детективов.

Как притягательные, так и барьерные аспекты «культурного кода» — специфическая социальная иерархия, концепция «гуаньси», отношение к власти, — формируют уникальный колорит этих произведений. В структуре повествования они отличаются от западных аналогов, делают больший акцент на мотивации, морали и судьбе, а также в сюжетах находят отражение острые социальные проблемы современного Китая.

Целевую аудиторию китайских детективов составляют не только поклонники детективного жанра, ищущие «свежий» взгляд, но и ценители азиатской культуры в целом, а также зрители успешных экранизаций. В целом, можно сделать вывод о том, что китайский детектив в России представляет собой динамично развивающийся и перспективный сегмент, привлекающий читателей экзотическим культурным фоном, качественной проработкой сюжетов и глубиной характеров. Популярность жанра, подпитываемый новыми переводами и усиливающимся интересом ко всему азиатскому, будет продолжать расти.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.79.25.025

К.М. Писцов
ИВ РАН

Книги при императорском дворе эпохи Мин

Аннотация. Роль книг в китайской традиционной культуре трудно переоценить. Доклад посвящен книжной культуре императорского двора конца эпохи Мин (1368—1644). Источником служит одна из глав «Мин гун ши» — сокращенной версии мемуаров придворного евнуха Лю Жоюя (1584—?). Лю Жоюй предельно кратко характеризует административное устройство дворцового книгохранилища. Затем описывает удручающую ситуацию, связанную с расхищением и порчей дворцовых книжных фондов. Сам автор не сомневается в непреходящей значимости книг, такой подход соответствует официальной доктрине и общему мнению при дворе — констатируется, что комплекты редких книг вызывали интерес ученых, могли служить императорской наградой или престижным подарком. Лю Жоюй характеризует систему обучения дворцовых евнухов, их читательские предпочтения и даже предлагает собственную новую программу для учащихся. Основное содержание главы составляет перечень изданных и хранящихся во дворце книг: конфуцианская классика, сборники законов, исторические и политические сочинения, стихи и проза разных эпох, буддийские и даосские сакральные тексты. Глава содержит также одно из ранних упоминаний о знаменитой грандиозной энциклопедии «Юн лэ да дянь».

Ключевые слова: Лю Жоюй, эпоха Мин, дворцовая библиотека, школа евнухов.

Konstantin Pistsov
IOS RAS

Books at the Ming dynasty Imperial Court

Abstract. The book`s role in Chinese traditional culture is difficult overestimate. The report focuses on the book culture of the late Ming dynasty Imperial Court (1368—1644). The source is one of the chapters of “Ming gong shi” — an abridged version of the memoirs of a court eunuch Liu Ruoyu (1584—?). Liu Ruoyu provides a very brief description of the administrated structure of the palace library. He then describes the distressing situation of the theft and damage to the palace`s book collection. The author himself has no doubts about the enduring significance of books. This approach corresponds to the official doctrine at court — it is stated that sets of rare books were of interest to scholars and could serve as an imperial award or a prestigious gift. Liu Ruoyu describes the education system of the palace eunuchs, their preferences and even proposes a new curriculum for students. The main content of the chapter is a list of books published and stored in the

palace: Confucian classics, collections of laws, historical and political writings, poetry and prose of different eras and Buddhist and Taoist sacred texts. The chapter also contains one of the earliest references to the famous grand encyclopedia "Yong le da dian".

Keywords: Liu Ruoyu, Ming dynasty, palace library, eunuch`s school.

Роль литературы (в широком смысле), письменного слова, в китайском традиционном обществе трудно переоценить. Достаточно вспомнить в качестве двух крайних полюсов о системе государственных экзаменов, и о народных книгах.

В докладе речь пойдет о книжной культуре императорского двора конца эпохи Мин. Источником служит книга «Мин гун ши» — сокращенная версия мемуаров придворного евнуха Лю Жоюя (1584—?).

Лю Жоюй предельно кратко характеризует административное устройство книгохранилища. Затем описывает удручающую ситуацию, связанную с расхищением и порчей дворцовых книжных фондов. Сам автор не сомневается в непреходящей значимости книг, такой подход соответствует официальной доктрине и общему мнению при дворе — констатируется, что комплекты редких книг вызывали интерес ученых, могли служить императорской наградой или престижным подарком [劉若愚 1982, 104—105].

Лю Жоюй характеризует систему обучения дворцовых евнухов и даже предлагает собственную новую программу для учащихся, которую уже представил императору на рассмотрение. Предполагалось создание хрестоматии из лучших произведений древней литературы и образцовых экзаменационных сочинений эпохи Мин [劉若愚 1982, 93]. Включение в программу экзаменационных сочинений подтверждает высказанную ранее исследователями мысль об идентичности образования в школе евнухов с нормативной системой обучения будущих чиновников [Jang 2008, 137]. Факт обращения к императору дополнительно свидетельствует, что Лю Жоюй (находившийся в тюрьме в ожидании казни) активно стремился обратить на себя внимание, надеясь на пересмотр дела.

Основное содержание главы составляет перечень изданных и хранящихся во дворце книг. По объему и по порядку упоминания первое место занимает конфуцианская классика, к которой примыкают сборники минских законов, исторические и политические сочинения (включая доклады подданных и указы монархов), собственные сочинения минских императоров, стихи и проза разных эпох. После каждого заголовка Лю Жоюй скрупулезно указывает количество тетрадей и страниц. Те же принципы выдержаны при описании буддийских сутр. В отдельные категории автор выделяет собрания канонов — буддийского, даосского и фаньского (подразумевается тибетский буддизм), применительно к ним Лю Жоюй пере-

числяет количество бумаги особых категорий, тонкого синего и желтого шелка, туши и других расходных материалов.

Глава содержит также одно из ранних упоминаний о грандиозной энциклопедии «Юн лэ да дянь».

Данная глава сочинения Лю Жоюя интересна общей (хотя и не исчерпывающей) характеристикой роли книг в жизни императорского двора эпохи Мин. Охарактеризованы состав императорской библиотеки, некоторые принципы дворцовой издательской деятельности, учебная программа школы евнухов и их читательские предпочтения. Косвенные данные из текста позволяют пролить некоторый дополнительный свет на личность и биографию Лю Жоюя.

Библиографический список

Jang Scarlett. The Eunuch Agency Directorate of Ceremonial and the Ming Imperial Publishing Enterprise//Culture, courtiers and competition: the Ming court (1368—1644). Cambridge: Harvard University Asia Center, 2008. P. 116—185.

劉若愚 明宮史，高士奇 金鰲退食筆記 [Лю Жоюй История Минских дворцов, Гао Шици Записки во время приема пищи подле Золотой черепахи]. 北京： 北京古籍出版社, 1982.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.33.76.026

М.В. Семенюк
ИСАА МГУ им. Ломоносова

«Сентиментализм» в женской прозе Китая первой половины XX века

Аннотация. В этой статье впервые рассматривается женская «сентиментальная проза» как самобытное течение китайской литературы первой половины XX века, и, в частности, творчество писательниц Лу Инь (1898—1934) и Фэн Юаньцзюнь (1900—1974). Это лиричная и субъективная проза, подробно описывающая внутренний мир женщины, для которой характерна узнаваемая меланхолическая тональность, Она во многом определила стиль «новой женской прозы» и значительно повлияла на творчество женщин-писательниц второй половины XX века, в частности, Чжан Айлин и Ван Аньи.

Ключевые слова: новая китайская литература, женская проза, сентиментализм, Лу Инь, Фэн Юаньцзюнь.

Maria V. Semenyuk
Institute of Asian and African Studies MSU

“Sentimentalism” in Chinese women's prose of the first half of the 20th century

Abstract. This article is the first to examine women's “sentimental prose” as a distinctive trend in Chinese literature of the first half of the 20th century, focusing on the works of the writers Lu Yin (1898—1934) and Feng Yuanjun (1900—1974). This is a lyrical and subjective prose that describes in detail the inner world of a woman, characterized by a recognizable melancholic tone. It largely defined the style of “new female prose” and significantly influenced the work of female writers in the second half of the 20th century, particularly Zhang Ailing and Wang Anyi.

Keywords: New Chinese Literature, Female Prose, Sentimentalism, Lu Yin, Feng Yuanjun.

«Сентиментальная» проза 20—30-х годов XX века — одно из наиболее самобытных направлений «новой китайской литературы». Она была лишь отчасти вдохновлена идеями европейского сентиментализма, и в большей степени опиралась на принцип индивидуального самовыражения в творчестве, а также находилась влиянием западных концепций «болезни общества». Большую роль в ее формировании сыграло движение 4 мая, когда литературу, по словам профессора Цянь Лицюня, буквально «залило сентиментальное «половодье слез» [Цянь Лицюнь, 2024, 47].

Термин «сентиментализм» в контексте китайской литературы впервые употребил Юй Дафу в статье «Краткий очерк о литературе», определив сентиментализм как «подход к литературному изображению, в котором прошлое занимает главенствующее место, авторы, по большей части, пьяны вином воспоминаний и всецело погружены в неторопливое, плавное, переливчатое течение собственных чувств. Сентиментальные произведения пронизаны глубокой тоской и ностальгией по прошлому, авторы вздыхают по собственной жизни и любуются печалью» [郁达夫, 1930]. Это определение, конечно, не является литературоведчески точным, но оно во многом определило дальнейшее восприятие «сентиментальной» прозы в Китае. Кстати говоря, в статье Юй Дафу использует термин *сюньцинчжуи* 殉情主意, однако позже, вслед за эссе Чжу Цзыцина и других литераторов, более употребительным стал термин *ганьшанчжуи* 感伤主义文学, также подобную литературу периодически называют «литературой субъективного выражения чувств» (主情主义文学), и литературой предромантизма (前浪漫主义).

Различные исследователи относят к «сентиментальной» литературе самых разных авторов первой половины XX века. Однако в одном критики сходятся: именно «сентиментальная» проза стала визитной карточкой «новой женской литературы», в первую очередь, благодаря творчеству Лу Инь и Фэн Юаньцзюнь.

Хуан Ин 黄英, более известная под псевдонимом Лу Инь (庐隐 1898—1934) была не только настоящей женщиной новой формации, но и плодовитой писательницей. Она автор трех романов (из них самый значительный — «Кольцо из слоновой кости» (象牙戒指) 1930), а также множества рассказов и повестей. Известность ей принесла повесть «Друзья с побережья» (海滨故人) 1925 — история пяти юных девушек, которые, вдохновившись идеями 4 мая, стремятся начать новую жизнь, однако судьба каждой оканчивается трагически.

Лу Инь вполне осознанно придерживалась принципов сентиментализма: «Писатель должен писать о чувствах максимально субъективно, описывать события так, как ему в моменте подсказывает интуиция, не подражая другим…чувства — главное, именно за ними следует смысл», пишет она в своем эссе «Качества, необходимые писателю» [庐隐, 1930].

Главная тема всех произведений Лу Инь — это печаль в ее различных проявлениях. Это может быть и трагичность эпохи, и трагическая любовь, и, в более широком смысле, трагедия быть рожденной в теле женщины (с этой точки зрения некоторые произведения можно интерпретировать в феминистском ключе) [Пан Чэн, 2017]. Героини Лу Инь чрезвычайно юны, но уже больны физически и внутренне: у некоторых больное сердце, другие страдают от чахотки, и все без исключения испы-

тывают тоску и душевные мучения. Судьба не благоволит девушкам, и они смотрят на мир пессимистично, стремясь убежать от реальности в мир собственных фантазий. Даже хронотоп произведений Лу Инь зачастую усиливает ощущение тоски и меланхолии: в описании времени и пространства присутствуют характерные сквозные образы: утренний туман, дождь, пронизывающий ветер, темные тучи, холодная луна, далекие звезды, увядшая трава, засохшие цветы, запущенный сад, заброшенный дом, старая могила и т.п.

Фэн Юаньцзюнь (1900—1974), в юности печатавшаяся под псевдонимом Госпожа Гань 淦女士, тоже была популярна у современников: многие отмечали поразительное сходство ее прозы с творчеством Юй Дафу. В отличие от Лу Инь, состоявшей в «Обществе изучения литературы», она была близка с обществом «Творчество», что нашло отражение в ее литературной манере — более экспрессивной и субъективной. Она нередко обращалась к своему непосредственному жизненному опыту и подчеркивала, что творчество должно выражать «внутренние потребности автора» [Юань Тянье, 2024]. Позже Фэн Юаньцзюнь стала более известной в научной среде, став первой женщиной-профессором Пекинского университета.

Фэн Юаньцзюнь творила в жанре короткой прозы, причем все ее произведения объединены единой полуавтобиографической сюжетной линией. Также Фэн Юаньцзюнь стала одной из первых авторов в жанре эпистолярного романа — ее роман «Шрамы весны» (*Чуньхэнь* 春痕) 1928 года, состоявший из 50 писем, стал своего рода лирическим документом размышлений новой китайской женщины о любви и браке.

В произведениях Фэн Юаньцзюнь ярко обозначена критическая направленность: она обличает пороки старого общества, феодальные предрассудки, ограничивающие жизнь женщин, призывает к свободе выбора в вопросах любви и брака. Однако обличительный и критический пафос смягчается исповедальной, подчеркнуто сентиментальной повествовательной манерой: она предельно откровенно и детально изображает мельчайшие душевные порывы своих героинь, в том числе их сомнения, неуверенность, терзающие их мрачные настроения. Как писал современник писательницы, исследователь Цао Е, Фэн Юаньцзюнь «сорвала с женщин все маски и обнажила психологию любви» [2].

Произведения Лу Инь и Фэн Юаньцзюнь для своего времени звучали свежо и новаторски, находя отклик в сердцах многих читателей. Во многом, именно женская «сентиментальная» проза положила начало женской прозе как самобытному литературному явлению: когда речь идет не столько о литературе, написанной женщинами, сколько о произведениях, которые звучат «женским голосом», объединены общими темами, твор-

ческими установками и набором художественных средств. Их субъективно-чувственная, исповедальная литература о любви оказала значительное влияние на творчество таких крупных авторов XX века, как Чжан Айлин, Су Цин, Линь Хайинь, Ван Аньи, Чи Ли и других.

Библиографический список

Три десятилетия современной китайской литературы (1917—1949) / Цянь Лицюнь, Вэнь Жуминь, У Фухуэй. М.: Наука; Восточная литература, 2024.

冯沅君, 以为勇敢的女性作家 [Фэн Юаньцзюнь, смелая женщина-писательница]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1672180734788623706 (accessed: 22.03.2026).

庐隐: 著作家应有的修养 [Лу Инь. Качества, необходимые писателю] URL: https://wenku.baidu.com/view/1272d2ad0608763231126edb6f1aff00bfd57079.html (accessed: 22.03.2026).

庞程：悲哀是永驻灵宫的娇子 — 论庐隐创作中的悲哀之情与感伤主义 [Пан Чэн. Гордячка-печаль, вечный обитатель дворца души — о сентиментализме и печали в творчестве Лу Инь] // 文学教育 14/07/2017 URL: https://www.zzqklm.com/w/wxlw/21367.html (accessed: 22.03.2026).

郁达夫:文学概说 [Юй Дафу. Краткий очерк о литературе]. URL: https://www.guxuo.com/xdmj/ydf/wxgl/index.htm (accessed: 22.03.2026).

元田野：由“伦理主题”向“浪漫自我”的超越 —论冯沅君 1920 现代小说的浪漫特质 [Юань Тянье. Переход от «теоретических тезисов» к «романтической самости» — романтические черты современной прозы Фэн Юаньцзюнь 1920-х годов] // 苏州教育学院学报 2024 (41) 5 URL: https://wenku.baidu.com/view/90b1aeafd0d8d15abe23482fb4daa58da0111cb3.html (accessed: 22.03.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.14.61.027

Ху Синьюэ 胡心悦
Шаньдунский политехнический университет

Литературоведческая интерпретация образов учеников Конфуция в переводе «Лунь юй» Л.Д. Позднеевой

Аннотация. В центре данного исследования находится анализ избранных переводов классического конфуцианского текста «Лунь юй», выполненных выдающимся российским синологом-переводчиком Л.Д. Позднеевой, прежде всего в её публикации в «Хрестоматии по истории древнего Востока» (1963). Цель работы — выявить и системно проанализировать элементы литературной интерпретации образов ключевых учеников Конфуция, таких как Янь Хуэй и Цзы Лу, в её переводческих решениях, стилистических выборах и комментариях. Под литературной интерпретацией понимается подход, выходящий за рамки чисто философской или филологической экзегезы и акцентирующий внимание на нарративном построении характеров, эмоциональной окраске высказываний и художественном формировании целостных образов. На основе сравнительного анализа перевода Позднеевой с традиционными китайскими комментариями (в частности, комментарием Чжу Си) исследуется, как происходит трансформация и обогащение оригинальных образов в процессе межкультурного переноса. Особое внимание уделяется тому, как российская гуманитарная традиция, представленная творчеством Позднеевой, влияет на рецепцию «Лунь юй» в русскоязычном научном пространстве, наделяя древний текст новыми литературными измерениями и расширяя возможности его понимания как художественного и культурного феномена.

Ключевые слова: «Лунь юй», Л.Д. Позднеева, переводческий анализ, литературоведческая интерпретация, образы учеников Конфуция.

Hu Xinyue
Shandong University of Technology

Literary Interpretation of Confucius'Disciples in Pozdneeva's Translation of the Analects

Abstract. This study analyzes selected translations of the classical Confucian text Analects (Lunyu) by the prominent Russian sinologist and translator L.D. Pozdneeva, primarily based on her version published in Anthology of the History of the Ancient East (1963). The research aims to identify and systematically examine features of the literary interpretation of images of key Confucius' disciples, such as Yan Hui and Zilu, in her translational decisions, stylistic choices and commentaries. Literary interpretation is understood here as an approach that

goes beyond purely philosophical and philological exegesis, focusing on the narrative construction of characters, emotional coloring of utterances and the artistic shaping of complete images.

Through a comparative analysis of Pozdneeva's translation with traditional Chinese commentaries, especially those by Zhu Xi, the study explores how the original images are transformed and enriched in cross-cultural transmission. Special attention is paid to how the Russian humanitarian tradition, represented by Pozdneeva's works, influences the reception of the Analects in Russian academic circles, endowing the ancient text with new literary dimensions and expanding its understanding as an artistic and cultural phenomenon.

Keywords: The Analects, L. D. Pozdneeva, translation analysis, literary interpretation, images of Confucius' disciples.

波兹涅耶娃俄译《论语》中弟子形象的文学性阐释研究

论语提纲：

1.引言：问题提出与研究意义。 阐述《论语》在俄罗斯汉学界的接受与翻译概况，指出现有研究多集中于思想传播与译本比较。

提出核心问题：以翻译家波兹涅耶娃（Л.Д.Позднеева）的译作为例，其翻译实践是否及如何对《论语》中的弟子形象进行了超越字面转换的"文学性"建构与阐释？。阐明本研究的价值：为《论语》海外传播研究提供微观的、以"人物形象"为焦点的翻译学与比较文学交叉视角。

2.理论框架与核心概念界定

。"文学性阐释"的操作性定义：在本研究中，指译者通过词汇选择、句式重构、语序调整、修辞增添等翻译策略，以及注释、导言等副文本，对原文人物性格、言行动机及叙事效果进行的艺术化加工与凸显，使其更符合目标语文学的叙事传统和读者期待。

。研究方法：结合描写翻译学与形象学理论，采取文本细读与比较分析法，对译文与原文进行对照，并参照中国传统经学注释。

3. 案例选择与文本基础

。介绍研究对象：波兹涅耶娃 1963 年收录于《东方古代文选》的《论语》节译本。说明选取该译本的代表性及其在俄语世界的传播影响。

。确定分析对象：选取译本中关于颜回（如"贤哉回也"、"不违如愚"章）与子路（如"子路率尔而对"、"闻斯行诸"章）的关键片段。阐述选

取理由——二者性格反差鲜明，文学形象突出，易于观察翻译中的阐释差异。

4. 核心分析：翻译中的文学形象建构

a.性格特质的语词重塑：分析波兹涅耶娃如何翻译关键性评价词汇（如“贤”、“勇”、“喟然叹曰”），考察其选词是更偏向道德评价、心理描写还是戏剧化动作，从而塑造弟子的“文学人格”。

b.对话场景的叙事强化：分析译者在处理对话片段（特别是子路的“率尔而对”）时，如何通过俄语的句式、语气词或标点来再现或强化对话的现场感、冲突性与人物性格张力。

c.副文本的引导性阐释：考察波兹涅耶娃在章节前后所加的注释或简介，分析她如何用概括性、评价性的语言向俄语读者介绍和定性这些弟子，这是其“文学性阐释”最直接的体现。

d.比较视野下的阐释差异：将上述俄译建构的形象，与以朱熹《四书章句集注》为代表的传统经学解释进行对比。重点揭示两种阐释路径的根本不同：经学侧重德性训诫与义理阐发，而波兹涅耶娃的翻译则倾向于人物性格的叙事性呈现。

5. 结论：文学性阐释的路径、动因与意义

◦ 总结波兹涅耶娃进行文学性阐释的主要翻译策略（如具体化、情感化、戏剧化）。

◦ 探讨其动因：源于俄罗斯文学翻译中注重“形象再创造”的传统，还是译者个人对《论语》叙事性的敏锐觉察，抑或是面向俄语大众读者的接受考量。

◦ 评价其意义：这种阐释不仅丰富了《论语》在俄语世界的文学面貌，也为跨文化经典翻译研究提供了“人物形象迁移”的典型案例，揭示了翻译作为创造性阐释行为的本质。

Библиографический список

Позднеева Л. Д. (пер., комм.). Лунь юй (Изречения) // Хрестоматия по истории древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. Москва: Издательство восточной литературы, 1963. С. 360—375.

Позднеева Л. Д. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Том 1. Москва: Мысль, 1972.

Slingerland, E. (trans.). Confucius Analects: With Selections from Traditional Commentaries. Indianapolis: Hackett Publishing, 2003.

朱熹.《四书章句集注》.北京：中华书局[Чжу Си. Четыре книги с собранием комментариев. Пекин: Издательство «Чжуньхуа шуцзю»], 2012.

程树德.《论语集释》.北京：中华书局[Чэн Шудэ. Собрание толкований к «Лунь юй». Пекин: Издательство «Чжуньхуа шуцзю»], 1990.

李明辉.《当代儒学之自我转化》.北京：中国社会科学出版社[Ли Минхуэй. Самотрансформация современного конфуцианства. Пекин: Издательство общественных наук Китая], 2001.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.14.73.028

Чэн Шунтин 程爽婷
Институт русского языка
Хэйлунцянского университета

«Имеющая своё имя, Джелтула-река» Г. Кэптукэ и «Правый берег реки Аргунь» Чи Цзыцзянь: экокритический анализ эвенкийских повествований

Аннотация. Данное исследование представляет собой экокритический анализ повести Галины Кэптукэ «Имеющая своё имя, Джелтула-река» и романа Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь». Оба произведения воссоздают традиционное экологическое сознание эвенков (орочонов), в котором тайга выступает одушевлённым сакральным пространством, а человек включён в отношения взаимности с природой. В работе рассматриваются ключевые элементы этой модели: отношение к животным как к «старшим братьям», ритуальные практики «кормления» земли и огня, система табу. Особое внимание уделяется изображению экологического распада, вызванного коллективизацией, индустриальной добычей золота и созданием водохранилищ. Сравниваются внутренняя оптика Кэптукэ (взгляд изнутри культуры) и внешняя элегическая оптика Чи Цзыцзянь. Делается вывод, что оба текста могут быть прочитаны как эко-элегии, фиксирующие травму модернизации и сохраняющие традиционное экологическое знание.

Ключевые слова: экокритика, Галина Кэптукэ, Чи Цзыцзянь, эвенкийская литература, тайга, экологическое сознание, модернизация.

Cheng Shuangting
Institute of the Russian Language,
Heilongjiang University

«Having Her Own Name, the Dzheltula River» by G. Keptuke and «The Right Bank of the Argun River» by Chi Zijian: An Ecocritical Analysis of Evenki Narratives

Abstract. This study presents an ecocritical analysis of Galina Keptuke's novella «Having Her Own Name, the Dzheltula River» and Chi Zijian's novel «The Right Bank of the Argun River». Both works reconstruct the traditional ecological consciousness of the Evenki (Orochon) people, in which the taiga appears as an animate, sacred space and the human being is embedded in relationships of reciprocity with nature. The paper examines the key elements of this model: the treatment of animals as “elder brothers,” ritual practices of “feeding” the earth and fire, and the system of taboos. Particular attention is devoted to the depiction of ecological disintegration brought about by collectivization, industrial gold mining, and the construction of reservoirs. The study compares Keptuke's internal optic (a view

from within the culture) with Chi Zijian's external, elegiac optic. It concludes that both texts can be read as eco-elegies that register the trauma of modernization while preserving traditional ecological knowledge.

Keywords: ecocriticism, Galina Keptuke, Chi Zijian, Evenki literature, taiga, ecological consciousness, modernization.

1. Введение: экокритика как метод анализа

Экокритика рассматривает литературу как пространство репрезентации отношений между человеком и природой. В отличие от традиционных подходов, сосредоточенных на этнографической достоверности или исторической судьбе малого народа, данная работа анализирует, как художественный текст воспроизводит экологическое сознание — систему восприятия природы, этических норм и практик взаимодействия с ней. Оба произведения созданы в разных культурных и языковых контекстах (внутренний взгляд эвенкийской писательницы и внешний взгляд китайской интеллектуалки), что позволяет выявить как универсальные черты традиционной экологической культуры, так и специфику её художественной реконструкции.

2. Традиционная экологическая модель в текстах Кэптукэ и Чи Цзыцзянь

В обеих книгах тайга предстаёт не как фон или ресурс, а как одушевлённое, сакральное пространство. Ключевые элементы этой модели:

Отношение к животным. У Кэптукэ медведь назван «дедушкой», а охотник обращается к нему: «Брат я тебе». У Чи Цзыцзянь олень — не просто средство передвижения, а спутник жизни, связанный с человеком телесной и духовной связью.

Ритуальные практики «кормления» природы. У Кэптукэ мать бросает в огонь жир и траву какав, привязывает цветные лоскутки к прибрежным кустам при переправе через реку. У Чи Цзыцзянь шаманские обряды, жертвоприношения духам земли и воды.

Система табу и запретов. У Кэптукэ: нельзя наступать на огонь, нельзя хвастаться удачей на охоте, иначе медведь услышит и накажет. У Чи Цзыцзянь: табу, связанные с родами, смертью, определёнными местами в тайге.

Эта модель соответствует тому, что в экокритике называется «глубокой экологией» — признанию равноценности всех живых существ и включённости человека в экосистему, а не его главенства над ней.

3. Экологический распад: образы модернизации как катастрофы

Оба автора показывают, как коллективизация, перевод на оседлость, промышленная добыча золота, создание водохранилищ и лесозаготовки разрушают экологическую связь человека с землёй.

У Кэптукэ наиболее яркие образы экологического кризиса:

Зейское море как «гнилое болото»: плавающие брёвна и коряги, ядовитые щуки, от которых гибнут люди. Водохранилище — техногенная катастрофа, уничтожившая привычный ландшафт и сделавшая навигацию смертельно опасной.

Утрата детской пуповины: «Где она, та пуповина моя? В тайге, да не знаю я, где зарыта». Этот образ прямо связывает экологическую идентичность с телесной связью с землёй.

Деградация оленьих стад из-за отсутствия «чужой крови» — прямая аналогия с вырождением человеческого рода .

У Чи Цзыцзянь экологическая катастрофа изображена более элегически:

Вырубка лесов, оскудение охотничьих угодий, исчезновение зверя.

Пожары, уничтожающие тайгу.

Вторжение тяжёлой техники, ломающей привычный уклад.

Общий мотив: природа у обоих авторов отвечает на вторжение — уходит зверь, портится вода, болеют и вырождаются люди.

4. Сравнение экологической оптики: внутренний vs внешний взгляд

Кэптукэ пишет изнутри культуры. Её экологическое сознание выражено не в декларациях, а в самом способе видеть мир: через запахи (дым какава, прелая листва), звуки (щёлканье оленьих копыт, звон колокольчика на шее оленя), ритуальные жесты. Тело рассказчицы чувствует боль земли. Это иммерсивное описание.

Чи Цзыцзянь, будучи внешним наблюдателем, выстраивает более обобщённую и элегическую картину. Её интересует не столько повседневная экологическая практика, сколько судьба целого народа на фоне исторических катаклизмов. Её экологическая оптика — это ретроспективная рефлексия об утраченном.

Именно сопоставление этих двух оптик даёт наиболее полную картину: Кэптукэ показывает экологическое сознание в его живом, нерефлексивном состоянии, Чи Цзыцзянь — его осмысление после катастрофы.

5. Заключение: «эко-элегии» как литературный памятник

Оба произведения могут быть прочитаны как эко-элегии — литературные памятники уходящему миру, в котором человек был вписан в природу, а не противопоставлен ей. Они фиксируют экологическую травму модернизации, сопоставимую с травмой колониальных обществ. При этом они не просто констатируют утрату, но и сохраняют традиционное экологическое знание — через язык, образы, ритуальные практики. В глобальном экологическом дискурсе эти тексты становятся голосом малого народа, напоминающим о том, что альтернативные отношения с природой возможны и были реальностью совсем недавно.

Библиографический список

Иванова Э.В. Фольклорные истоки в творчестве эвенкийской писательницы Г. Кэптукэ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2006. С. 21—24.

Кэптукэ Г. Маленькая Америка. М.: Издательство «Современник» Министерства печати и массовой информации РСФСР и Союза писателей РСФСР, 1991.

Непомнящих Н.А. Мифологема реки в прозе писателей — представителей коренных народов севера и сибири // Сибирский филологический журнал, 2023. С. 204—217.

Пашкевич О.И. Тема детства в творчестве писателей Якутии // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. С. 373—377.

Хазанкович Ю.Г. Фольклоризм повести Г. Кэптукэ «Имеющая своё имя, Джелтула-река» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 2006. С. 100—105.

Хазанкович Ю.Г. Эвенкийская литература. М.: МАКС Пресс, 2002.

白玥，周萃萍：回归与坚守：《额尔古纳河右岸》中的寻根意识[Возвращение и сохранение: осознание поиска корней в романе «Правый берег реки Аргунь»]. 青年文学家. 2025（33）. 第 170—172 页.

程相占：生态批评理论研究[Экокритическая теория: исследования]. 北京：人民出版社. 2025.

迟子建：额尔古纳河右岸[Правый берег реки Аргунь]. 北京：十月文艺出版社，2005.

胡志红：美国少数族裔生态批评理论研究[Исследования теории экокритики этнических меньшинств США]. 北京：北京大学出版社，2025.

江忻鑫：生态伦理学视域下的《额尔古纳河右岸》——从“痛苦中心主义”到“生物中心主义”再到“生态中心主义”[«Правый берег реки Аргунь»в аспекте экологической этики: от патоцентризма к биоцентризму и далее к экоцентризму]. 牡丹江大学学报. 2025（01）. 第 61—78 页.

刘晓颖：迟子建小说的生态美学叙事研究——以《额尔古纳河右岸》为例. 哈尔滨学院学报 [Исследование эколого-эстетического нарратива в прозе Чи Цзыцзянь на примере романа «Правый берег реки Аргунь»]. 2025 (07). 第 79—82 页.

王楠月：冰雪与温情：迟子建《额尔古纳河右岸》的生态书写与民族情怀 [Лёд и снег, теплота и нежность: экологическое описание и национальные чувства в романе Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь»]. 喜剧世界. 2026 (01). 第 76—78 页.

王诺：欧美生态文学[Экологическая литература Европы и Америки]. 北京：北京大学出版社，2003.

郑世永：《额尔古纳河右岸》物质媒介生态叙事与生命伦理承载 [Экологический нарратив материальной среды и этика жизни в романе «Правый берег реки Аргунь»]. 名作欣赏. 2026 (09). 第 32—39 页.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.73.32.029

Н.А. Шульженко
ИВ РАН, НИУ ВШЭ

Система конфликтов в повести Шэнь Жун «Средний возраст»

Аннотация. В докладе рассматривается система конфликтов в повести современной китайской писательницы Шэнь Жун «Средний возраст» (1980). На основе анализа текста произведения выявляются основные уровни художественного конфликта: социально-исторический, экзистенциальный, психологический, конфликт между духовным и телесным началами, а также символический конфликт света и тьмы. Показано, что данные конфликты образуют единую художественную систему, определяющую развитие сюжета, раскрытие образов персонажей и авторский замысел. Особое внимание уделяется образу врача как носителя нравственного идеала и отражению судьбы китайской интеллигенции периода после «культурной революции». Делается вывод о том, что многослойная система конфликтов обеспечивает глубокое художественное осмысление социальных и нравственных проблем китайского общества конца XX века.

Ключевые слова: Шэнь Жун; «Средний возраст»; китайская литература; современная китайская литература; литературный конфликт; система конфликтов; образ врача; культурная революция.

Nikolai A. Shulzhenko
IOS RAS, HSE University

The Conflict System in Shen Rong's Novella At Middle Age

Abstract. The paper examines the system of conflicts *At Middle Age* (1980), a novella by the contemporary Chinese writer Shen Rong. Based on a close reading of the text, the study identifies the major layers of conflict, including socio-historical, existential, psychological, spiritual-versus-physical, and symbolic conflicts represented through the opposition of light and darkness. It argues that these conflicts constitute an integrated artistic system shaping the plot, character development, and the author's overall conception. Particular attention is paid to the image of the physician as a moral ideal and to the depiction of the fate of the Chinese intelligentsia in the aftermath of the Cultural Revolution. The paper concludes that the novella's multilayered conflict system provides a profound artistic interpretation of the social and ethical challenges faced by Chinese society in the late twentieth century.

Keywords: Shen Rong; At Middle Age; Chinese literature; contemporary Chinese literature; literary conflict; system of conflicts; image of the doctor; Cultural Revolution.

Роль медицины и здравоохранения для цивилизации и общества, а также фигура врача нашли отражение в современной китайской литературе. Одним из примечательных произведений на врачебную тематику является повесть писательницы Шэнь Жун «Средний возраст» (1980), где рассказывается о непростой судьбе Лу Вэньтин — врача-офтальмохирурга в одной из пекинских центральных больниц. Молодые годы Лу Вэньтин пришлись на трудное десятилетие «культурной революции». Долгие годы непосильного труда уносят собственное здоровье и энергию Лу Вэньтин — она переносит инфаркт на рабочем месте, и сама оказывается в роли пациентки, которой требуется медицинская помощь, поддержка врачей и близких. Повесть «Средний возраст» заслуженно завоевала всенародную любовь и признание, по ней даже был снят кинофильм.

Материалами для исследования стали текст повести Шэнь Жун «Средний возраст» на русском языке в переводе В. Аджимамудовой, оригинальный текст повести на китайском языке, фундаментальные труды и учебные пособия по теории литературы, научные статьи, посвященные тематике конфликта в структуре сюжета литературного произведения.

Исследование было проведено посредством выявления и анализа природы отдельных конфликтов в сюжете данного литературного произведения. Были рассмотрены противоречия, возникавшие в жизни героев произведения и между героями повести, оценено влияние каждого выявленного литературного конфликта на развитие сюжета повести «Средний возраст».

В литературоведении принято считать, что конфликт делает сюжет произведения более богатым и выраженным, наполняет его драматизмом. В процессе исследования было обнаружено, что в повести «Средний возраст», в рамках системы конфликтов, одновременно сосуществуют несколько конфликтов: конфликт между благородными устремлениями китайских врачей и жестокими социально-политическими реалиями страны; оппозиция персонажа и его судьбы (врачи в повести «Средний возраст» противостоят законам судьбы); конфликт между внутренними качествами личностей героев (из-за необходимости выбора между желанием человека и общественным долгом); конфликт между духовным и телесным началом.

В ходе исследования было также отмечено, что все наличествующие конфликты в сюжете повести «Средний возраст» играют равноважную роль и являются значимыми отправными точками для сюжетного развития произведения. Имеются как типично внешние, так и внутренние конфликты.

Актуальность темы исследования обусловлена не только повышенным интересом публики к произведениям с медицинской и врачебной тематикой, но также и тем фактом, что изучение системы конфликтов

является важной частью системного филологического анализа любого художественного текста, без которой нельзя говорить о целостном научном описании литературного произведения.

Библиографический список

Семенов А.Н. Роль конфликта в структуре художественного текста // Вестник угроведения. 2011. № 2 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konflikta-v-strukture-hudozhestvennogo-teksta

Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. 680 с.

Шэнь Жун Средний возраст [пер. с кит. В. Аджимамудовой] — Средний возраст: сборник. Пер. с кит. / сост. и предисл. Б. Рифтина. М.: Радуга, 1985. 480 с.

甚容 《人到中年》，中篇小说，1980年。Шэнь Жун. Жэнь дао чжун нянь. («Средний возраст»). URL: https://www.99csw.com/book/2683/index.htm

Культура

DOI: 10.48647/ICCA.2026.93.64.030

Акишина Е. Е.
МГАХИ им. В. И. Сурикова при РАХ

«Карикатуры Sapajou (Г.А. Сапожникова) для газеты North China Daily News в контексте китайской политической сатиры 1920х-1930х гг.»

Аннотация. Первая половина XX столетия для китайского искусства стала непростым, но вместе с тем крайне интересным временем. Чаще всего этот период характеризуется расцветом графики после её временного упадка в предыдущую эпоху. Этот подъём затронул, в том числе, и искусство политической карикатуры, которая стала очень востребованным направлением в связи с бурным ростом средств массовой информации. Наиболее крупные журналы и газеты с политическими и социальными карикатурами выпускались в Шанхае, который являлся важнейшим культурным центром Китая периода Республики. Статья посвящена творчеству русского художника-карикатуриста Георгия Авксентьевича Сапожникова (более известен под псевдонимом Sapajou), который работал в Шанхае в крупнейшем англоязычном печатном издании того времени — North China Daily News (одна из первых газет в Китае, которая стала выпускаться на английском языке). Его графические рисунки, дополняющие тексты выпусков газеты представляют собой яркий и своеобразный пример китайской политической сатиры, расцвет которой пришёлся на время, когда творил Sapajou. Статья состоит из трёх глав и заключения. В первой главе даётся общая характеристика изобразительного искусства периода Китайской Республики. Вторая глава освещает жизнь Sapajou до его эмиграции в Шанхай. Третья глава повествует о работе художника в North China Daily News, в ней в качестве примеров его творчества приведены наиболее яркие карикатуры с политическими деятелями Китая первой половины XX века.

Ключевые слова: Китайская Республика, Шанхай, карикатура.

Akishina Ekaterina
Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov

Sapajou caricatures (G. A. Sapozhnikov) in the North China Daily News newspaper in the context of Chinese political satire of the 1920s—1930s

Abstract. The first half of the 20th century was a difficult, but at the same time, extremely exciting time for Chinese art. Most often, this period is characterized by the flourishing of graphics after its temporary decline in the previous epoch. This upsurge has also affected the art of political caricature, which has be-

come a highly sought-after art direction due to the rapid growth of the social media. The largest magazines and newspapers with political and social caricatures were published in Shanghai, which was the most important cultural center of China during the Republic period. The article is devoted to the work of Russian cartoonist Georgy Avksenyevich Sapozhnikov (better known by his pseudonym Sapajou), who worked in Shanghai for the largest English-language print publication of the time, the North China Daily News (one of the first newspapers in China to be published in English). His graphic drawings, which complement the texts of the newspaper's issues, are a vivid and peculiar example of Chinese political satire, which flourished at the time when Sapajou was writing. The article consists of three chapters and a conclusion. The first chapter provides a general description of the fine arts of the period of the Republic of China. The second chapter highlights Sapajou's life before his emigration to Shanghai. The third chapter tells about the artist's work in the North China Daily News, in which the most striking caricatures of Chinese political figures of the first half of the 20th century are given as examples of his work.

Keywords: Chinese Republic, Shanghai, caricature.

Новая страница в культурной жизни китайского общества началась на фоне тех непростых и масштабных перипетий, которые затронули Китай в первой половине XX столетия (Синьхайская революция 1911 года, в результате которой Цинская империя прекратила своё существование, а на смену ей пришла республика под главенством партии Гоминьдан). Важным фактором для становления нового искусства стал бурный рост средств массовой информации, который ярко проявился в возникновении многочисленных периодических изданий, так как до этого в Китае был крайне скудный выбор газет и журналов.

В изобразительном искусстве Китая первой половины XX столетия доминирующую роль приобрела графика, развитие которой пошло по своему особенному и плодотворному пути (живопись всё ещё оставалась в рамках традиций и была далека от современных реалий Китая). В 1918 году в Китае начали появляться политические и социальные карикатуры, но их основной расцвет выпал на 1920е годы. В первой половине XX века важнейшим центром культуры и искусства становится Шанхай, получивший репутацию «Парижа Востока» как крупного многонационального города, где пересекались западная и китайская культура.

Известным карикатуристом в Шанхае стал русский эмигрант Георгий Авксентьевич Сапожников.

О его жизни до попадания в Китай известно, что он родился в 1893 году в семье военного, получил образование в Александровском военном училище в Москве и был участником Первой Мировой войны. Получив тяжёлое ранение, Сапожников демобилизовался, а с 1917 года посещал занятия в вечерних классах Академии Художеств и увлёкся рисованием.

Во время Гражданской войны в России эмигрировал в Китай. Жил сначала в Пекине, затем в Тяньцзине, а с 1920 года обосновался в Шанхае. Как художник-карикатурист Сапожников становится известным ещё в Пекине, где в типографии Пекинской духовной миссии (крупнейшее и старейшее русское дипломатическое представительство в Китае) напечатал свой первый альбом с карикатурами. С 1923 года Сапожников (который уже начал подписывать свои рисунки псевдонимом Sapajou) начал работать художником-карикатуристом в крупнейшей англоязычной газете Шанхая North China Daily News. Известно, что в Шанхае Sapajou рисовал и для других газет, а также для рекламных агентств и издательств. Кроме того, стоял во главе организации русского издательства и одноимённой газеты «Слово». Карикатуры Sapajou с остроумным и оригинальным юмором показывали китайскую жизнь первой половины XX столетия, особенно ярко его талант проявился в политической тематике — чаще всего на его рисунках появлялись китайские милитаристы и Чан Кайши. Со временем Sapajou приобрёл непререкаемый авторитет в области карикатуры и шаржа. Известно, что за карикатуры на японских солдат и офицеров Sapajou даже получал угрожающие письма (рисунки нашли очень острыми и правдивыми).

North China Daily News прекратила свою работу в 1941 году в связи с японской оккупацией Шанхая и разгаром Второй Мировой войны. После окончания войны Sapajou не смог вернуться к прежней работе, так как издательство газеты так и не смогло заново открыться по ряду обстоятельств.

В 1949 году, с приходом к власти Коммунистической партии Китая, Sapajou эмигрировал на Филиппины, где прожил до конца своих дней (скончался в том же году от рака лёгких).

Библиографический список

Сапожников Г. А. Искусство и архитектура русского зарубежья. URL: https://artrz.ru/1804787010.html (accessed: 31.03.2026).

Хисамутдинов А. А. Русский юмор и сатира в Китае//Вестник славянских культур, 2016 (№ 2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yumor-i-satira-v-kitae/viewer (accessed: 30.03.2026).

Червова Н. А. Современная китайская гравюра. М. Изд-во восточной лит., 1960.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.41.73.031

В.В. Башкеев
ИКСА РАН

Опыт применения современных технических средств для анализа всего корпуса текстов «Хань шу»

Аннотация. В представленных тезисах обобщается первый опыт сквозного статистического анализа полного корпуса «Хань шу» (漢書) как единой, но внутренне неоднородной конструкции, включающей разделы «Ди цзи» (帝紀), «Бяо» (表), «Чжи» (志) и «Лечжуань» (列傳). Показано, как современные технические средства радикально снижают временные издержки рутинно-подготовительной работы и позволяют быстро перейти к аналитической части исследования общего корпуса текстов в рамках комплексного исторического памятника от его структурного скелета (раздела «Ди цзи» 帝紀) и сжатого изложения паспортных данных в таблицах «Бяо» (表) до обобщающих сочинений в форме трактатов Чжи» (志) и нарративного массива в каталоге преданий «Лечжуань» (列傳). Предложенный подход дает воспроизводимую модель для дальнейших историко-филологических исследований широкого круга письменных памятников имперского Китая.

Ключевые слова: Хань шу; статистический анализ; структурно-жанровый анализ.

Victor V. Bashkeev
ICCA RAS

Experience in using modern technical methods to analyze the entire corpus of the «Han Shu»

Abstract. The following text summarize a first experience of an end-to-end analysis of the complete Hanshu (漢書) corpus as a single but internally heterogeneous construct, including the sections Di ji (帝紀), Biao (表), Zhi (志), and Liezhuan (列傳). It is shown how modern technical tools radically reduce the time costs of routine preparatory work and make it possible to move quickly to the analytical stage of studying the corpus of texts as a whole within a complex historical monument: from its structural backbone (the Di ji 帝紀 section) and the compressed presentation of record data in the Biao (表) tables to generalized writings in the form of Zhi (志) treatises and the narrative mass of biographies in the Liezhuan (列傳). The proposed approach provides a reproducible model for further historical-philological research on a broad range of written monuments of imperial China.

Keywords: Han Shu; statistical analysis; structural-genre analysis.

Бурное развитие в последние 1,5—2 года потребительских версий больших языковых моделей (БЯМ) и взрывной рост качества их работы в конце 2025 — начале 2026 гг. в условиях глобальной конкуренции американских и китайских IT конгломератов создали доступные массовому потребителю исследовательские инструменты, важность которых уже невозможно игнорировать. Подчеркнем сразу, автор далек от идеи написания текстов научных работ при помощи так называемых нейросетей и предостерегает аудиторию, в особенности научную, от попадания в маркетинговую ловушку «необходимости внедрения искусственного интеллекта», ясно осознавая исходную манипулятивность и ложность этого понятия. Однако технические возможности, открывшие доступ к программированию широкого круга задач на естественном языке минуя специальные программные среды посредством пользовательского интерфейса БЯМ, столь сильно меняют рабочий процесс, что на это невозможно не обратить внимание.

Так в рамках научной работы в период с января по февраль—март 2026 года средствами различных БЯМ нами были осуществлены:

1. Полный технический перевод[1] на русский язык всего объема текста Хань шу (разделы «Таблицы», «Трактаты», «Предания»). Общий объем полученного русского текста составил порядка 160 а.л., точное число переведенных иероглифов: 736 338

2. Написание средствами БЯМ и Python специального ПО для создания, индексации и анализа всего китайского и русского корпуса с функциями полнотекстового поиска и индексирования по различным параметрам (формирование баз данных персоналий, топонимов и структурных элементов текста) и выдачи базовой статистики по числу иероглифов в каждом разделе.

3. Точные статистические подсчеты объема иероглифов по разделам: 54 290 в Дицзи (~7% от общего объема), 75 312 (9,5% от общего объема) в Бяо, 147149 (~18,5% от общего объема) в Чжи и 513 877 (65% от общего объема) в Лечжуань. Отметим, что теперь в точности известен объем всего памятника в иероглифах: 790 628, что впредь позволяет избегать распространенной обтекаемой формулировки «около 800 тыс».

4. Также было подсчитано точное количество и иероглифический объем императорских эдиктов, явно введенных формулой *чжаоюэ* 詔曰: 277 эдиктов, общим объемом 21 688. Из них в Дицзи — 176 (отсутствуют только во 2 главе, общий объем 14627 иероглифов), в трактатах — 19 (встречаются в половине глав раздела, чаще всего — в главе 23, общий объем 961 иероглиф) и в Лечжуань — 82 (встречаются в 28 из 70 глав,

[1] Данный тренд представлен и в англоязычной среде: https://ctext.org/instructions/translation

общий объем 6080 иероглифов, наибольшие объемы в жизнеописаниях Чжай Фанцзиня и Ван Мана — 636 и 1590 иероглифов соответственно) .

Дальнейшая разработка приложения позволит добавить более точную аналитическую настройку для структурно-жанрового и контент-анализа, однако уже доступный базовый функционал является важным подспорьем для работы над публикацией 3—10 томов русского перевода и дальнейших исследований империй Западная Хань и Синь.

Библиографический список

Бань Гу. Хань шу («История Хань») : в 8 т. / пер. с китайского В.В. Башкеева под ред. М.Ю. Ульянова; коммент., вступит. ст. и приложения В.В. Башкеева, М.Ю. Ульянова. М.: ИДВ РАН; Вост. лит., 2021 (Памятники письменности Востока. CLVI, 1). ISBN 978-5-8381-0381-9.

漢書（維基文庫）[Hanshu, Wikisource]. URL: https://zh.wikisource.org/wiki/漢書 (accessed: 04.04.2026).

漢書（Chinese Text Project）[Hanshu, CText]. URL: https://ctext.org/han-shu (accessed: 04.04.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.72.87.032

Ван Ихэн 王一恒
РГХПУ им. Строганова

Промышленное наследие как место памяти: реконструкция водонапорной башни в Шэньяне и её значение

Аннотация. Выставочная галерея в водонапорной башне района Теси в Шэньяне является ярким примером трансформации объектов руин в Северо-Восточном Китае. Эта промышленная водонапорная башня, построенная в 1959 году, была преобразована в арт-пространство в процессе урбанизации, осуществив креативную трансформацию от промышленного наследия к «месту памяти». Анализируя проект реконструкции галереи в водонапорной башне, данная статья исследует, как реконструкция промышленных объектов позволяет руинам как материальным объектам участвовать в реконструкции и сохранении коллективной памяти. При реконструкции галереи в водонапорной башне был применен принцип минимального вмешательства. Благодаря созданию светотеневого повествования и многофункционального пространства, удалось не только добиться адаптивного повторного использования промышленного здания, но и создать культурное пространство, связывающее прошлое и будущее. Данный пример раскрывает роль производства пространства в формировании коллективной памяти и дает полезные идеи для защиты и активизации промышленного наследия в процессе урбанизации.

Ключевые слова: Индустриальное наследие; район Теси, Шэньян; Галерея Водонапорная башня.

Wang Yiheng
Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts

Industrial Heritage as a Place of Memory: The Renovation and Inspiration of the Shenyang Water Tower Gallery

Abstract. The Water Tower Gallery in Shenyang's Tiexi District stands as a exemplary case of the transformation of abandoned industrial structures in Northeast China. Originally built in 1959 as an industrial water tower, it has been repurposed into an artistic space during the process of urbanization, achieving a creative transformation from an industrial relic into a “realm of memory”. This paper analyzes the renovation design of the Water Tower Gallery to explore how the redevelopment of industrial heritage enables ruins, as material entities, to participate in the reconstruction and continuation of collective memory. The renovation of the

Water Tower Gallery follows the principle of minimal intervention. Through the use of light and shadow narratives and the creation of multifunctional spaces, it not only achieves adaptive reuse of industrial architecture but also establishes a cultural venue that bridges the past and the future. This case reveals the role of spatial production in shaping collective memory, offering valuable insights for the preservation and revitalization of industrial heritage amidst urbanization.

Keywords: Place of memory; Industrial heritage; Shenyang Tiexi District; Water Tower Gallery.

沈阳铁西区的水塔展廊，是东北地区废墟建筑转型中的一个典范性案例。这座坐落于铁西区老厂房内的水塔（图 1），最初是 1959 年建设的军工厂（中国人民解放军第 1102 工厂）的附属建筑[1]作为特定历史时期的产物，它不仅是东北老工业基地深厚集体记忆的物质载体，更在改造后演变为一个激活、延续并重塑这份记忆的“记忆之场”。

然而，随着工厂停产和区域衰落，水塔及其承载的记忆一度面临被湮没的危机，沦为城市扩张中的待拆建筑，是现代房地产逻辑下被边缘化的工业遗存。直至 2010 年，伴随城市更新进程，万科集团收购该地区并启动蓝山住宅项目[2]。在 META 工作室的精心策划与推动下，水塔不仅得以保留，更被创新性地改造为艺术空间。这一改造超越了单纯的功能置换，其核心价值在于通过建筑设计与空间叙事，实现了集体记忆在现代社会中的创造性转化与接续。

水塔展廊的改造既是对工业遗产保护与适应性再利用的具体实践，也是对空间如何参与记忆生产的生动诠释 。

一、工业遗存的保护性改造

在改造过程中，建筑师秉持独特的设计理念，将现代设计元素与历史建筑结构有机融合，同时刻意保留原有的工业痕迹（图 2）。META 工作室的设计团队严格遵循最小干预原则，这一原则本身即体现了当代文物保护与工业遗产更新的重要思想——在尊重历史原貌的前提下，通过有限介入激活其新的社会功能，而非以彻底翻新取代记忆在场。设计

[1] 王硕, 张婧, 常倩倩, 等. 水塔展廊[J]. 城市环境设计, 2013, (10): 224-229.

[2] 任大任, 戴春. 被锚固的此刻沈阳铁西区水塔展廊改造设计[J]. 时代建筑, 2014, (01): 121-125+120. DOI:10. 13717/j. cnki. ta. 2014. 01. 039.

团队在最大限度维系水塔历史气息与时代质感的同时，使其实现面向当代生活的功能性转向。

建筑师在保留原有砖墙结构的基础上，仅进行必要的加固与局部修复，在保持原有工业风貌的同时，巧妙赋予其新的功能与意义，使其最终成为沈阳铁西区的重要文化地标。此时的水塔展廊，已不再只是单纯的废墟建筑，而是通过物理空间的再生、艺术展览的呈现以及公众的社会参与，使历史记忆在现代社会中得以延续，并成为集体记忆的重要组成部分。从这一点看，它体现了从记录工业向再造记忆的转向，媒介由图像变为空间。

正如哈布瓦赫在其经典著作《集体记忆》中所提出的观点："记忆并非孤立的个体活动，而是深嵌于社会框架中，社会的结构和互动深刻塑造了集体记忆。"[1]这一理论在水塔的转型过程中得到了直观印证。水塔的改造不仅是建筑功能的转变，更是集体记忆的再现场域。它不仅保存了工业化时代的物理痕迹，更通过创造性改造成为文化活动的载体，形成一个记忆在场的特定空间——在这里，历史不再只是被观看的对象，而是通过空间的使用与体验，被不断地重申、更新和讨论。

二、光影叙事中的场所营造

在具体设计层面，水塔展廊的改造既保留了水塔的基本形态，又创新性地引入了现代设计元素（图 3）。例如，塔身内部安装了两个倒置的漏斗装置（图 4）。位于顶部的小漏斗被改造为一个光洞，负责收集并引入自然光线；其下方的大漏斗则形成一个深邃的空间，承接并漫射来自顶端的光线。同时，水塔四周的旧窗洞被重新设计为采光口（图 5）。

这一光线组织方式，不仅是技术层面的采光设计，更构成了空间叙事的重要组成部分：光从塔顶漏斗倾注而下，仿佛将时间具象化为可感的光束，使观众在上下行走、仰视与俯视的身体运动中，体验一种由黑

1 程艳林. 哈布瓦赫集体记忆理论的当下解释力[J]. 宁波教育学院学报, 2020, 22(6): 5.

暗走向明亮的象征性路径。自然光从不同方向进入，与封闭厚重的砖墙结构形成强烈对话，构成一种具有仪式感的垂直空间序列。这种设计使自然光能从多个角度进入内部，形成变化丰富的光影，增强空间的层次与深度，更让整个内部空间在时间流动中呈现出一种近乎纪念性的氛围。

正是通过这种精心设计的光影环境，观众得以获得独特的空间体验。观众在此漫步，能在不断变化的光线中感受到时间的流动和历史的痕迹（图 6）。从空间现象学的角度看，这种由光线与材质共同营造的氛围，使水塔不再只是可见的物体，而成为可经验的场所：观众的身体行走路径、视线高度与停留方式，构成了记忆被激活的过程本身。此外，这些由钢板和玻璃构成的现代窗洞，与老旧砖墙表面形成强烈的视觉对比。这种刻意营造的新旧碰撞，不仅放大了水塔特有的沧桑美感，更引导观众回忆起工业时代的兴衰历程，主动参与到集体记忆的重建过程中。

三、从工业设施到公共文化空间

在空间功能的组织上，水塔的改造超越了单一的展览模式，构建了一个复合性的文化场所。水塔底部被创新性地改造为小型剧场（图 7），为讲座、表演等公共文化活动提供了可能。此外，还设置了观景平台（图 8），为公众提供一个独特的视角，让人们可以观察周围不断变化的城市景观。这一设计进一步强化了水塔作为文化节点的意义：观众在塔顶俯瞰新建住宅与旧厂区残迹，在身体视角的切换中，直观感知历史断裂与城市更新之间的张力。

这种多层次的功能设计不仅增强了水塔作为公共文化空间的实用性，还通过独特的空间组织，赋予水塔新的社交功能，使其成为周边社区的文化活动中心，促进社区的文化凝聚力。尤为值得一提的是，夜幕降临之后，水塔内部五彩斑斓的光线经由精心设计的窗洞透射而出，构筑成一个璀璨而朦胧的光影装置（图 9）。这座焕发着新生机的艺术灯塔，与周遭宁静的现代住宅群落并肩而立（图 10），二者在形态与时空上构成一组沉默而有力的视觉叙事：历史废墟与当代生活并非割裂，而是在并置中达成意义的交融。

从更宏观的视角看，水塔展廊的更新实践也揭示了当代城市更新中资本逻辑、记忆保护与公共文化三者之间的复杂博弈：它既是房地产开发项目中的一个文化装置，也是抵抗全面拆除与遗忘的一块记忆锚点。建筑师通过精细设计，将这两种看似对立的力量暂时缝合在同一空间之中，使水塔既服务于当代城市生活，又持续向人们提示这片土地的工业往昔。

四、集体记忆的空间生产与延续

水塔的整体改造体现了建筑师对历史与现代关系的独特理解，并通过巧妙的设计将两者有机融合。它不仅实现了废弃工业建筑的再生，更完成了一次对集体记忆的当代再现与对社会变迁的深刻反思。这一转型既是对过去工业文明的致敬，也是对未来城市文化形态的探索，使水塔在保留历史痕迹的同时被赋予新的生命力，成为一个连接过去与未来、个体与社会的独特文化场所。

在此意义上，水塔展廊不再只是单一的建筑或展览空间，而是一种被激活的记忆媒介。水塔展廊通过定期举办展览、讲座、剧场活动，它将城市居民、艺术家与策展人汇聚于此，使原先被工厂围墙隔绝的工业记忆，转化为可共享的公共文化资源。水塔展廊为集体记忆理论提供了一个可感知、可进入的空间样本。

该项目更映射出一个普遍的城市文化议题：在当代城市发展中，我们应如何处理工业遗迹与现代化进程的关系？当众多工业遗址面临被忽视或拆除的命运时，水塔展廊的成功改造提供了一种富有启发性的可能，即在保留历史记忆的基础上，重新诠释并活化这些承载着集体记忆的空间。与其将废墟视为城市发展中的障碍，不如将其视为反思现代性、重构地方认同的契机。

通过这种创新转型，水塔展廊为公众提供了一个兼具艺术欣赏、文化活动和历史反思功能的物质载体。在这里，过去的工业景观与现代城市发展形成鲜明对比，却并非对立，而是在这座古老水塔中实现了共生。它作为集体记忆的承载体，不断提醒我们：历史是一个动态的、可被重

新解读的过程。更重要的是，它为社会提供了一个反思与对话的平台，激发公众在现代化进程中不忘历史。从斑驳砖墙到交错光影，每一处细节都充满了对历史的尊重与对未来的思考，这不仅是建筑的物质再生，更是文化记忆的精神再生。

段义孚在《空间与地方》中指出："空间不仅仅是物理存在，它还承载了文化、历史与社会的意义。空间的意义通过人类经验不断被建构和再创造。"[1]这一点在水塔展廊中得到了充分体现。通过艺术装置、展览空间和公共平台的设置，水塔的物理空间成功转化为连接过去与现在的文化纽带。观众在其中行走、停留、观看、对话，本身就是对这段工业历史的再记忆与再阐释。

这种历史与现代的对话，还通过空间的动态使用得以深化。观众在这里不再是历史的被动见证者，而是通过互动体验成为主动的参与者，与历史建立深刻的情感联结。这种兼具思想深度与功能灵活性的设计，使水塔展廊成功转型为一个既保存历史、又推动社会文化发展的记忆之场，使其成为废墟建筑改造中一个极具代表性的案例。

水塔展廊的改造不仅是建筑设计上的一次成功实践，更是集体记忆与历史文化传承的生动体现。正如其设计理念所揭示的，这一项目将残留的历史片段转化为可以灵活使用的公共空间。作为一种通过适应性改造促进社区生活多样性的尝试，水塔被重新阐释为一种公共装置，积极地将新的城市现实以一种复杂而精巧的方式植入废弃的工业遗址内，让更多的人切身体会新旧共生的可能。[2]

它向我们证明，通过创新设计与深刻的文化理解，我们可以将历史的馈赠转化为面向未来的资源，让过去的记忆在当代社会中焕发新的生命力，持续滋养城市文化和精神世界。这一案例不仅为整个东北地区乃至全国的工业废墟建筑改造提供了宝贵范本，也为快速城市化进程中如

[1] 裴萱. 空间美学的建构及其后现代文化表征实践[J]. 2021(2014-3): 87—92.

[2] 王硕. 水塔展廊(改造), 沈阳, 中国[J]. 世界建筑, 2013, (05): 109—113. DOI:10.16414/j.wa.2013

何对待历史记忆、如何在发展与保存之间寻求辩证平衡，提供了具有普遍意义的启示。

在建筑与空间层面，沈阳水塔展廊的改造从物质空间与公众参与的角度展示了记忆重构的路径。通过新旧并置的设计策略、最小干预原则、光影组织与复合功能空间的构建，这座历史建筑在保留工业痕迹的同时，被赋予全新的公共文化功能。倒置的漏斗装置、自然光与砖墙的对话、小剧场与观景平台的设置，使水塔不再是静止的历史遗存，而是从被观看的遗迹转变为被使用、被体验的公共场所。水塔展廊清晰地体现了空间生产在集体记忆构建中的作用：记忆不再只是被铭刻、叙述或象征，而是在日常性的出入、观看、聚集与事件之中被不断更新。这种基于空间实践的记忆再生产，使工业遗产真正进入当代城市生活的循环，而非停留在象征性层面的历史标签。

Библиографический список

王硕,张婧,常倩倩,等.水塔展廊 [*Ван Шо, Чжан Цзин, Чан Цяньцянь* и др. Водонапорная башня-галерея] //城市环境设计 2013. № 10. 224—229 页.

任大任, 戴春.被锚固的此刻沈阳铁西区水塔展廊改造设计 [*Жэнь Дажэнь, Дай Чунь*. Закреплённое мгновение: проект реконструкции водонапорной башни-галереи в районе Теси, Шэньян.] //时代建筑, 2014, № 01. 121—125 页.

程艳林.哈布瓦赫集体记忆理论的当下解释力 [*Чэн Яньлинь.* Современная объяснительная сила теории коллективной памяти Хальбвакса] //宁波教育学院学报, 2020, 22(№ 6). 5 页.

裴萱.空间美学的建构及其后现代文化表征实践 [*Пэй Сюань.* Конструирование пространственной эстетики и её практика репрезентации в постмодернистской культуре.] 2021. № 3. 87—92 页.

王硕.水塔展廊(改造),沈阳,中国[*Ван Шо.* Водонапорная башня-галерея (реконструкция), Шэньян, Китай] // 世界建筑. 2013. № 5. 109—113 页.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.15.41.033

А.Л. Верченко
ИКСА РАН

Предметы материальной культуры как свидетельство советско-китайского братства в период Второй мировой войны

Аннотация. Предметы материальной культуры выступают свидетелями эпохи, отражают отдельные факты и события, а также культурные особенности определенного исторического периода. В сложные военные годы народы СССР и Китая не прервали связи, морально поддерживали друг друга, воспринимали себя союзниками в борьбе против общего зла. Хранящиеся в Центральном музее вооруженных сил Российской Федерации два полученных из Китая экспоната иллюстрируют тесное взаимодействие советского и китайского народов во время Второй мировой войны и показывают значение народной дипломатии.

Солидарность с борьбой советского народа против фашизма выразили члены Куньминского филиала Китайско-советского культурного общества (провинция Юньнань) проведением митинга в первую годовщину Великой отечественной войны 22 июня 1942 г. В знак поддержки и уверенности в окончательной общей победе его участники оставили на знамени свои подписи. Они вышиты шелком в форме пятиконечной звезды. В 1946 г. Харбинское общество советско-китайской дружбы, одно из первых в Китае, организовало митинг и шествие горожан по поводу проводов на родину частей Красной армии. Итоговым «документом» мероприятия стало шелковое полотно длиной 717 м, шириной 35 см с подписями харбинцев, направленное в Москву.

Изучение предметов материальной культуры раскрывает новые моменты истории советско-китайских отношения, а также культурных и политических особенностей Китая 1940-х годов.

Ключевые слова: советско-китайское сотрудничество, вторая мировая война, народная дипломатия.

Alla L. Verchenko
ICCA RAS

Material Culture Objects as an Evidence of the Soviet-Chinese Brotherhood during World War II

Abstract. Objects of material culture bear witnesses to the era, reflect different facts and events, as well as the cultural characteristics of a particular historical period. The two Chinese exhibits, which became the part of the collection of the

Central Museum of the Armed Forces of the Russian Federation, illustrate the close interconnection between the Soviet and Chinese peoples during World War II and demonstrate the importance of public diplomacy. They show, that during the difficult war years, people of the two countries maintained close ties, supported each other morally, and saw themselves as allies in the fight against a common evil. Both exhibits were sent personally to the name of J. Stalin and addressed to the people of the Soviet Union.

Members of the Kunming branch of the Sino-Soviet cultural society (Yunnan province) held a meeting on the first anniversary of the beginning of the Great Patriotic War (June 22, 1942) thus expressing solidarity with the struggle of the Soviet people against fascism. As a sign of support and confidence in the final victory, its participants left their embroidered signatures on the red silk banner which was sent to Moscow. In 1946, Harbin branch of the Soviet-Chinese Friendship Society, one of the first in China, organized a rally and procession of the city dwellers to mark the retreat of the units of the Soviet Red Army. The final "document" of the event was a silk canvas of 717 meters long, 35 cm wide with signatures of Harbin citizens. It symbolized their gratitude for help in liberating the city.

The study of the objects of material culture reveals new moments in the history of Soviet-Sino relations, as well as cultural and political characteristics of China in the 1940s.

Keywords: Soviet-Chinese interaction, World War II, people's diplomacy.

Предметы материальной культуры выступают свидетелями эпохи, отражают отдельные факты и события, а также культурные особенности определенного исторического периода. В них воссоздаются настроение и поведенческие стереотипы социума. Они являются полноценными историческими источниками.

В качестве предмета исследования выбраны экспонаты Центрального музея вооруженных сил РФ, иллюстрирующие тесное взаимодействие советского и китайского народов во время Второй мировой войны. В период военных конфликтов моральная поддержка имеет не менее важное значение, чем военно-техническая помощь. Она не позволяет гражданам ощутить себя в изоляции, оказывает позитивное воздействие на морально-психологическое состояние и настроения общества, поддерживает мотивацию и способность населения противостоять врагу [Верченко 2025, с. 172].

В период войны связь между советским и китайским народом не прервалась, ее поддерживали обществ дружбы.

В 1942 г. в адрес Восточного отдела Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) из провинции Юньнань поступило шелковое знамя [ГАРФ. Р5283. Оп. 18. Д. 34. Л. 87]. Его отправили участники митинга, проведенного в первую годовщину начала Великой отечественной войны, — 22 июня 1942 г., в знак поддержки борьбы советского

народа против фашистской агрессии. На знамени в форме пятиконечной звезды шелковыми нитями вышиты 251 имя участников мероприятия. Знамя с сопроводительной телеграммой на имя И.В. Сталина было передано в Москву через советское посольство, для придания публичности экспонировалось в Музее восточных культур, позже передано на хранение в Музей Советской армии.

Другой экспонат, связанный с памятью о войне и общих усилиях советского и китайского народов в борьбе с врагом, — это свернутое в рулон шелковое полотно длиной 717 м, шириной 35 см, сплошь заполненное китайскими именами, написанными черной тушью. На полотне имеется дата — 25 апреля 1946 г., что соответствует дате проведения митинга и демонстрации граждан Харбина по поводу проводов на родину частей советской Красной армии. Митинг был организован одним из первых в Китае обществ дружбы — Харбинским обществом советско-китайской дружбы. Количество подписантов нигде не упоминается. Исходя из того, что аналогичное «письмо» длиной 350 м в Чанчуне подписали 130 тыс. человек [1946], можно предположить, что в Харбине их было около 300 тыс. Сопроводительные документы к свитку в фондах музея обнаружить не удалось. По музейной легенде, полотно прислано И.В. Сталину в 1946 г. как верховному главнокомандующему Красной армией в знак признательности китайского народа за помощь в освобождении Харбина от японских захватчиков.

Таким образом, предметы материальной культуры дают дополнительные сведения для изучения истории советско-китайских отношения, а также культурных и политических особенностей Китая 1940-х годов.

Библиографический список

1946 年，苏联撤军后，一个得地盘一个得武器，国共双方谁获利大？ [После вывода советских войск одна сторона получила территорию, другая — оружие. Кто выиграл больше: Гоминьдан или КПК?]. URL: https://www.163.com/dy/article/IKGQDKMH0553AKHU.html

Верченко А. Л. ВОКС и Китай в период антияпонской войны 1931—1945 гг.: моральная поддержка и культурное сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 5. С. 171—184.

ГАРФ. Ф. Р5283, оп. 18, д. 34, л. 87.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.22.46.034

В.Б. Виногродская
ИКСА РАН

«Человеческое присутствие» хожэньгань 活人感: длинные видеопокасты на Bilibili в 2026—2026 гг.

Аннотация. В 2025 г. в параллель с расцветом разнообразного видеоконтента, связанного с ИИ, на видеохостинге Bilibili 哔哩哔哩 все заметнее и популярнее становятся видеоподкасты 视频播客. В докладе длинные видеоподкасты, обычно с участием двух-четырех собеседников и продолжительностью порядка одного часа и более, представлены как неотъемлемая часть жанровой системы контента в интернете социальных сетей. Выкладываемые на Bilibili наиболее типичные и наиболее выразительные вариации этого жанра рассматриваются в контексте значимых источников и факторов, повлиявших на формирование отечественной традиции подкастинга — минималистичные студийные подкасты в стиле Джо Рогана, аудиоподкасты платформ Himalaya 喜马拉雅 и Xiao Yuzhou 小宇宙, телевизионные «глубокие интервью» *шэньду фантань* 深度访谈 с начала 90-х гг. XX века, неформальные ток-шоу интернета середины и конца 10-х гг. XXI века и т.п.

Ключевые слова: видеоподкасты, Bilibili, китайский интернет.

Veronika B. Vinogrodskaya
ICCA RAS

“Human Presence” huorengan 活人感: Long-form Video Podcasting on Bilibili, 2025—2026

Abstract. In 2025, alongside the surge of diverse AI-related video content, video podcasts *shipin boke* 视频播客 have become increasingly prominent and popular on the Bilibili 哔哩哔哩 platform. This paper presents long-form video podcasts — typically featuring two to four participants and lasting approximately one hour or more — as an integral component of the genre system within social media content. The most representative as well as the most and distinctive variations of this genre on Bilibili are examined in relation to the key factors and sources that have shaped the domestic podcasting tradition. These influences include minimalist Joe Rogan-style studio podcasts, audio-centric platforms such as Himalaya 喜马拉雅 and Xiao Yuzhou 小宇宙, televised “deep interviews” *shendu fangtan* 深度访谈 from the early 1990s, and the informal internet talk shows of the mid-to-late 2010s.

Keywords: video podcasts, Bilibili, китайский интернет.

Доклад посвящен универсальному для интернета фазы социальных сетей жанру — видеоподкасту, который по сути своей является переложением естественного неформального общения, без сценария и ограничений по времени, в виде контента.

Видеохостинг Bilibili 哔哩哔哩 пытался продвигать видеоподкасты *шипинь бокэ* 视频播客 с 2021 г., но только в 2025 г., в отличие от прежних попыток, продвижение становится по-настоящему успешным [播客能“看”出一个新未来吗 URL], создавая, с одной стороны, интересный контраст также активно продвигаемому на этой же платформе видеоконтенту, сгенерированному при помощи ИИ, а с другой — короткому видео, которое продолжает оставаться абсолютным лидером среди всех форматов производства и потребления контента последних лет. Собственные программы поддержки видеоподкастов, также в 2025 г., запустили Xiaohongshu 小红书, Douyin 抖音, Kuaishou 快手, и в 2026 — Tencent Video 腾讯视频 [腾讯视频 各大平台相继布局视频播客 URL]. Жанровым ядром формата являются (обычно) студийные подкасты (обычно) с участием двух-четырех собеседников (обычно) с высоким медийным потенциалом, с разделением ролей «хозяин/ева — приглашенный гость/и», и продолжительностью порядка 40 минут — полтора часа или два-три часа (вплоть до шести с лишним часов). Главное — стремление к максимальной вовлеченности зрителя и удовлетворение запроса на аутентичность за счет эффекта «человеческого присутствия» *хожэньгань* 活人感.

Нынешний взлет видеоподкастов на Bilibili замечателен высокой вариативностью (как в обязательных, так и в необязательных элементах формата), а также профессионализмом и высоким качеством контента. Это стало возможным благодаря тому, что техническое обеспечение и стилистика были хорошо обкатаны в нишевых сегментах, в отдельных приложениях и в других жанрах. В опыте пользователя уже ассимилированы студийные подкасты в стиле Джо Рогана, аудиподкасты платформ Himalaya 喜马拉雅 и Xiao Yuzhou 小宇宙, телевизионные «глубокие интервью» *шэньду фантань* 深度访谈 с начала 90-х гг. XX века, неформальные авторские ток-шоу интернета середины и конца 10-х гг. XXI века, а также трансляции в режиме онлайн-конференций, массово освоенные во время ковида, и уже набивший оскомину, но не утративший актуальности стриминг. Поэтому видеоподкасты не являются новинкой для китайской аудитории, а их нынешний подъем реализуется на высокопрофессиональном и высококачественном материале разнообразной тематической направленности, с узнаваемыми ведущими и участниками и с проработанной эстетикой каждого конкретного подкаста.

Библиографический список

播客能“看”出一个新未来吗？B 站押注视频播客，有创作者积极响应 [Может ли подкастинг «рассмотреть» новое будущее? Bilibili делает ставку на видеоподкасты, создатели активно откликаются]. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2025-07-15/doc-inffpwts2079266.shtml (дата публикации: 15.07.2025).

各大平台相继布局视频播客，推出一系列扶持计划！[Крупные платформы одна за другой размещают видеоподкасты, запуская серии программ поддержки]. URL: https://www.163.com/dy/article/KPFC4C8305568W0A.html (дата публикации: 01.04.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.96.15.035

Е.Н. Емельченкова
Санкт-Петербургский государственный университет

Феномен метро Пекина в социально-семиотическом измерении

Аннотация. В работе рассматривается языковой и культурный ландшафт Пекинского метрополитена как особого типа публичного пространства. Анализируются информативные, идеологические и культурно-символические элементы в контексте языковой политики КНР. Исследование основано на мультимодальном подходе и эмпирических данных полевых наблюдений, что позволяет проследить взаимодействие вербальных и невербальных средств в навигационных, сервисных и рекламных текстах. Делается вывод о том, что семиотический ландшафт столичного метро в Китае выполняет не только коммуникативную функцию, но и участвует в формировании культурной идентичности пассажиров.

Ключевые слова: метро Пекина; культурная идентичность; китайская культура; языковая политика КНР.

Elena N. Emelchenkova
Saint Petersburg State University

A case study of Beijing subway signage: a social-semiotic approach

Abstract. This paper examines the linguistic and cultural landscape of the Beijing subway as a specific type of public space. It analyzes informational, ideological, and cultural-symbolic signs within the broader context of language policy in the People's Republic of China. The study adopts a multimodal approach and draws on empirical data obtained through field observation, enabling an analysis of the interaction between verbal and non-verbal resources in navigational, service, and advertising texts. The findings demonstrate that the linguistic landscape of the capital's subway system not only facilitates passenger communication but also contributes to the construction of their cultural identity.

Keywords: Beijing Subway; identity construction; Chinese culture; Language Policy in China.

Доклад посвящен анализу социально-семиотического ландшафта метрополитена Пекина (КНР) в контексте современных языковых и культурных установок китайских властей. Автор, вдохновившись идеей [Backhaus, 2007] с учетом [Han, Shang 2024], ставит своей целью внести некоторый вклад в развитие исследований китайской культуры, используя преимущества и продуктивность мультимодального подхода к анали-

зу языка и семиотики публичного транспорта в мегаполисе, тем самым подтверждая его значимость для изучения языковой политики, культурной идентичности и топонимики современного Китая. Подземка в любом современном мегаполисе рассматривается как значимое публичное пространство, в котором текст призван выполнять не только информативную, но и идеологическую, пропагандистскую и культурно-символическую функции. Теоретической основой исследования служит уже ставшая классической концепция языкового ландшафта, восходящая к работе [Landry, Bourhis 1997], в ее расширенном, мультимодальном понимании. Современный культурный ландшафт Китая невозможно адекватно охарактеризовать в рамках исключительно вербального анализа: наряду с идеографическим типом письменности, которая представляется значительно более емкой, чем любой алфавитный язык, в процесс семиотического конструирования пространства вовлечены графические элементы, цветовые решения, иконические знаки, композиция и визуальные метафоры. Именно мультимодальный подход позволяет выявить скрытые механизмы репрезентации культурной идентичности, исторической памяти и языковой политики в стране.

Эмпирической базой исследования послужили фотоматериалы пекинского метро. Внутри этого массива можно выделить три функционально-семиотических типа первоисточников: навигационные указатели, сервисные сообщения и рекламные тексты. Анализ показал, что навигационный ландшафт столичной подземки характеризуется высокой степенью стандартизации и визуальной иконичности: цветовое кодирование линий, стрелки, пиктограммы и двуязычные надписи (китайский + английский, китайский + пиньинь) обеспечивают быстроту декодирования информации в условиях высокой плотности пассажиропотока. Сервисные тексты ориентированы на нормативность и максимальную вежливость, демонстрируют доминирование наддиалектного стандарта — путунхуа при вспомогательной роли английского языка и активно поддерживаются невербальными символами. Рекламный сегмент отличается максимальной мультимодальностью и креативностью: здесь язык взаимодействует с изображением, типографикой, цветовыми решениями и риторическими фигурами, а в ряде случаев — с видеорядом и нарративом.

Здесь четко видно стремление властей к однозначности культурно-идеологического измерения социально-семиотического ландшафта метро Пекина. Использование культурно значимых образов, классических цветовых решений и других атрибутов традиционного и современного Китая выступает средством конструирования культурной преемственности и укрепления национальной идентичности в повседневном городском пространстве: метро сегодня не только важнейшая составляющая транспортной сети мегаполиса, но и его символическая, культурно-трансляционная

инфраструктура. В докладе затрагиваются и проблемные зоны семиотического ландшафта столицы многоязычной и поликультурной страны: ограниченное присутствие иноязычных кодов, кроме английского языка, ряд подмеченных языковых казусов.

Библиографический список

Backhaus P. Linguistic landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo. Multilingual Matters, Clevedon, 2007. vii + 158 pp.

Han Yanmei, Shang Guowen. The Linguistic Landscape in China: Commodification, Image Construction, Contestations and Negotiations. Springer Singapore, 2024. XIII +183 pp.

Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study. Journal of Language and Social Psychology, 1997, 16(1), 23—49.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.85.61.036

А.Н. Казакевич
Центр Манги и Комиксов

Система тэгов как новый способ ответа на запрос читателя

Аннотация. Китайские сетевые новеллы пользуются популярностью среди китайских читателей и за рубежом. Список хэштегов является новым маркетинговым ходом для привлечения читателей. Чтобы это рассмотреть, были проанализированы ряд произведений и их классификация на китайских платформах Литературный город Цзиньцзян и Qidian. Также были исследованы некоторые тэги, которые возникли на основе произведений, благодаря пику своей популярности похожие по тропам или настроениям произведения.

Ключевые слова: китайские сетевые новеллы, система тэгов, платформа.

Anastasia Kazakevich
Manga Comics Center

New way to response to a reader's request by system of tags

Abstract. Chinese online novels are popular among Chinese and international readers. The hashtag list is a new marketing ploy to attract readers. To examine this, a number of works and their classification on the Chinese platforms Jinjiang Literary City and Qidian were analyzed. Several tags that emerged from these works were also examined, as their peak popularity led to the emergence of works with similar tropes or moods.

Keywords: Chinese online novels, tagging system, platform.

Китайские сетевые новеллы пользуются популярностью среди китайских читателей и за рубежом. Это связано в первую очередь с доступностью формата (можно прочитать с любого электронного устройства), удобством платформ (сайты для размещения произведений) и прямым взаимодействием читателей с автором. В данной работе проанализированы известные платформы «Литературный город Цзиньцзян» (*цзиньцзян вэньсюэ чэн* 晋江文学城, jjwxc.net) и «Qidian» (*цидянь чжунвэнь ван* 起点中文网, qidian.com). В отличие от привычной классификации литературы на жанры, произведения на платформах разделяют на жанры и систему тэгов. За счёт этого у читателей есть возможность искать литературу не по автору или жанру, а по конкретному тэгу, который сильно сужает рамки поиска и полностью отвечает его запросу. Тэги строятся не только из уже привычных «попаданчество», «реинкарнация», «от врагов к воз-

любленных», но также и на основе произведений как это случилось с «бесконечным потоком». Он был сформирован на основе произведения «Бесконечный ужас» (*усянь кунбу* 无限恐怖); в нём собраны все тропы, которые реализуют в подобных новеллах (хоррор, перемещение между мирами, игра на выживание, система).

Библиографический список

Michel Hockx. Internet Literature in China. — Columbia University Press, 2015

The development of Internet Fiction in China, from Internet sub-culture to mainstream literature. URL: http://electronicbookreview.com/publications/the-development-of-internet-fiction-in-china-from-internet-sub-culture-to-mainstream-literature/ (accessed: July 2nd 2023).

Zhenling Li. Cross-culture, translation and post-aesthetics: Chinese online literature in/as world literature in the Internet era // World Literature Studies vol.15 2023, p. 43—61.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.42.28.037

Е.А. Киселева
Всероссийский научно-исследовательский институт лекарственных и ароматических растений РАН

Традиционная техника окрашивания тканей «Тай-дай» (扎染) в Китае

Аннотация. В китайской провинции Юньнань, Дали, живут мастера, занимающиеся традиционным окрашиванием тканей — «тай-дай». Благодаря этому методу мастера придают своим оригинальным изделиям национально-культурную привлекательность и отражают стремление многих современных людей к естественным и красивым вещам. Для традиционного крашения тканей этим методом с древних времен используются растения Radix Isatidis, Mugwort и другие травы, выращенные на Цаншань. Натуральные красители являются местной особенностью «культуры бай». Техника окрашивания «тай-дай» — это традиционная китайская народная техника окрашивания, представляющая собой сочетание «завязывания» и «окрашивания». В основном она заключается в связывании участков ткани вместе во время процесса окрашивания. Связанные участки не могут полностью соприкасаться с красителем, в конечном итоге образуя фиксированный узор. В процессе окрашивания «тай-дай», из-за вариаций в способе связывания ткани, плотности завязок и степени проникновения красителя, получаются многослойные узоры с различными оттенками. Это приводит к богатой текстуре, мягким цветам и потрясающему очарованию. Контраст синего и белого используется для создания простого оттенка, а сочетание синего и белого часто дает людям ощущение элегантности, как «голубой и белый фарфор». Привлекательность техники «тай-дай» заключается в том, что каждое изделие уникально, и каждое из них обещает стать незабываемым.

Ключевые слова: методы окрашивания, текстиль, красители.

Elena A. Kiseleva
All-Russian Scientific Research, Institute of Medicinal and Aromatic Plants

Traditional fabric dyeing technique «tai-dai» (扎染) in China

Abstract. In Dali, China's Yunnan Province, live artisans who practice the traditional tie-dye method of fabric dyeing. This method imbues their original pieces with a national and cultural appeal and reflects the desire of many modern people for natural and beautiful things. Since ancient times, radix isatidis, mugwort, and other herbs grown in Cangshan have been used for traditional fabric dyeing using this method. Natural dyes are a local characteristic of the “Bai culture.” Tie-dye is a traditional Chinese folk dyeing technique that combines tying and dyeing. It essentially

involves tying sections of fabric together during the dyeing process. The tied sections are prevented from fully contacting the dye, ultimately forming a fixed pattern. During tie-dye, variations in the tying method, the density of the ties, and the degree of dye penetration result in multilayered patterns with varying hues. This results in rich texture, soft colors, and stunning charm. The contrast of blue and white is used to create a simple hue, and the combination of blue and white often conveys a sense of elegance, like “blue and white porcelain”. The appeal of the tie-dye technique is that each piece is unique, and each promises to be unforgettable.

Keywords: coloring methods, textiles, dyes.

Техника окрашивания методом «тай-дай», также известная как «тай-дай», «клемп-дай» и «дай» — это традиционная и уникальная техника окрашивания в Китае. Это метод окрашивания, при котором части ткани связываются во время окрашивания, чтобы предотвратить их окрашивание. Это одна из традиционных техник ручного окрашивания в Китае. Процесс «тай-дай» состоит из двух частей: связывания и окрашивания. Он включает в себя использование таких инструментов, как пряжа, нитки и веревка для связывания, сшивания, соединения, прикрепления и зажимания ткани различными способами перед окрашиванием [Чен Яцянь 2021, 107—108]. Его технологическая особенность заключается в том, что нить скручивается в узел на ткани, подлежащей печати и окрашиванию, перед печатью и окрашиванием, а затем узел удаляется. Существует более ста вариаций, каждая со своими особенностями. Например, техника «скручивания» отличается богатыми цветовыми вариациями, естественными изменениями и бесконечными завитками (рис. 1). Еще более удивительно то, что после окрашивания не будет двух одинаковых тканей. Этот уникальный художественный эффект трудно достичь с помощью механических процессов печати и окрашивания.

Рис. 1. Различные узоры техники тай-дай

Для окрашивания методом «тай-дай» в качестве сырья обычно используется белая ткань из хлопка и льна или белая ткань из смеси хлопка и льна, а основные красители получают из раствора индиго натуральных

растений, таких как Radix Isatidis, Mugwort и других натуральных растений, выращенных на Цаншань.

Техника окрашивания тканей методом «тай-дай» имеет долгую историю. Она зародилась в бассейне реки Хуанхэ. Точное время её возникновения неизвестно. Самые ранние сохранившиеся изделия, окрашенные методом «тай-дай», происходят из региона Синьцзян. Согласно записям, уже в эпоху Восточной Цзинь шелк, окрашенный таким способом, производился в больших количествах. Работы Восточной Цзинь 408 года н.э. показывают, что техника окрашивания методом «тай-дай» к тому времени уже достигла зрелости. В то время изделия, окрашенные методом «тай-дай», включали простые небольшие группы узоров, такие как бабочки, цветы зимней сливы и цветы дикой яблони; существовали также узорчатые рисунки, такие как «тай-дай» с мелкими белыми точками, «тай-дай» с чуть более крупными точками и «тай-дай» с фиолетовым фоном и белыми пятнами, напоминающими пятнистого оленя [Чжан 2001, 53; Ян 2017, 61—64]. В период Северных и Южных династий изделия, окрашенные методом «тай-дай», широко использовались в женской одежде. Династия Тан была золотым веком древнекитайской культуры, и текстиль, окрашенный методом «тай-дай», был очень популярен и широко распространен. «Сине-зеленые платья, окрашенные методом «тай-дай»» стали основным стилем моды в эпоху династии Тан. В период Северной Сун изделия, окрашенные методом «тай-дай», были очень популярны на Центральной равнине и в северных регионах. Рассматривая отдельные изделия, можно заметить, что из-за различий между красильщиками, их идеалами, мировоззрением и предпочтениями в отношении природы, а также в результате дизайна и обработки узоров, каждое изделие не может быть полностью идентичным. Каждое изделие, окрашенное методом «тай-дай», является замечательным произведением искусства.

В 2006 и 2008 годах техника окрашивания тканей народностью бай из Дали, провинция Юньнань и техника окрашивания тканей народностью цзигун из провинции Сычуань были внесены Министерством культуры Китая в список национального нематериального культурного наследия.

Библиографический список

Чен Яцянь, Мо Хунмей. Наследование и развитие нетрадиционных техник окрашивания «тай-дай» в культурных и творческих продуктах // Textile Report, 2021, 40(07): 107—108.

Чжан И. Красота крашения «тай-дай» // The Grand View of Fine Arts, 2001(07):53.

Ян Ян. Традиционное мастерство и дизайн узоров для крашения «тай-дай» народности бай в Дали // Журнал Китайского университета Миньцзу (издание естественных наук), 2017, 26(02): 61—64.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.60.24.038

К.К. Меркулов
ИКСА РАН

О необходимости принципиального обновления макросоциальной парадигмы и стратегии и тактики России и Союзного государства в области развития культурно-цивилизационного сотрудничества с ведущими геоцентрами АТР и всего мира

Аннотация. Данная работа задумана априори как краткое прикладное отражение нового, верится, де-факто победоносно высокоэффективного Концептуального Оборонного Миротворческо-Доброподвижнического Оружия (КОМО) нашей Родины и ее союзников с де-юре названием «Концепция нового истинно доброго знания» (КНИДЗ) человечества. КОМО КНИДЗ скромно смоделировано на нового-старого прочтения основе вещих заповедей потомкам гениального основоположника системы русской науки М.В. Ломоносова (1711—1765) группой отечественных ученых. Главная био- и геостратегическая цель разработки КОМО — обеспечение Великого Русского Народного Возрождения (наряду с его аналогами для других передовых геоцентров) внутри нашей страны и на планетарно-международной арене. Феномен «истинное добро» и по содержанию, и по форме исторически более прогрессивен по сравнению с ранее возведёнными в догму «ортодоксальными» научными социализмом и коммунизмом, так как последние уже чисто языковедчески ~ лингвистически (в переводе с немецкого языка, на котором писали свои труды К. Маркс и Ф. Энгельс) по сути подразумевают дословно «общественность (добра и зла)» и «всеобщность (добра и зла)». В КНИДЗ изложены исходные основы новой макросоциальной парадигмы и идеологии истинного добра (как научной квинтэссенции извечной «истинно доброй мировой идеи-мечты»), в т.ч. как база новой стратегии нашей страны в АТР, в т.ч. в Восточной Азии, и в планетарном масштабе. При разрботке КНИДЗ был учтен передовой мировой опыт социальной модернизации, в т.ч. в Китае и других странах Восточной Азии. Особое значение имеют практические рекомендации модели.

Ключевые слова: Россия, Союзное государство, Китай (КНР) ведущие геоцентры, АТР, Врсточная Азия, макросоциальная парадигма и научная идеология истинного добра.

Katenariy K. Merkulov
ICCA RAS

On the Need for a Fundamental Update of the Macrosocial Paradigm, Strategy, and Tactics of Russia and the Union State in Developing Cultural and Civilizational Cooperation with Leading Geocenters of the Asia-Pacific Region and the World

Abstract. This research project was conceived a priori as a brief, practical reflection of a new, de facto victoriously highly effective Conceptual Defense Peacekeeping and Benevolent Weapon (CDPBW) for our country and its allies, de jure known as the "Concept of New Truly Good Knowledge" (CNTGK) for humanity. The CNTGK CDPBW is modestly modeled on a new-old interpretation of the prophetic commandments to the descendants of the brilliant founder of the Russian scientific system, M.V. Lomonosov (1711—1765), by a group of Russian scientists. The primary bio- and geostrategic goal of developing the CNTGK CDPBW is to ensure the Great Russian National Renaissance (along with its analogues for other advanced geocenters) within our country and on the planetary and international arena. The phenomenon of "true good", both in content and form, is historically more progressive than the previously dogmatic "orthodox" scientific socialism and communism, since the latter, purely linguistically (as translated from German, the language in which Marx and Engels wrote), essentially literally imply "community (of good and evil)" and "universality (of good and evil)". The CNTGK CDPBW sets forth the fundamental principles of a new macrosocial paradigm and ideology of true good (as the scientific quintessence of the eternal "truly good global idea-dream"), including as the basis for our country's new strategy in the Asia-Pacific region, including East Asia, and on a global scale. In developing the CNTGK CDPBW, advanced global experience in social modernization was taken into account, including that of China and other East Asian countries. The model's practical recommendations are particularly important.

Keywords: Russia, Union State, China (PRC), leading geocenters, Asia-Pacific region, East Asia, macrosocial paradigm, and scientific ideology of true good.

1. Макроконцептуальный уровень КНИДЗ детализируется на более «нижних этажах» данной модели, в том числе теоретико-методологическом, научно-методическом, научно-практическом и организационно-управленческом. И всё это — с учетом передового планетарного опыта, в т.ч. лучшего наследия политики Возрождения и модернизации КНР под руководством «Си и его группы» [Идеи Си Цзиньпина, 2023].

2. Главным теоретико-методологическим и научно-методическим ориентиром этого научно-практического исследования стал лозунг, недавно выдвинутый группой передовых отечественных ученых-сторонни-

ков Возрождения Великой Святой Руси: «Вперёд — к Ломоносову!», в том числе в духе идей о гармонии «веры» и «знания» [Ломоносов 1955: 368].

3. Духовно-культурный и вообще Интегральный Высокодуховно-Материалистический Ренессанс нашей Родины, как и всего передового социума, по убеждению многих передовых умов и сердец Отчизны и Земли, может быть достигнут посредством не столько полумеханического «возвращения истокам», в том числе неоязыческого типа, и на пути Всеобъемлющего Великого Возрождения всего лучшего исторического наследия русского народа и других народов и народностей нашей Родины, причем, в масштабе единой этно-национальной общности, а именно, верится, Возрожденного и Свято-Добро Преображенного советского народа. Эти идеалы «светлого настоящего и истинно доброго будущего» практически реализуемы для нашей страны путем Возрождения целого комплекса благих канонов: (1) православно-христианской веры; (2) прочих классических духовно-культурных и др. традиций народов нашей страны; (3) их более древних первоистоков у наших далёких праславянских предков; (4) устремлённых и в прошлое, и в настоящее, и в будущее вечных идеалов истинного добра/блага в духе извечной «мировой истинно доброй идеи-мечта» и ее научной квинтэссенции в форме идеологии истинного добра; и др.

4. В силу целого ряда объективных и субъективных причин ныне есть весьма серьезные основания предполагать, что в современной системе общественных и международных отношений на нашей планете пока еще актуален и очень значим главный элемент глобального лже-духовного наследия Великой Французской Революции XVIII века н.э. (или, как минимум, один из таковых). И он характеризуется тем, что тот социальный переворот, в частности, не только критически дезавуировал печальное и даже трагическое наследие субъективной средневековой клерикально-религиозной и т.д. реакции, но и привёл к глубочайшему кризису самого по себе несомненно объективно прогрессивного феномена «Божественная вера» в умах и сердцах людей…

5. Последующая череда близких по сути насильственных социальных революций на Земле, оказавшихся зачастую лже-освободительными, еще более усугубила этот кризис, в том числе с учётом фактора «мировой закулисы». Данное обстоятельство характерно во многом и для эколого-экономического «базиса», и для политико-идеологической «надстройки», и для духовно-культурного «венца» нынешнего человеческого общества, хотя и, разумеется, за исключением его Духовного (теосферного) Апофеоза.

6. В этом плане и с учётом истины «Спасение миру — из России» [Старец 1997: 56], [Россия 2013], очевидно, что грядущее всемирно-историческое предназначение (точнее, верится, по существу новомессианская

миссия) объективно неизбежной Богоугодной Великой Русской Истинно Доброй Ревоэволюции (т.е. мирно-доброгармоничный и т.д. синтеза феноменов «революция» и «эволюция», или, иными словами, Вечного Мирно-Добросовершенного Торжества подлинно благих теории и практики Вещего Высокодуховно-Материалистического Всеединства Свято-Добрых Спасения — Возрождения — Преображения) XXI века н.э. по действующему официальному календарю состоит, в особенности, в том, чтобы сугубо благостно возродить и преобразить в сознании русского народа и других народов и народностей нашей ранее многострадальной Родины и (передового) зарубежья феномен «истинно добрая вера Богу и Богоматери и всем святым».

7. Выше сформулированная сугубо научная (вернее, научно-космологическая и, еще точнее, научно-теокосмогеологическая, т.е. одновременно и параллельно теосферно-теологическая, космологическая и геологическая) гипотеза является субъективным отражением объективно закономерных Боголюбивых Мировой Мирно-Доброгармоничной Доброчеловеческой Теоревоэволюции вида «человека разумного» в сверхвид «человека (истинно) доброго» и, шире, Всеобщего Интегрального Духовно-Материалистического ~ Теокосмогеологического Преображения всех (достойных) видов и сфер мироздания.

8. В нашем исследовании мы исходим из таких «вечных истин», как «Добро побеждает и торжествует над злом» (фрагмент Древней Свято-Доброй Традиции и Символа веры Древнего Рая) [Архив Меркуловых], «будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» [Матф. 1: 48], «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным» [Мк. 4: 22], «слово Твоё есть истина» [Ин. 17: 17]; «каждый получит от Господа по мере добра» [Еф. 6: 8]; «будьте святы ибо Я свят» [1 Пет. 1: 16]; и др. Имеется в виду, что «Добро» и «зло» — традиционно самые широкие научно-практические явления и понятия, характеризующие соответственно «позитивный, положительный, созидательный и т.д.» и «негативный, отрицательный, разрушительный и т.п.» полюсы мирового бытия. В этом плане феномен «Добро» явно прогрессивнее, объёмнее и т.п. по сравнению, например, с категориями «социализм» ~ «общественность» (нем.) и «коммунизм» ~ «всеобщность» (нем.).

9. В числе прочих важных научно-практических инициатив предлагается (на уровне внеполитической научной гипотезы!) «начертать на знамениях» Возрожденной Великой Святой Руси и Новых РСФСРД (как, видимо, грядущего геоцентра «Русско-Славянская Советско-Вечевая Свято-Добрая Республиканская Держава») и СССР (как, видимо, Возрожденного и Преображенного геоцентра «Союз Советско-Вечевых Свято-Добрых Республи») и других подлинно передовых геоцентров идеалы

истинного добра и его Апофеоза — Святого Добра (Истинного Добросветолюбия).

10. В организационном особо внимания Президиума РАН и других заинтересованных инстанций заслуживают предложения о создании при Президиуме РАН специальной межведомственной комиссии по научной экспертизе и т.д. КНИДЗ. Очень актуальна и идея оперативной организации под эгидой РАН сети профильных научно-исследовательских лабораторий с примерным названием «Центр системно-синергетического моделирования нового оптимального мироустройства» (НИЛ ЦСМ НОМ).

11. *Наш полувековой высокодуховный научный труд в принципе не подчинен огульному «суду» мирян, памятуя о заповеди «Не судите, да не судимы будете»* [Мф. 7: 1]***!***

Библиографический список

Архив дипломатов и ученых семьи Меркуловых.

Идеи Си Цзиньпина в области культуры выдвинуты на всекитайском совещании /более подробно/ 2023-10-08 23:50:30 Russian.News.Cn. URL: https://russian.news.cn/20231008/fdaac7a949444ca895393d972935eb84/c.html (дата обращения: 28.03.2026).

Ломоносов, М. В. Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской Императорской Академии наук майя 26 дня 1761 года. // Ломоносов М.В. (1711—1765). Полное собрание сочинений. / М. В. Ломоносов; Акад. наук СССР. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950—1983. 11 т. Т. 4, 1955. С. 368. URL: http://www.vikipedia.ru/Ломоносов_М.В. (дата обращения: 29.05.2017).

Меркулов К.А., Меркулова Э.А., Меркулов К.К. Манифест истинного добра. М.: Спутник +, 2027—2029. В 20 т. (Готовится к печати).

Новый Завет.

Россия перед Вторым Пришествием. Материалы к очерку Русской эсхатологии. Издание четвертое, заново просмотренное, исправленное и дополненное. М.: «Форум», 2011. 621 с.

Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий. М.: Издательство святителя Алексия, 1997. 148 с.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.35.49.039

Му Сунъянь 牟松妍
Хэйлунцзянский университет

Особенности культуры древнекитайской архитектуры и ее распространение и изучение в России

Аннотация. За пять тысяч лет своей долгой истории китайская нация создала блестящую архитектурную культуру и оставила множество бессмертных творений. Древнекитайская архитектура уникальна, концентрированно отражает ценностные ориентации и эстетические вкусы китайской нации и является важной частью китайской культуры. Уникальная материальная форма древнекитайской архитектуры была создана ханьцами, является результатом мудрости и опыта древних китайцев, а также конкретной формой выражения выдающейся культуры ханьцев. В данной статье основное внимание уделяется исследованию соответствующих особенностей культуры древнекитайской архитектуры, упорядочению системы изучения древнекитайской архитектурной культуры в России, описанию исторического процесса ее распространения, обобщению закономерностей и особенностей распространения древнекитайской архитектурной культуры в России, а также предложению соответствующих стратегий культурного распространения с целью содействия выходу китайской архитектурной культуры на мировую арену.

Ключевые слова: древнекитайская архитектура, культурное распространение, Россия.

Mu Songyan
Heilongjiang University

Characteristics of ancient chinese architectural culture and its dissemination and study in Russia

Abstract. Over the course of its five thousand years of history, the Chinese nation has created a brilliant architectural culture and left behind a wealth of immortal works. Ancient Chinese architecture is unique; it vividly reflects the values and aesthetic tastes of the Chinese nation and forms an important part of Chinese culture. The unique physical form of ancient Chinese architecture was created by the Han people; it is the result of the wisdom and experience of the ancient Chinese, as well as a concrete expression of the outstanding culture of the Han people. This article focuses on researching the relevant cultural characteristics of ancient Chinese architecture, systematising the study of ancient Chinese architectural culture in Russia, describing the historical process of its dissemination, summarising the patterns and characteristics of the dissemination of ancient Chinese architectural culture in Russia, and proposing relevant strategies for cultural dissemination

with the aim of promoting the emergence of Chinese architectural culture on the world stage.

Keywords: ancient Chinese architecture, cultural dissemination, Russia.

1. Особенности культуры древнекитайской архитектуры

Древнекитайская архитектура столь же стара, как и китайская цивилизация. На обширных территориях, охваченных влиянием китайской культуры — от Синьцзяна до Японии, от трех северо-восточных провинций до Индокитайского полуострова — распространена одна и та же конструктивная система [Лян Сычэн 2001, 78]. По сравнению с западной архитектурой древнекитайская архитектура имеет ярко выраженные особенности: самобытность «коренного происхождения», многообразие и известность во всем мире.

1.1 Самобытность «коренного происхождения»

Китайская архитектура представляет собой высоко «органическую» структуру. По мнению Лян Сычэна, древняя архитектура полностью является коренным китайским творением: она зародилась в доисторическом периоде, достигла зрелости в Танской династии, совершенства в Сунской династии и стала проявлять признаки старения с конца Минской династии [Лян Сычэн 2011, 1—10]. Самобытность проявляется в использовании дерева как основного материала, каркасной структуре, роли доугуна, особой форме крыши, концепции нестремления к вечному сохранению, регулировании строительства моральными нормами и передаче знаний через учителей и учеников.

Как искусство китайская архитектура имеет семь эстетических особенностей: крылообразная крыша, высокое основание, резьба по дереву, дворцовые ансамбли, цветовое оформление, симметричный или свободный план, а также недостаточное понимание механики каменных конструкций [Лян Сычэн 2011, 1—10].

1.2 Многообразие «ярком, как звезды»

Древнекитайская архитектура включает множество школ и типов. Основные школы: пекинская, хуйская, сушская, цзиньская, миньская. Основные типы: дворцовая, храмовая, садовая, жилая, мавзолейная.

1.3 Влиятельность «известной во всем мире» архитектуры

Китайская архитектура оказала сильное влияние на Европу и Россию. В XVIII веке в Европе возник стиль «шинуазри», появились китайские сады, башни и павильоны. В России археологи обнаружили следы танской архитектуры «Борбажын» на юге Сибири. В XXI веке китайские

сады и архитектурные элементы продолжают появляться в европейских странах.

2. Распространение и изучение древнекитайской архитектурной культуры в России

Изучение китайской архитектуры в России прошло три этапа: этап поверхностного заимствования (1689—1928), этап развития исследований (1929—2000) и этап расцвета (с 2000 года).

2.1 Этап недостаточного изучения (1689—1928)

Распространение началось с эпохи Петра I под влиянием европейского «китайского ветра». В России появились «китайские комнаты», павильоны, мосты и сады в китайском стиле: «Китайский дворец» в Ораниенбауме, «Китайский павильон» в Екатерининском парке, китайские львы на Неве и др. На этом этапе исследования отсутствовали, имитация была поверхностной [Дуань Юньнун 2005, 32; Ли Минбин 1996, 130].

2.2 Этап развития изучения (1929—2000)

Первой систематической работой стала монография В.В. Згуры «Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе» (1929) [Згура 1929]. Важнейшим трудом стал труд Е.А. Ащепкова «Китайская архитектура» (1959), где автор представил чертежи, описал конструкции и провел академические 交流 с Ляном Сычэном [Ащепков 1959; Ащепков 1957; Ащепков 1958]. После этого появились обзорные работы Бунина, Глухоревой, Виноградовой.

2.3 Этап расцвета изучения (с 2000 года)

В XXI веке исследования углубились до культурного и философского уровня. Появились монографии о садах, дворцах, жилой архитектуре, городском строительстве, сравнительные исследования китайской и русской деревянной архитектуры. Российские ученые анализируют идеи «единства человека и природы», фэн-шуй, космические концепции в архитектуре [Голосова 2008; Далинен, Суховская 2017; Лучкова 2011; Сурова, Мороз, Демидова 2017].

3. Особенности изучения и проблемы

Результаты исследований представлены монографиями, статьями, альбомами, переводами. Важным событием стал выпуск «Энциклопедии духовной культуры Китая» (2010) под ред. М.Л. Титаренко [Титаренко 2010]. С 2000 годов активно переводятся китайские труды по архитектуре: Лоу Цинси, Лю Чан, Ван Гуйсян, Цзя Цзюнь, Лян Сычэн.

Основные проблемы:

– недостаточное изучение философского и культурного содержания;

– географическая ограниченность исследовательских центров;

– трудности перевода архитектурных терминов (например, «цзиньчжу» неверно переводится как «золотая колонна»).

4. Стратегии внешнего распространения древнекитайской архитектурной культуры

Укрепление кадрового потенциала, междисциплинарное сотрудничество архитекторов и переводчиков.

Создание единой двуязычной терминологической системы древнекитайской архитектуры.

Развитие регионального и дифференцированного распространения, использование современных каналов и медиа.

5. Заключение

В контексте «выхода китайской культуры за рубеж» необходимо не только переводить и изучать древнекитайскую архитектуру, но и раскрывать ее культурное и духовное содержание, продвигая ценности китайской цивилизации в мире.

Библиографический список

Ащепков Е.А. Архитектура Китая: очерки. М.: Госстройиздат, 1959.

Ащепков Е.А. К вопросу об архитектуре Китая. Тр. Новосиб. инженерно-строительн. ин-та им. В.В. Куйбышева, 1957. С. 29—45.

Ащепков Е.А. Некоторые особенности архитектуры Китая. Изв. высш. учеб. заведений: Стр-во и архитектура. 1958. № 1. С. 38—40.

Бунин А.В. Архитектура Китая // Народы Азии и Африки. 1961. № 2. С. 191—195.

Виноградова Н.А. Искусство средневекового Китая. М.: Изобразит. искусство, 1988.

Голосова Е.В. Ландшафтное искусство Китая. М.: Наталис, 2008.

Глухорева О.Н. Архитектура Китая // Всеобщая история архитектуры. Т. 9. М.: Госстройиздат, 1971. С. 335—500.

Лучкова В.И. История китайского города. Городская архитектура. Садовое искусство. 2011.

Титаренко М.Л. (гл. ред.) Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 6 (Искусство). М.: Вост. лит., 2010.

Дуань Юньнун. XVIII век: китайский стиль в русской архитектуре. 重庆建筑大学学报，2005, № 5. С. 32.

Ли Минбин. Китайская культура в России за триста лет // Китайские культурные исследования. 1996. № 13. С. 130.

Китайские источники (с переводом).

Лян Сычэн. История китайской архитектуры [Лян Сычэн. История Архитектуры Китая]. Пекин: Жизнь, Чтение, Знание, 2011.

Лоу Цинси. Китайские сады [Лоу Цинси. Классические сады и парки Китая]. Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2003.

Лю Чан. Запретный город в Пекине [Лю Чан. Запретный город в Пекине]. Пекин: Шанс, 2013.

Ван Гуйсян. Пекинский Храм Неба [Ван Гунсян. Пекинский Храм Неба]. Пекин: Шанс, 2019.

Цзя Цзюнь. Парк Ихэюань [Цзя Цзюнь. Парк Ихэюань]. Пекин: Шанс, 2013.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.99.26.040

Н.Ю. Симоненко
Институт иностранных языков
ФГБОУ ВО «ВГСПУ»

Дилемма выбора пути в современной китайской молодёжной коммуникации

Аннотация. Коммуникация современной китайской молодёжи в последние десять лет претерпевает серьёзные изменения. Это связано с новыми дилеммами, с которыми они сталкиваются каждый день. В ходе анализа 52 источников из СМИ, китайских социальных сетей и научных исследований мы смогли выделить порядка 35 характерных для речи китайской молодёжи концептов. Они отражают их проблему выбора пути, которая сталкивает китайскую традицию с западными взглядами и общемировыми тенденциями. Общение с использованием перечисленных концептов насыщено пресуппозициями и выявляет многочисленные национально-специфические особенности мышления молодёжи в Китае.

Ключевые слова: Китайская молодёжь, молодёжная коммуникация, пресуппозиции, дилеммы современной молодёжи.

Natalia Simonenko
Department of Chinese Language,
Volgograd State Socio-Pedagogical University (VGSPU)

The Dilemma of Path Choice in Contemporary Chinese Youth Communication

Abstract. Contemporary Chinese youth communication has undergone significant changes over the past decade. This is directly linked to the new dilemmas they face on a daily basis. Through an analysis of 52 sources — including media outlets, Chinese social media platforms, and academic research — we have identified approximately 35 concepts, widely used by Chinese youth. These concepts reflect their struggle with choosing a path. It pits Chinese tradition against Western worldviews and other global trends. Such communication is usually saturated with presuppositions and reveals numerous culturally specific features of youth thinking in contemporary China.

Keywords: Chinese youth, youth communication, presuppositions, dilemmas of contemporary youth.

Современная китайская молодёжь находится в реалиях постоянно меняющегося порядка вещей как внутри Китая, так и в мире в целом. При этом многие культурные взгляды китайского общества всё больше начинают контрастировать с западными, что приводит внимательно следящих

за модой и тенденциями представителей молодых поколений Китая к дилеммам и постоянному вопросу: «Куда двигаться дальше?»

Основные проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди Поднебесной, сводятся к следующим: 1) выбор между спокойным и бесперспективным «лежанием на диване» и перспективным, но очень затратным путём к успеху при высокой конкуренции, 2) выбор между следованием традиции и ожиданиям двух-трёх поколений семьи о продолжении рода, которое сегодня стало очень дорогим, и выстраиванием собственной карьеры в одиночестве, 3) проживание в перенаселённом городе около родных без гарантии высокой зарплаты и переезд в незнакомые бедные населённые пункты с гарантией стабильной зарплаты и наличия жилья, 4) потеря «лица» при проявлении слабости в условиях конкуренции с сохранением здоровья и сохранение «лица» при неофициальных переработках ради хорошего «социального рейтинга», 5) поддержание традиционного сильного китайского патриотизма и дань модному в западном обществе индивидуализму [Сюй Цзин 许静 2024, 52—56]. Перечисленные дилеммы отражаются в языке, постепенно создавая целый набор новых концептов, многие из которых пресуппозиционно наполнены.

Мы проанализировали 52 источника, среди которых китайские СМИ, *«Пэнпай синьвэнь»* 澎湃新闻 (The Paper), *«Чжунго цинняньбао»* 中国青年报 («Китайская молодёжь», China Youth Daily), которая принадлежит Коммунистическому союзу молодёжи Китая (*Гун цин туань* 共青团), *«Синьхуашэ»* 新华社 (новостное агентство «Синхуа»), их заголовки, комментарии к их материалам и посты в социальных сетях 微博 (Weibo), 小红书 (Xiaohongshu), 豆瓣 (Douban), 知乎 (Zhihu), Bilibili (哔哩哔哩), а также научные публикации китайских исследователей [Цао Цзин 曹竞 2023]. Проведённое исследование показало, что в современной китайской молодёжной коммуникации могут быть выделены порядка 35 специфических терминов. Среди основных мы выделяем следующие: внутренняя гонка (*нэй цзюань* 内卷), лежание на боку (*тан пин* 躺平), «человек 45°» (45°*циннянь* 45°青年), «крысиный человек» (*лао шу жэнь* 老鼠人), «ложная двойка» (*цзя лян цзянь* 假两件), «длинное платье Кун И-цзи» (*кун ицзидэ чаншань* 孔乙己的长衫). Изучение особенностей каждого концепта и его многослойности в молодёжной коммуникации нуждается в дальнейшей нашей разработке.

Проведённое нами исследование материалов, содержащих номинации дилемм, которым подвержена современная китайская молодёжь, выявило, что план выражения этих понятий намного уже плана их содержания. Это в целом характерно для китайской культуры, которая относится к высококонтекстным [Hall 1976]. В связи с этим и в перечисленных понятиях мы наблюдаем высокую препозиционную насыщенность, что является перспективой нашего обширного исследования.

Библиографический список

Hall, E. T. (1976). Beyond Culture. New York: Anchor Press.

许静. 网络流行语的生态话语属性流变 — 以“内卷” “躺平” “摆烂”为例[*Сю Цзин.* Эволюция экологических дискурсивных свойств интернет-популярных слов — на примере «нэйцзюань», «танпин», «байлань»]. //延安职业技术学院学报. 2024, 第 38(4)， 第 52—56 页.

曹竞. 小心话语陷阱，“孔乙己”标签不可随便认领 [*Цао Цзин.* Остерегайтесь дискурсивных ловушек: не следует бездумно принимать на себя ярлык «Кун Ицзи»] // 中国青年网 / 中国青年报客户端. 2023, 3 月 20 日. URL: https://m.cyol.com/gb/articles/2023-03/21/content_99pMvauaom.html (accessed: 04.04.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.96.31.041

М.С. Смирнов
НИУ ВШЭ

Сравнение стратегий культурной дипломатии КНР и Японии в 2000-е

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются особенности культурной дипломатии Японии и КНР в 2000-е годы через призму концепции «мягкой силы». Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли культурных факторов во внешней политике государств и усилением конкуренции в сфере культурного влияния в Восточной Азии. Цель работы — выявить и сопоставить ключевые стратегии культурной дипломатии Японии и Китая, а также определить их институциональные и идеологические особенности. Методологической основой исследования выступает сравнительный анализ. В результате исследования установлено, что Япония реализует преимущественно рыночно-ориентированную модель, основанную на популярной культуре и активности негосударственных акторов, в то время как Китай использует централизованный и государственно контролируемый подход, интегрированный в общую внешнеполитическую стратегию. Сделан вывод о том, что различия в моделях культурной дипломатии обусловлены особенностями политических систем и стратегических приоритетов двух стран.

Ключевые слова: мягкая сила, культурная дипломатия, Китай, Япония.

Michael Smirnov
HSE

Comparison of cultural diplomacy strategies of China and Japan in the 2000s

Abstract. This paper examines the features of cultural diplomacy in Japan and China in the 2000s through the concept of soft power. The relevance of the study is explained by the growing role of cultural factors in foreign policy and increasing competition in the sphere of cultural influence in East Asia. The aim of the research is to identify and compare the key models of cultural diplomacy in Japan and China, as well as to determine their institutional and ideological characteristics. The study is based on a comparative analysis approach. The findings demonstrate that Japan follows a market-oriented model, relying on popular culture and non-state actors, whereas China implements a centralized and state-driven approach integrated into its broader foreign policy strategy. The paper concludes that these differences are rooted in the political systems and strategic priorities of the two countries.

Keywords: soft power, cultural diplomacy, China, Japan.

Мягкая сила — одна из важнейших областей современной мировой геополитики. Дж. Най, основоположник данного концепта, определяет этот термин следующим образом: «Мягкая сила основывается на способности формировать предпочтения других людей. На личном уровне мы все знаем силу притяжения и обольщения» [Nye, 2004].

В последние десятилетия наблюдается рост роли стран Восточной Азии в сфере мягкой силы, что связано как с их экономическим развитием, так и с активным использованием культурных инструментов во внешней политике.

Стремясь играть все более существенную роль в мировой политике и экономике и ощущая, что международное сообщество недооценивает его, китайское руководство все более эффективно использует государственные инструменты культурной дипломатии для создания образа Китая, который, по их мнению, больше соответствует действительности [Kurlantzick, 2007, pp. 5—7].

Культурная дипломатия Японии опиралась не только на государственные учреждения, такие как Японский фонд и Министерство иностранных дел, но и на частные компании и творческие индустрии. В этом смысле «мягкая сила» Японии была обусловлена рынком и в какой-то степени органична, поскольку иностранная аудитория искренне наслаждалась японской культурной продукцией [Ogura, 2009].

Актуальность данного исследования определяется необходимостью сравнительного анализа стратегий мягкой силы Японии и Китая как ведущих акторов культурной дипломатии в Восточной Азии. Изучение данных процессов особенно актуально в контексте усиливающейся конкуренции в сфере культурного влияния, когда символические ресурсы — язык, традиции, массовая культура, образование и медиа — становятся не менее важными, чем экономические или военные.

В 2000-е годы культурная дипломатия претерпевает изменения и становится рыночно-ориентированной. Японский подход во многом опирается на «популярные» акторы культурной дипломатии, такие как аниме, манга, музыка и видеоигры [McGray, 2002]. Популярность японской массовой культуры за рубежом носит во многом органичный характер и формируется за счёт спроса со стороны международной аудитории, а не исключительно в результате целенаправленной государственной политики [Nakamura, 2013]. Государственные структуры, включая МИД и Японский фонд, выполняют скорее координирующую и поддерживающую функцию, усиливая уже существующие культурные потоки [Iwabuchi, 2015].

В отличие от Японии, культурная дипломатия КНР в 2000-е годы развивается в рамках государственно-институциализированной модели, предполагающей высокий уровень контроля со стороны государства [Со-

лощева, 2026]. Китайское руководство рассматривает культурную дипломатию как стратегический инструмент формирования международного имиджа и влияния страны и активно интегрирует её в свою внешнюю политику [Gill, Huang, 2006, pp. 27—31]. Одним из ключевых механизмов реализации данной политики становится создание сети Институтов Конфуция, направленных на продвижение китайского языка и культуры за рубежом [Леонтьева, Белокопытова, 2016, с. 54—55].

В случае с Японией государство лишь стимулирует бизнес и творческую индустрию, которые лишь опосредованно связаны с бюрократической системой МИДа. При этом они действуют в логике стратегий, поддерживаемых и разрабатываемых Министерством и аффилированными с ним структурами, в частности — Японским фондом. Что характеризует японскую модель, как тесно связанную с рыночными механизмами распространения культуры.

В отличие от японского опыта, культурная дипломатия Китая носит более управляемый характер, что отражает особенности политической системы и стремление государства контролировать процессы формирования «мягкой силы».

Библиографический список

Леонтьева Э.О., Белокопытова М.С. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // *Регионалистика*. 2016. Т. 3, № 5.

Солощева М.А. Китайская мягкая сила: от настороженного анализа к применению в африканской политике // Российское китаеведение. 2026. № 1(14). С. 6—23.

Gill B., Huang, Y. Sources and Limits of Chinese Soft Power // *Survival*. Vol. 48, 2006. No. 2. P. 17—36.

Kurlantzick J. *Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World.* New Haven: Yale University Press, 2007. 306 p

Iwabuchi K. "Pop-culture diplomacy in Japan: soft power, nation branding and the question of 'international cultural exchange'." International Journal of Cultural Policy, vol. 21, no. 4, 2015, pp. 419—432

McGray D. Japan's Gross National Cool // Foreign Policy. 2002. 1 May. URL: http://www. foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool

Nakamura T. Japan's New Public Diplomacy: Coolness in Foreign Policy Objectives. Studies in Media and Society, no. 5. 2013: 1—24.

Nye J. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

Ogura K. Japan's Cultural Diplomacy, Past and Present. Tokyo: Japan Foundation, 2009. 32 p.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.41.30.042

Сюй Син
Наньканский университет

Грандиозный план построения сильной культурной страны — анализ стратегического развертывания и целей развития в сфере культурного строительства в период реализации «15-го пятилетнего плана» Китая

Аннотация. «14-й пятилетний план» Китая определяет стратегическое развертывание, направления развития, конкретные цели и практические пути культурного строительства на ближайшие пять лет, представляя собой грандиозный план построения сильной культурной страны. В нём обозначено общее направление развития культуры Китая в будущем, прямо предлагающее опираться на глубокие традиции китайской цивилизации, следовать тенденциям развития информационных технологий, развивать культуру с китайской спецификой в новую эпоху и решительно продвигать строительство сильной культурной страны. Для достижения цели построения сильной культурной страны к 2035 году генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин подробно остановился на пяти ключевых направлениях будущей работы, которые имеют огромное руководящее значение для процветания и развития социалистического культурного строительства Китая в будущем.

Ключевые слова: Китай, культурное строительство, пятилетний план, стратегические цели, культурная мощь.

Xu Xing
Nankai University

The grand blueprint for building a strong cultural nation — Analysis of the Strategic Deployment and Development Goals for Cultural Construction during China's “15th Five-Year Plan” Period

Abstract. China's “14th Five-Year Plan” outlines the strategic deployment, development direction, specific goals, and practical paths for cultural construction in the next five years, presenting a grand blueprint for building a strong cultural country. It points out the general direction for China's cultural construction in the future, explicitly proposing to take root in the profound Chinese civilization, follow the trend of information technology development, develop culture with Chinese characteristics in the new era, and solidly promote the construction of a strong cultural country. To achieve the goal of building a strong cultural country by 2035, Xi Jinping, General Secretary of the CPC Central Committee, specifically elaborated on five key areas for future efforts, which are of great guiding signif-

icance for the prosperity and development of China's socialist cultural construction in the future.

Keywords: China, cultural construction, Five-Year Plan, strategic objectives, cultural power.

徐行

建设文化强国的宏伟蓝图
------中国“十五五”时期文化建设的战略部署与发展目标解析

中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年（2026－2030 年）规划纲要，是根据中共中央二十届四中全会通过的《中共中央关于制定国民经济和社会发展第十五个五年规划的建议》编制的，十四届全国人大四次会议 2026 年 3 月 12 日表决通过，全面筹划了第十五个五年计划时期（2026—2030 年）中国政治、经济、科技、教育、文化、国防等各方面发展的宏伟蓝图，是全国人民共同奋斗的行动纲领。本文将主要阐述和分析中国“十五五”计划中制定的未来五年文化建设的战略部署、发展方向、具体目标和实践路径。

一、未来五年中国建设文化强国的总体部署

中国的“十五五”规划《纲要》一共 18 篇 62 章，其中第十篇专门对未来五年中国的文化建设做了整体布局和战略部署。第十篇的题目是：《激发全民族文化创新创造活力 繁荣发展社会主义文化》，该篇分为四章（第 32—26 章）。

“十五五”规划《纲要》阐明了未来五年中国建设文化强国的总体方略，即：弘扬和践行社会主义核心价值观、大力繁荣文化事业、加快发展文化产业、提升中华文明传播力影响力。

在对未来中国文化建设的战略部署中，《纲要》特别强调了，今后加强中国文化建设要着重在四个方面打下坚实的基础，即： 强大思想引领力、精神凝聚力、价值感召力、国际影响力。

二、未来五年中国发展文化事业的战略目标

发展文化事业是满足人民精神文化需求、保障人民文化权益的基本途径。

未来五年中国发展文化事业的总的战略目标就是习近平总书记所阐明的：未来我们“要坚持为人民服务、为社会主义服务的方向，坚持百花齐放、百家争鸣的方针，全面繁荣新闻出版、广播影视、文学艺术、哲学社会科学事业，着力提升公共文化服务水平，让人民享有更加充实、更为丰富、更高质量的精神文化生活。要推进城乡公共文化服务体系一体建设，优化城乡文化资源配置，完善农村文化基础设施网络，增加农村公共文化服务总量供给，缩小城乡公共文化服务差距。”[1]

“十五五”《纲要》制定了未来发展中国的文化事业的具体战略目标，即：健全公共文化服务体系；传承弘扬中华优秀传统文化；让人民享受更高品质的文化生活。我们未来如何实现这三大目标呢？

“十五五”《纲要》提出，要加强历史文化名城、街区、村镇有效保护和活态传承。要加强河西走廊国家文化遗产线路和蜀道、秦直道等整体性保护。在**古**籍文献方面要强化档案文献遗产保护和古籍抢救性保护，系统推进《永乐大典》、敦煌文献、简牍文献保护整理出版。加强中华悠久灿烂文明中典籍文献的保护传承是对世界非物质文化遗产保护的有效举措，亦是对世界传承的一大贡献。（中国的世界级文化遗产分布图）

三、未来五年如何强化建设文化强国的基础

未来五年中国要在加强文化强国建设的基础，就需要做到以下四点：

（1）要做到具有强大思想引领力，要把马克思主义基本原理同中国具体实际相结合、同中华优秀传统文化相结合。只有做到了“两个结合”，才能正确回答时代之问，才能解决实践中遇到的新问题，也才能巩固和扩大主旋律的传播，推动文化创新和创造。要提升信息时代文化领域的治理能力，推动文化建设数智化赋能、信息化转型，以先进信息技术增强先进思想文化传播力、引导力，确保文化繁荣发展真正服务于广大人民群众和中国的现代化事业

（2）要做到具有强大的精神凝聚力，必须植根和传承博大精深的中华文明，更好地面向未来发展。中华优秀传统文化承载着五千年中国历

[1] 习近平：“把文化建设摆在更加突出位置”（2020 年 9 月 22 日），《习近平谈治国理政》第四卷，外文出版社 2022 年版，第 310-311 页。

史的发展脉络，为推动新时代文化的繁荣发展提供了宝贵的文化遗产和丰富的资源。

（3）要做到具有强大的价值感召力，需要在培育和创造新时代中国特色文化中大力弘扬和践行社会主义核心价值观。

（4）要做到具有国际影响力，就要深化世界文明的交流互鉴，广泛开展国际人文交流合作，建立有效的国际传播体系，拓展海外传播网络，构建多渠道、立体式对外传播格局。在加强对外文化交流合作中提升中国的国际传播效能和国际话语权，推动更多体现中国精神、中国价值的优秀文化产品走向世界，使国际社会更好了解中华文明和中华民族。

四、未来五年加快发展文化产业的具体举措

《纲要》的第三十五章，明确提出了未来加快发展中国文化产业的具体举措，即：完善文化管理体制和生产经营机制，实施积极的文化经济政策，大力发展文化旅游业，以文化赋能经济社会发展。[1]未来五年中国推进文化产业发展的的具体措施如下：

五，未来中国推进文化强国建设的着力点

目前，世界百年变局加速演进、中国改革开放已经取得了巨大成就，但是新的社会主要矛盾也不断出现和变化，在世界新一轮科技革命和产业变革深入发展的背景下，中国的文化强国建设任重道远。“建设文化强国，事关中国式现代化建设全局，事关中华民族复兴大业，事关提升国际竞争力。”我们必须高度重视，认真研究未来中国推进文化强国建设的着力点。

五，结论

文化繁荣兴盛是中国式现代化的重要标志，没有社会主义文化繁荣发展，就没有社会主义现代化。《中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要》的制定实施，深刻把握了文化发展规律，提出

[1] 新华社北京 3 月 13 日电：《中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要》。

了激发全民族文化创新创造活力，繁荣发展社会主义文化的战略布局和具体目标，为社会主义文化强国建设指明了前进方向。

第十五个五年计划擘画的建设文化强国的宏伟蓝图，指明了未来中国文化建设的大方向，明确提出要植根博大精深的中华文明，顺应信息技术发展潮流，发展新时代中国特色的文化，扎实推进文化强国建设。

“十五五”时期在基本实现社会主义现代化进程中具有承前启后的重要地位，是夯实基础、全面发力的关键时期，我们必须不懈努力、接续奋斗，为基本实现社会主义现代化奠定更加坚实的基础。我们必须深刻领悟“十五五”计划的战略指引意义。按照“十五五”《纲要》的总体布局和具体举措要求，扎扎实实做好未来的文化建设工作，把建设文化强国的宏伟蓝图奋力变成现实。

DOI: 10.48647/ICCA.2026.96.70.043

Сюй Чэнлэй
Тяньцзинский университет

Объект, знание и повествование: механизмы трансформации и историческое конструирование в процессе музеефикации китайской новогодней печати

Аннотация. В традиционном китайском обществе печать к Китайскому Новому году представляла собой форму народной образности, встроенную в сезонные обычаи, в первую очередь, выполнявшую функции благословения и украшения пространства. Однако, начиная с Нового времени, благодаря межкультурному обмену и научной практике, печать к Китайскому Новому году постепенно отделилась от своего первоначального контекста использования, была включена в системы выставок, исследований и коллекционирования и, в конечном итоге, трансформировалась — в рамках современной концепции нематериального культурного наследия — в культурный объект, наделенный историческим нарративным значением.

Ключевые слова: новогодняя печать, нематериальное культурное наследие, китайский новый год.

Xu Chenlei
Tianjin University

«Object, Knowledge and Narrative: The Transformation Mechanisms and Historical Construction in the Museumization of Chinese New Year Printing»

Abstract. In traditional Chinese society, Chinese New Year Printing was a form of folk imagery embedded in seasonal customs, primarily serving functions of blessing invocation and spatial decoration. Its meanings were generated within specific everyday life contexts. However, since the modern period, through cross-cultural exchange and scholarly practices, Chinese New Year Printing has gradually been detached from its original context of use, incorporated into systems of exhibition, research, and collection, and ultimately transformed—within the contemporary framework of Intangible Cultural Heritage (ICH)—into a cultural object endowed with historical narrative significance.

Keywords: New Year Printing, intangible cultural heritage, Chinese New Year.

徐晨蕾
天津大学

《物、知识与叙事：中国年画博物馆化的转化机制与历史建构》

摘要: 在中国传统社会中，中国年画是依附于岁时节俗的民间图像，主要承担祈福纳吉与空间装饰等功能，其意义生成植根于具体的生活语境。然而，在近现代以来的跨文化交流和学术实践中，中国年画逐渐脱离原有使用场域，被纳入展示、研究与收藏体系之中，并最终在当代非物质文化遗产保护语境下转化为具有历史叙事意义的文化对象。本文以“中国年画的博物馆化实践”为核心，提出“物—知识—叙事”的三重转化模型，探讨中国年画如何在不同历史阶段完成其价值结构的重构。研究发现，年画首先作为生活中的“物”存在，继而在展示与文献化过程中转化为“知识对象”，并最终在博物馆与非遗语境中被组织为具有时间结构与意义指向的“历史叙事”。文章首先回溯 19 世纪末俄国地理学会相关展览活动，指出年画在跨文化“观看”中实现了从生活之物向认知对象的初步转化；继而分析 20 世纪以来围绕年画展开的文献化与学术化实践，尤其是通过在地解释与文本记录所形成的知识体系，使年画成为可被解释与传播的研究对象；最后结合 21 世纪以来“非遗保护”与“非遗博物馆”理论，阐明年画如何在制度化语境中被纳入历史叙事结构之中。文章认为，年画的价值与意义并非源自其内在属性，而是在博物馆化进程中，通过展示机制不断被建构与强化。在这一过程中，博物馆不仅是年画的保存空间，更是连接知识生产与历史叙事的重要场域。同时，这一过程呈现出非精英视角的“社会结构史”，也为理解中国社会与视觉文化的发展历史提供了新的学术视角。

范成玲
山东理工大学

数智时代二次元虚拟主播的情感消费实践探究

摘 要：本文以数智时代的二次元虚拟主播为研究对象，聚焦其情感消费实践展开探究。首先对虚拟主播进行分类，包括点唱类、聊天类、综合类，及 2D、3D 等形象类型；其次分析情感消费的需求来源，涵盖社交类需求、

情绪价值需求与自我价值实现需求；通过抖音平台案例，剖析了周边售卖、PK 打榜、官方活动等具体消费方式；进而探讨其正面影响与负面影响。研究认为，二次元虚拟主播的情感消费是技术与人性需求交织的产物，需在虚拟与现实情感中寻求平衡，以实现健康发展。

关键词：二次元虚拟主播；情感消费；准社会关系；虚拟社交

DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.78.044

Fan Chengling
Shandong University of Technology

Exploration of emotional consumption practices of virtual streamers content in the digital-intelligent era

Abstract. This paper takes anime-style virtual streamers in the digital-intelligent era as its subject of study, focusing on their emotional consumption practices. Firstly, virtual streamers are categorised into song-request, chat-based and general categories, as well as by visual style such as 2D and 3D; secondly, the sources of demand for emotional consumption are analysed, covering social needs, emotional value needs and the need for self-actualisation; using case studies from the Douyin platform, it dissects specific consumption methods such as merchandise sales, ranking competitions and chart-topping contests, and official events; it then explores both the positive and negative impacts of these practices. The study concludes that emotional consumption involving anime-style virtual streamers is a product of the interplay between technology and human needs, and that a balance must be struck between virtual and real-world emotions to ensure healthy development.

Keywords: virtual streamers; emotional consumption; quasi-social relationships; virtual socialising.

当数字技术将二次元虚拟形象推入直播领域，当 “打赏换陪伴” 成为新的社交语法，数智时代的情感消费正经历着前所未有的重构。以虚拟形象进行直播的虚拟主播，凭借点唱、聊天、综合才艺等多元形式，在抖音、快手等平台构建起庞大的情感交互网络。粉丝为虚拟形象的歌声付费，为定制化的聊天买单，为虚拟社群的 “荣誉” 一掷千金 —— 这种看似非理性的消费行为，实则植根于现代社会的深层情感缺口：线下社交的萎缩让人们转向线上寻求联结，现实压力的剧增催生对情绪价值的渴求，自我认同的迷茫促使个体在虚拟参与中寻找存在意义。

二次元虚拟主播的情感消费，既是技术赋能的产物，也是人性需求的折射。它以 “虚拟形象 + 实时互动” 的形式，将霍顿与沃尔笔下的 “准社会关系” 升级为可量化、可交易的情感闭环，既为社恐人群提供了低门槛的社交出口，为抑郁症患者送去无意识的陪伴微光，也暗藏着 “打赏成瘾”“情感替代” 的现实风险。

一、虚拟主播分类

虚拟主播是在直播平台，一般是通过 2D、3D 虚拟形象进行直播，不露脸的主播。2D 类的虚拟主播以平面形象进行直播，3D 类虚拟主播则以立体虚拟形象进行主播，3D 形象又分为两类，一类是三头身虚拟形象，以可爱、萌为标签，第二类是英俊、美丽、青春的成人虚拟形象。

二、二次元虚拟主播情感消费的需求来源分类

随着互联网的发展，越来越便利的线上交际，大大降低了人们线下面对面社交的需求。多种多样的网络普通，千奇百怪的交友方式，让人们逐渐依赖线上交际，甚至现在大多数人在工作、家人、朋友间的交流也大多依靠网络，逐渐减少线下面对面的交际。线下交际能力的退化，使人们的情感需求无法在线下获取，逐渐依赖网上的各类提供情绪价值的游戏、陪聊、直播，二次元虚拟主播因此蓬勃发展。虚拟主播粉丝对于主播的情感依赖来源于两者之间进行的“消费——提供情绪价值”的循环链。

三、案例分析

目前虚拟主播主要集中于“抖音”，而由于虚拟主播所属公司较多，不同公司对于旗下主播的管理模式有所不同，所以呈现的发展趋势也有所不同。有的主播不温不火，有的大火之后四平八稳，有的发展中出现实锤直接销号被公司开除。

各类主播吸引粉丝消费的方式有所不同，经对抖音虚拟主播粉丝的消费形势进行统计，得出以下结果，虚拟主播主要通过引导粉丝消费，对消费金额进行一定比例分成。

除了复杂多样的活动，抖音会在某些特定的节日推出不同的礼物特效，礼物特效的精美程度取决于粉丝花费金额的多少。包括虚拟主播在内，每个主播都会有一个礼物展馆，其中包含 28 种（不同节日的礼物会有所区别，总数会有变化）礼物，每个礼物点亮的数量不等，只有将每

一种礼物都送够数量，展馆才会显示“满展览馆”。而满展馆会成为主播炫耀的资本，粉丝为了让爱播有面子，就会刻意去送更多礼物。

除了礼物种类的不同，数量不同也会产生不同的效果。如“小心心”，在粉丝打赏 520 个的时候会弹出巨型“520”特效，1314 个的时候会弹出巨型的“1314”特效。若粉丝将所有能送的礼物全部送了一遍，称为“帝王套”，粉丝灯牌 16 级、20 级的时候会解锁特殊礼物“宇宙之心”不同颜色的版本。

众多礼物打赏的方式是以主播为核心，围绕其周围的消费方式，其中不仅仅是虚拟主播，其他不同类型的主播的消费方式也不尽相同。

随着社会发展，个人的心理健康话题受到越来越多的重视，社交恐惧症这一群体开始走进公众的视野。互联网的迅速崛起，人们的线上交流越来越多，甚至逐渐呈现“依赖化”。线上社交成为对数不愿意在线下进行社交的人的福音，通常将这一类人称为“社恐”，即“i”人，也就是在现实中恐惧表达自己的人，我们通常称为“社交恐惧症。”当前学界关于“社恐”人群的划分标准不一，主要涉及两种内涵：从狭义上来讲，“社恐”是指达到医学诊断标准的社交恐惧症患者；从广义上来讲，它是对前者的泛化使用，既包括达到医学诊断标准的人群，也包括在日常生活中存在社交焦虑、社交恐惧倾向或是排斥社交活动的一系列人群。本文选择广义上的社交恐惧症。中国青年网曾有过一次调研，超 80%的受访大学生称自己有“社交恐惧症”，这种焦虑性疾病最典型的表现是:在公共场合或与人交往时，身体会不受控制地产生强烈的恐惧感。患者总是担心自己会出丑或被别人批评，比方说害怕在餐厅吃饭手抖被发现，或者担心演讲时声音颤抖被嘲笑。这种恐惧往往会持续很长时间，导致患者尽可能躲避各种社交场合。

各类平台，无论是游戏主播还是才艺主播，几乎都是要求技术好，颜值高，甚至在两者之间，越来越偏向颜值。这导致了两种重要问题，一种是主播圈颜值内卷严重，越来越多的才艺主播将更多心思花在如何提高颜值，而不是才艺；另一种就是粉丝颜值焦虑，走颜值路线的主播，

有一大批粉丝是看中高颜值，或者是切中审美点，或者是看中颜艺俱佳，只有少部分或者是老粉才是在意主播的才艺、技能，这看似很难和粉丝颜值焦虑挂钩，但人民在下意识的选择中，会暴露做选择的根据，更甚者，将粉丝将自己与主播划分很严重的阶级，认为颜值高的人就是天生高人一等，害怕自己的颜值达不到主播的水平，担心自己被歧视、被孤立。

粉丝在给主播打赏后，两者之间产生一种联系，这种类似偶像与粉丝之间的联系，更多时候，粉丝愿意学习主播的言行举止。虚拟主播在与粉丝沟通时，难免涉及一些比较现实的话题，主播的选择会或多或少对粉丝产生影响。粉丝在做选择的时候，主播曾经的选择会在他心里形成一种类似于“刻板印象”的暗示，下意识按照这种暗示去做。

准社会关系最早是在 1956 年由由心理学家霍顿和沃尔提出，指受众和媒介人物之间发展出的一种单向关系。这种关系具有虚拟性、即时性和单向性特征，他们能够通过形象塑造、语言表达、行为展示等影响受众对关系的感知，但他们并不了解具体的受众是谁、其感受如何。但是，受众在媒体人物 的影响下，在交往过程中却表现出类似于真实人际交往的 情感投入与认知反应。准社会关系是非真实的社会关系， 但与现实社会关系近似，因此这种准社会关系对个体心理 所产生的作用是显而易见的。

二次元虚拟主播的情感消费实践，本质上是数智时代人类情感需求与技术商业逻辑碰撞的缩影。从点唱厅的歌声到交友厅的闲聊，从 “宇宙之心” 的特效到粉丝灯牌的等级，虚拟主播以虚拟形象为媒介，构建起一套精密的 “情感交易体系”：它既回应了社恐人群对安全社交的渴望，为抑郁症患者提供了非刻意的陪伴，也以去外貌化的互动缓解了颜值焦虑，展现出技术向善的可能性；但同时，准社会关系的成瘾性依赖、情感替代引发的现实关系空心化，又暴露出其对人性弱点的利用与放大。虚拟主播的情感价值，从来不该是现实情感的对立面。

参考文献

孙丹.社交恐惧症群体在线自我表露的影响因素研究 [*Сунь Дань.* Исследование факторов влияния на самораскрытие людей с тревожным социальным расстройством в интернет-пространстве]. — 重庆大学, 2023.

超八成受访大学生认为自己轻微“社恐” [Более 80% опрошенных студентов полагают, что испытывают лёгкую «социофобию»]. — 中国青年报. 2021-11-23(011).

段锦矿.心理动力学:重塑抑郁的心 [*Дуань Цзинькуан.* Психодинамика: реконструкция депрессивного ума]. 百科知识,2025(17):44—47.

陈予心, 陈勇, 李雨辰. 药物治疗联合心理治疗在抑郁症患者中的应用效果 [*Чэнь Юйсинь, Чэнь Юн, Ли Юйчэнь.* Влияние медикаментозной терапии в сочетании с психотерапией на пациентов с депрессией] // 心理月刊. 2025. 20(10). 143—146.

HORTON D, WOHL R R. Mass Communica tion and Para-Social Interaction：Observations on Intima cy at a Distance // Psychiatry. 1956(3). 215—229.

唐家杰, 余青青. 准社会关系视角下青年用户移动短视频平台持续使用影响因素研究 [*Тан Цзяцзэ, Юй Цинцин.* Исследование факторов влияния длительного использования молодёжью сайтов коротких видео с точки зрения социальных взаимодействий]. 视听. 2025(04). 113—116.

应飞虎. 基于损失厌恶的数字营销及其法律规制 [*Инь Фэйху.* Цифровой маркетинг, основанный на неприятии потерь, и его правовое регулирование] // 政法论丛. 2025(01). 110—123.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.19.74.045

***Цзинь Минцзи* 靳铭吉**
Хэйлунцзянский университет

Расшифровка «исходного кода» китайской цивилизации

Аннотация. В данной статье с четырёх измерений расшифровывается «базовая логика» непрерывного пятитысячелетнего развития китайской цивилизации. Во-первых, светский рационализм веры в то, что «человек побеждает природу», отвергающий идею божественного спасения и утверждающий ценность самореализации в реальной жизни. Во-вторых, экзаменационная система как социальный ген и вера в образование, разрушающие сословную замкнутость и поддерживающие социальную мобильность и устойчивость. В-третьих, «единая письменность» и «культурная универсальность», выходящие за рамки кровнородственных связей, создавшие механизм унификации и мощной ассимиляции. В-четвёртых, «единство семьи и государства», где родовая община и семья выступают амортизационной сетью, формируя долгосрочную ответственность цивилизации за преодоление исторических кризисов. Эти четыре «исходных кода» и являются сердцевиной той тайны, благодаря которой китайская нация, пережив бесчисленные потрясения, возрождалась из пепла.

Ключевык слова: светский рационализм; система *кэцзюй*; единая письменность; единство семьи и государства.

Jin Mingji
Heilongjiang University

Deciphering the “source code” of Chinese civilization

Abstract. This article deciphers the “basic logic” behind the continuous five-thousand-year development of Chinese civilisation from four perspectives. Firstly, the secular rationalism of the belief that “man conquers nature”, which rejects the idea of divine salvation and affirms the value of self-realisation in real life. Secondly, the examination system as a “social gene” and a faith in education, which break down class-based isolation and support social mobility and stability. Thirdly, the “unified writing system” and “cultural universality”, which go beyond blood ties and have created a mechanism for unification and powerful assimilation. Fourthly, the “unity of family and state”, where the clan community and the family act as as a shock-absorbing net, shaping civilisation’s long-term responsibility for overcoming historical crises. These four “foundational codes” lie at the heart of the mystery that has enabled the Chinese nation, having weathered countless upheavals, to rise from the ashes.

Keywords: secular rationalism; the Confucian system; a unified writing system; the unity of family and state.

解锁中华文明的源代码

纵观人类五千年文明史，中华文明是唯一没有中断且保持旺盛生命力的古老文明。无论经历何种军阀混战、外族入侵或内部衰败，中国总能像拥有超强自我修复能力的机器，迅速重启并走向壮大。传统史学界常将此归功于帝王将相，但穿透表象向深处探寻，真正让这台机器穿越千年风雨的，绝非某几个英雄的意志，而是深植于中国人基因里的“底层操作系统”。本文将从信仰、社会、文化与伦理四个维度，拆解这套支撑中华文明生生不息的源代码。

一、信仰源代码——“人定胜天”的世俗理性精神

理解民族的深层性格，不能只看哲学典籍，更要看其童年时期的梦——神话。面对史前大洪水，西方《圣经》的剧本是“诺亚方舟”：洪水是神对人的惩罚，人类渺小无力，诺亚只能造船逃跑、祈祷神怒平息，其内核是“救赎在彼岸，神是唯一依靠”。而中国人的剧本是“大禹治水”：祖先没有逃跑，也没有跪地祈求，大禹带着凡人拿原始工具对抗洪水。这就是中华文明的第一层逻辑：人定胜天。中国人潜意识里认为，在极端生存危机面前，自己就是神。

中国人的逻辑发端于老子“天地不仁，以万物为刍狗”。老天不讲感情，要活下去靠神没用，只有人能救人。这让我们在几千年前就形成了极其硬核的“世俗理性精神”。这种实用主义的信仰机制，使中国历史上从未产生过政教合一的极端王朝。在中国人的价值观中，现世永远比来世重要，苍生永远比上帝重要。它具象化为今天悬崖峭壁上的修桥铺路，具象化为灾难面前凡人英雄的逆行出征。

二、社会源代码——科举制打破阶层固化

民族长治久安的核心命题是避免阶层固化。古罗马平民注定是奴隶，印度低种姓连共用一口水井的权利都没有。当“血统决定一切”成为共识，必然酝酿巨大危机，欧洲中世纪的“黑暗一千年”即是源于血统贵族垄断导致社会失去活力。

而中国在一千四百多年前的隋唐时期，交出了惊艳世界的答卷——科举制。它以制度化形式彻底打破了门阀世族对政治资源和上升通道的垄断。

无论王侯之后还是贩夫走卒之子，只要通过考试就能实现阶层跨越。这项制度在全社会确立了一个牢不可破的信念：命运掌握在自己手里。

这套社会源代码烙印极深，以至于 21 世纪的今天，中国依然是全世界最重视教育的国家。中国家庭对子女教育的投入意愿位居世界前列。在中国文化底层逻辑中，读书不仅是获取知识，更是通往尊严、公平和阶层跃迁的最稳妥阶梯。全社会对“知识改变命运”的笃信，为中国跨越周期提供了源源不断的高素质人力资本，构成了极具韧性的社会缓冲器。

三、文化源代码——“文化大同”

欧洲面积与中国大致相当，却分为 44 个国家、24 种官方语言。这是典型的“民族国家”逻辑，强调血缘与边界的排他性。但在先秦时期，中国大地上的部族差异丝毫不亚于欧洲。若按欧洲逻辑，战国七雄必演变成七个不同国家。但秦始皇不仅统一疆土，更做出了具有决定性意义的举措——书同文、车同轨、行同伦。尤其是“书同文”，汉字作为表意文字，无论方言发音差异多大，写在纸上就能瞬间沟通。文字统一从物理层面掐断了文化分裂的可能。自此，“大一统”被永久刻在中国人基因里，成为政治的最高正确。

真正让中华文明具备恐怖同化能力的，是“文化大同”机制。《春秋》云：“夷狄入中国，则中国之。”这揭示了中华文明非血缘性的本质：不管你来自哪，只要认同汉字与伦理，就是同路人。五胡乱华时，鲜卑人打进中原，北魏孝文帝却主动推行汉化改革；之后的蒙古族、满族莫不如此。西方帝国扩张打造的是“沙拉碗”，稍遇外力就散；中国则是“大熔炉”，扔进来的铁铜铅，炼上百年流出来的都叫中华文明。正如西方学者白鲁恂所言：“中国不是普通的民族国家，而是伪装成国家的文明。”

四、伦理的源代码——“家国同构”的避震机制

西方自启蒙运动以来，社会基本单位被定义为“个人”。但在中国，基本单位永远是“家庭”。这是中华文明最精妙的避震机制：国家是放大的家，家是缩小的国。

在漫长农业社会中，朝代更替时政府瘫痪、法律失效。若在西方以个人为基底的原子化社会，此时必陷入“所有人对所有人的战争”。但在中国，国家缺位时宗族和家庭会自动补位。灾荒年间家族开仓放粮，父母双亡家族供学子读书，在外受欺家族出面出头。这种以血缘为纽带的微观组织，像一张巨大而富有弹性的网，死死托住了中国社会的底盘。

哪怕在最黑暗的乱世，只要家庭和宗族还在，社会秩序就不会彻底瓦解，文明火种就能在祠堂里保存。“修身齐家治国平天下”的闭环，让中国人不只为自己活。为了光宗耀祖不敢懈怠，为了造福子孙甘愿牺牲。这种代际责任感赋予了中华文明可怕的“长远视角”，我们做事不看短期财报，而是看几十年甚至上百年。这种跨越周期的长远规划能力，正是家国同构伦理带来的巨大红利。

五、结语

综上所述，真正让中国强大的，不是长城故宫，更非某一个帝王，而是这套世俗奋斗、阶层流动、文化大同、家国一体的底层逻辑。它看不见摸不着，却像血液流淌在每一个中国人的血管里。只要这套逻辑还在运行，只要中国人心中还信奉“天行健，君子以自强不息；地势坤，君子以厚德载物”，无论当今世界风云如何变幻，无论未来面对多少惊涛骇浪，这片土地就永远不会沉沦，这个国家就永远有不可战胜的底气。这就是中华文明的密码，也是我们去研究它、传承它、向世界讲述它的最大意义。

DOI: 10.48647/ICCA.2026.58.79.046

张勇
四川大学文学与新闻学院

中国冥币补论

摘要: “冥币”，祭奠逝者或神灵的钱币；相当于法语 *Monnaies d'offrande*，故亦可译为“祭献钱”和“供奉币”等。中国冥币当始于中土丧葬，在新石器时代已经存在，并一直延伸到如今。早期的冥币，乃实用货币，即实币；后来，出现了模拟的替代品，即寓币。不过，直到今天，在丧葬仪式中还是寓币和实币并用。

冥币乃中国人生活中的常见、必备甚至核心物品之一，涉及到普遍性和根本性的生活方式，在钱币、丧葬和祭拜等领域都占有重要地位。

虽然国内外有关研究成果并不乏见，但在冥币起源、种类和用途等方面，皆存在不少疑惑甚至空白，甚至连冥币的定义都不甚准确，故而值得重新讨论。

关键词: 中国；丧葬；鬼神；祭祀；冥币；实币

Zhang Yong
Sichuan University,
College of Literature and Journalism

Supplementary Discussions on Chinese Offering coins（冥币）

Abstract. 冥币 (ming-bi), which sacrificing the deceased or deities. It is equivalent to the French word Monnaies d'offrande, therefore, it can also be translated as “Offering coins” and “sacrifice money” and “offering currency”, etc.

Chinese Offering coins are a common, essential, and even core item in Chinese life, involving a universal and fundamental way of life, and occupies an important position in the fields of currency, funeral, and worship.

Although there are numerous research findings both domestically and internationally, there are still many uncertainties and even gaps in areas such as the origin, types, and uses of Chinese Offering coins. Even the definition of Chinese Offering coins is not entirely accurate, making it worthy of re-examination.

Keywords: China; funeral; ghosts and gods; sacrifice; Offering coins; real currency

“冥币”也者，用于祭奠逝者或神灵的钱币。中国冥币当始于中土丧葬，可能在石器时代已经存在，并一直延伸到如今。可以说，冥币乃中国人生活中的常见、必备甚至核心物品之一，涉及到普遍性和根本性的生活方式，在钱币、丧葬和祭拜等领域都占有重要地位。

虽然国内外有关研究成果并不乏见，然问题依然不少，迄今不但在起源、种类和用途等方面皆存在疑惑甚至空白，甚至连“冥币”的定义都不甚准确，故而值得重新商榷。

一、定义问题

有关冥币一系列问题的纠结点，或者说解决疑难的关钥或基石，实乃界定。也就是说，究竟何谓冥币？

1、工具书的定义

冥币，通称“冥宝”，亦称“冥钱”和“冥财”等。现有汉语辞书的阐释，几皆相同，并不准确。以较为权威的大型汉语工具书《汉语大词典》为例：

【冥宝】旧时祭祀鬼神所焚化的黄白纸锞，俗称纸元宝。……

【冥财】为鬼神或已殁之人焚化的纸钱、纸元宝。……

【冥纸】为鬼神或已殁之人焚化的纸钱。……

【冥钱】为亡人焚化的纸钱。……

【冥钞】为鬼神或已殁之人焚化的假纸币。……

【冥镪】指烧给死人用的纸钱。……

此外，还有“冥楮”等词语，义同。

上述意义皆为冥币的词语，其界定包括三个因素：纸质的假钱，称为“纸钱”、“黄白纸锞”、“假纸币”或“纸元宝”；使用对象，逝者或鬼神；使用方式，焚化。

这些词语的定义，根本无视了冥币在历史上不仅有纸质，还有土、木、布或丝绸、金、银和铜等质地，全然漠视了在出土丧葬物品、文献记载和现实生活中还普遍使用其他货币的事实。

显然，上述定义并不全面，并不准确，当然也不科学。

至于“纸锞”、“纸绽”、“纸元宝”、“纸钱”、“纸钱儿”、“黄锞”、“白锞”、“黄白纸锞”等称呼，也只是指称纸质冥币而已。“锡箔”，也是纸钱，只不过所用为锡纸而已。

“烧袱”一辞，则突出焚烧这一种冥币使用方法而已，而且所烧之“袱”既指冥币，也包括纸质或布质的衣服或其他物品。

“瘗钱”，仅指陪葬的钱币，与上述焚化之冥币有异。

“寓钱”，谓其性质乃假钱，非真钱。《汉语大词典》仍旧限定为纸质：

【寓钱】即纸冥钱。古时祭祀或丧葬时用圭璧币帛，祭毕埋在地下，因常被盗，其后或用范土为钱，以代真钱， 魏 晋 以后又改用纸钱。因以纸替代真钱，故称寓钱。……

纸冥钱，仅适合“纸铜钱”之类吧。

2、实际研究中的迷惑

在实际研究工作中，学者们对冥币的观念也跳不出上述窠巢。

古代或视冥币为明器，即随葬品。南宋赵彦卫《云麓漫钞》卷五：

古之明器，神明之也。今之以纸为之，谓之冥器，钱曰冥财。冥之为言，本于汉武纪。用冥羊马，不若用明字为近古云。

“明器”一辞，最早见于《礼记·檀弓》：“孔子谓为明器者，知丧道矣，备物而不可用也。……其曰明器，神明之也。涂车刍灵，自古有之，明器之道也。”然如前所述，冥币并不仅仅瘗埋于坟墓中。

当代的研究，如侯锦郎的专著，*Monnaies d offrande et la notion de tresorerie dans la religion chinoese*，虽然讨论的是 *Monnaies d offrande* 即祭祀钱（或译供奉钱、献祭钱），却也仅限于纸质质地和焚烧方式，其范围也只在台湾而已。

或仅局限于寓钱范围，称“在中国人的信仰世界里，阴间的鬼神也需要用钱，但是他们使用的不是阳间的真钱，而是冥币”。“冥币是流通货币的仿制品，而非流通货币埋葬于墓葬中（瘗钱），它不属于货币的范畴，但又被泉学界研究。……而冥币就是生者为逝者准备的在阴间使用的货币，冥币没有实用价值……”

上述有关冥币的认知，要皆着眼于其替代性质，故而亦或包括了土、石和木等质地，但多数仍聚焦于纸钱；使用方式，或包括了瘗埋，但又将墓葬中的真实货币排除在外。

现有的定义或观念，无视冥币的发展历程，无视墓葬出土冥币的整体性，也无视目前使用冥币的情况。

这当然是不对的。

我们认为，何为冥币，不能以材质或真假为准绳，而当以用途来判定；只要用于丧葬和祭祀，就是冥币。这才是冥币的本质。所以，冥币的较为准确的定义应该是：

用于陪葬或祭祀的真实或模拟货币。

二、演变问题

与现有视为假钱或多限于纸质不同，历史上的冥币不但经历了长期演变，其形态也是多姿多彩的。

1、冥币的起源

古时曾认为，瘗钱始于汉代。《新唐书》王玙传即云："为祠祭使。玙专以祠解中帝意，有所禳祓，大抵类巫觋。汉以来葬丧，皆有瘗钱。后世里俗稍以纸寓钱为鬼事。至是，玙乃用之。"既称"瘗钱"，所埋当为当时流通的钱币。

以钱币陪葬之因，唐封演《封氏闻见记》卷六"纸钱"条言："按，古者享祀鬼神，有圭璧币帛，事毕则埋之。后代既賫钱货，遂以钱送死。《汉书》称"盗发孝文园瘗钱"，是也。"是谓因珍视（"宝"）钱币，故以钱陪葬也。

封氏称瘗钱之前，所埋乃"圭璧币帛"即玉器缯帛；惟时代不详，仅言"古者"。

实际上，据考古发现，新石器时代的墓葬中已然出现了冥币。青海乐都柳湾墓地，即出土了石贝和骨贝。

唯此骨贝和石贝，皆当为当时实用货币，也属于"圭璧币帛"之类也。

商周时期，同样为流行货币的海贝大量出现，殷墟妇好墓随葬了6880多枚；

四川广汉三星堆二号祭祀坑中，也出土了4600多枚海贝；甚至还有其模仿品绿松石海贝和青铜海贝。这些少量的商代青铜海贝，价值比真海贝高，而且串在一起，装在青铜头像中，故而应该不用于日常交流，而是祭祀用品。

▲四川广汉三星堆出土的商代海贝和铜贝

三星堆的海贝，具有齿纹，称为“环纹货贝”（或白齿贝、金环宝螺），来自印度洋安达曼海域的暖水区。《大唐西域记》卷二：“若其金、银、鍮石、白玉、火珠，风土所产，弥复盈积；奇珍杂宝，异类殊名；出自海隅，易以求贸。然其货用，交迁有无，金钱、银钱、贝珠、小珠。”可见，即便在南亚次大陆，至迟到唐朝还是以白齿贝作为货币之一。

2、寓钱的出现

四川广汉三星堆出土的商代青铜海贝，虽然是海贝的模仿品，但却是用于祭祀场合，不能视为专门作为陪葬品而制作的寓钱。

战国开始，用泥陶或铜来制作寓钱，其形制略同于当时社会流通的货币。

较有特色的寓钱，为流行于四川及其周边地区的摇钱树上的钱币。其实就这种冥币本身而言，仅仅模仿当时铜钱而已，并无突出之处；其特色在于，一棵青铜树上悬挂了若干铜钱，树上还有中土本有的西王母和凤凰等形象，甚至来自南亚次大陆的佛陀形象。

▲四川绵阳发现的东汉何家山 1 号墓摇钱树（部分）

可能自东汉开始，有了纸质冥币。以后，纸质冥币遂逐渐占据了主流，直到今天。

至于冥币出现的原因，还值得讨论。

3、今天的紙质冥币

今天的纸质冥币，中国各地可能有异，但大体不差。

以四川地区为例：冥币以捆销售，每捆一百张或五十张不等。封面一张，纸张最好，印得也比较清楚、艳丽。其他张，用纸较劣，印得也模糊粗糙。另外，封面一张，背后一般空白；其他张，背面则有文字。

▲现在四川重庆使用的冥币之一：封面页和内页的正面之比较

▲现在四川重庆使用的冥币之二：内页的正面和背面

一般而言，冥币正面标注的发行银行为“天地通用冥币”，金额或同现实货币，或远远超过；头像，则为主管逝者的阎王。背面，注明乃“冥府纸币”、“天地通用纸币”，再印《钞票经》：

洋票要念小洋票经，张张洋票如文银。

洋票当中一尊佛，四四方方放光明。

五金山中尊菩提，知完大帝摩诃西。

南无阿弥陀佛。

值得注意的是，本世纪以来，还出现了模仿美圆的冥币，只是使用范围不广而已。

三、冥币的种类和使用问题

从冥币的演变可知，冥币其实包括了真实货币（实币）和模仿货币（寓币）两大类。在历代的墓葬中，也都有这两种存在。

当然，从唐代开始，纸质冥币渐次成为主流，这也是不争的事实。

不过，今天将冥币等同于纸质寓币的普遍认识，其实是错误的。

需要指出的是，冥币的使用，也远较现今的认知要宽广。

就逝者而言，从落气、葬祀和后来的祭奠，都需要使用。

此外，还可用于祭拜神灵。

今天，祭拜逝者主要有三个日子，这些时候可能会使用冥币：

1、农历春节。不同地区，具体时间有异。四川地区，一般是除夕午饭以后，天黑之前。一般需要焚烧纸质冥币。

2、清明节。四川地区，在坟上“挂青”，一般不用冥币。但也不一定。

3、逝者忌日，即其逝世那一天。可能用冥币。

【参考文献目录】

Hou Ching-lang. Monnaies d’offrande et la notion de trésorerie dans la religion chinoise. Paris: Collège de France, Institut des hautes études Chinoises, 1975.

高楠顺次郎、渡边海旭、小野玄妙等编：大正新脩大藏经 [*Такакусу Дзюндзиро, Ватанабэ Кайкёку* и др. (ред.). Заново отредактированная Трипитака годов Тайсё]. 东京：大正一切经刊行会，1924—1934年.

Искусство, музыка, театр

DOI: 10.48647/ICCA.2026.39.31.047

Е.А. Вострикова
НИИ теории и истории изобразительных искусств
Российской академии художеств

Творчество Чон Ёнмана: художник в идеологическом пространстве КНДР

Аннотация. В докладе будут представлена реконструкция биографии Чон Ёнмана (정영만, 1938—1999), одного из наиболее влиятельных мастеров северокорейской живописи второй половины XX в., проведен анализ творческого наследия художника. Чон Ёнман показан не только как канонизированная фигура официального искусства КНДР, но и как живописец с ярко выраженной индивидуальной творческой стратегией. Прослеживаются основные этапы профессиональной карьеры Чон Ёнмана, анализируются особенности художественного метода мастера и его стилистическая эволюция.

Творчество Чон Ёнмана рассматривается как значимый феномен северокорейской художественной культуры, позволивший существенно расширить выразительные возможности направления *чосонхва* (национальной корейской живописи, продолжающей классическую традицию) в условиях жестко регламентированной идеологической системы. Источниковедческую базу исследования составили более восьмидесяти произведений художника. В презентации будут показаны ключевые произведения живописца, посвященные идеологической тематике и образам вождей, а также пейзажи. Особое внимание уделено идеологическому и символическому содержанию пейзажа.

Ключевые слова: Чон Ёнман, живопись, *чосонхва,* КНДР, идеология.

Ekaterina Vostrikova
Research Institute of Theory and History of Fine Arts,
The Russian Academy of Arts

The Art of Chŏng Yŏngman: An Artist in the Ideological Space of the DPRK

Abstract. The presentation offers a reconstruction of the biography and an analysis of the artistic legacy of Chŏng Yŏngman (정영만, 1938—1999), one of the most influential figures in North Korean painting of the second half of the twentieth century. Chŏng Yŏngman is examined not only as a canonized representative of the DPRK's official art, but also as a painter with a clearly articulated individual creative strategy.

Key works by the artist are discussed, including paintings devoted to ideological themes, representations of the leaders, and landscape compositions. Particular attention is paid to the ideological and symbolic dimensions of landscape imagery. Chŏng Yŏng-man's oeuvre is considered a significant phenomenon in North Kore-

an artistic culture, one that substantially expanded the expressive possibilities of *chosŏnhwa* (the national form of Korean painting rooted in the classical tradition) within a strictly regulated ideological system. The study is based on an analysis of more than eighty works by the artist. The presentation traces the main stages of his professional career and analyzes the distinctive features of his artistic method as well as the evolution of his style.

Keywords: Chŏng Yŏngman, painting, c*hosŏnhwa*, DPRK, ideology.

Чон Ёнман родился 5 декабря 1938 г. в семье рабочего, в городе Вонсан провинции Канвондо, с 1955 по 1962 г. учился в Пхеньянском институте изобразительных искусств. Художественное направление, которому посвятил себя живописец, в КНДР называется *чосонхва* (조선화, дословно «корейская живопись»), оно развивает национальную классическую традицию.

Дипломная работа Чон Ёнмана «Великий вождь товарищ Ким Ирсен делает первый взмах лопатой на месте работ по изменению русла реки Потхонган» (보통강개수공사장에서 첫삽을 뜨시는 위대한 수령 김일성동지, 1962) стала знаковой: молодой художник первым обратился к изображению вождя, в направлении *чосонхва*, продемонстрировав, что тушь и минеральные пигменты способны конкурировать с масляной живописью в особом жанре *ёнсан чакпхум* (영상작품).

С самого начала творческой деятельности Чон Ёнман проявил редкую для начинающего мастера стилистическую гибкость, работая как с фигуративными, так и с пейзажными композициями. Уже в середине 1960-х гг. он создал произведения «Кымгансан» (금강산, 1966) и «Феникс» (불사조, 1966), вошедших в «золотой фонд» северокорейской живописи. Горы Кымгансан стали для художника не только постоянным мотивом, но и важной частью личной и художественной идентичности, что отразилось в его творческом псевдониме — Кымганбом (금강범), «Тигр Кымгансана».

Уже в 1963 г. Чон Ёнман был избран членом Секции корейской живописи *чосонхва* Союза художников Кореи, в 1966 г. — стал членом Центрального и Исполнительного комитета Союза.

С начала 1970-х гг. в живописи Чон Ёнмана помимо Ким Ирсена появляется Ким Ченир, формируется его образ «как единственного преемника дела чучхеской революции» [정영만과 2000, 120]. Показательны работы «Великий руководитель товарищ Ким Ченир на холме Мансудэ» (만수대언덕에서 계시는 위대한 령도자 김정일동지, 1973), «Великий руководитель товарищ Ким Ченир посещает землю Кансона» (강선땅을 찾으신 위대한 령도자 김정일동지, 1974 г.), «Великий вождь и дорогой руководитель на озере Чхончи горы Пэктусан» (백두산천지에 계시는 위대한 수령님과 친애하는 지도자동지, 1975) и др.

Кульминацией этого творческого этапа стала картина «Вечерняя заря над Кансоном» (강선의 저녁노을, 1973), в которой пейзаж без стаффажа приобрел самостоятельную политико-идеологическую функцию. Это произведение радикально расширило выразительные возможности жанра, утвердив пейзаж как полноценного носителя идеологического посыла. За достижения в области *чосонхва* в 1974 г. Чон Ёнман был удостоен звания Заслуженного художника, в 1978 г. — назначен главой Творческого сектора 2.16 отдела *чосонхва* Творческого объединения Мансудэ.

Во второй половине 1970-х годов Чон Ёнман активно экспериментировал с техникой, в том числе с «бескостной» живописью, уделяя особое внимание световоздушным эффектам и динамике мазка. Примером может служить картина «Товарищ Ким Ирсен, Верховный Главнокомандующий, отвечает на горячий привет бойцов отрядов, перешедших в повторное наступление» (재진격하는 부대들의 환호에 답례하시는 최고사령관 김일성동지, 1978) [리재현 1999, 652].

Творческий метод Чон Ёнмана основывался на исключительной концентрации, внутренней мобилизации и созерцательном наблюдении природы. Уже в 1979 г. за заслуги в развитии корейской живописи Чон Ёнману было присвоено звание Народного деятеля искусства.

В 1980-х гг. художник продолжал писать идеологические картины: «Великий вождь Ким Ирсен и великий руководитель Ким Ченир, взошедшие на гору Пэктусане к озеру Чхонджи» (백두산천지에 오르신 위대한 수령 김일성동지와 위대한 령도자 김정일동지, 1983), «Съезд славы» (영광의 대회, 1985) и др. Также он постоянно создавал пейзажи. Особого внимания заслуживает работа «Кымгансан» (금강산, 1989), демонстрирующая смелые композиционные решения, усиление драматизма и элементы условной абстракции, что особенно примечательно в условиях жестко регламентированного идеологического пространства КНДР. Творчество Чон Ёнмана отличает редкое сочетание технического совершенства, художественной дерзости и внутренней свободы.

Стоит отметить еще один крупномасштабный проект «Международный марш мира» (국제평화대행진, 1989) — картину, состоящую из четырех частей. Произведение было создано коллективом художников Творческого объединения Мансудэ по замыслу Чон Ёнмана и под его руководством. На огромном бумажном полотне длиной 40 м, шириной 3 м изображено свыше 2200 персонажей [인민의 수령 1984, 86].

В 1989 г. Чон Ёнман был назначен заместителем начальника Творческого отдела Мансудэ, в этом же году он был удостоен почетной Премии имени Ким Ирсена. В 1990 г. мастера избрали председателем Центрального комитета Союза художников Кореи, а в 1991 г. за заслуги в творчестве он был удостоен звания Героя Труда. В 1990-е гг. художник выступал активным пропагандистом и проводником партийной линии в облас-

ти живописи. В 1997 г. Чон Ёнман был удостоен звания Дважды Героя Труда.

Сведения об участии художника в международных проектах крайне ограничены. Однако известно, что в 1995, 1996 и 1998 гг. Чон Ёнман принимал участие в художественных выставках, проходивших в Японии. В апреле 1998 г. там же состоялась его персональная выставка. Среди экспонировавшихся работ «Скалы пика Пиробон в Кымгансане» (금강산 비로봉의 너럭바위, 1997), «Скала Чансучхан в Кымгансане» (금강산 장수창바위, 1997), в них последовательно развиваются самобытные художественные приемы, разработанные мастером, до совершенство отточен так называемый «метод рисования скал Чон Ёнмана».

В КНДР к числу признанных шедевров также относят две поздние работы «Восход солнца над горой Пэктусан» (백두산의 해돋이, 1998) и «Красный закат над озером Чхонджи на горе Пэктусан» (백두산천지의 붉은 노을, 1998). Обе картины были созданы группой художников под руководством и при непосредственном участии Чон Ёнмана и опирались на его замысел и эскизы.

Умер Чон Ёнман 17 июня 1999 г. По распоряжению Ким Ченира он был похоронен на Кладбище патриотов. По его же инициативе уже в сентября 1999 г. в Пхеньяне прошла большая выставка работ Чон Ёнмана, к 2000 г. подготовлен и опубликован альбом «Чон Ёнман и его творчество» [정영만과 2000].

Можно утверждать, что художник сыграл исключительную роль в развитии *чосонхва*, оказав огромное влияние на формирование современной северокорейской живописной школы. На протяжении более чем трех десятилетий он оставался одной из ее центральных фигур, а масштаб созданного им наследия и новаторский характер художественного метода позволяют рассматривать Чон Ёнмана как одного из наиболее значимых мастеров корейской живописи XX в.

Библиографический список

리재현. 조선력대미술가편람 [*Ли Дзэхён*. Антология деятелей искусства Кореи]. — 평양: 문학예술종합출판사, 1999. 647 쪽.

인민의 수령. 위대한 수령 김일성동지의 탄생 70 돐경축 국가미술전람회 작품집. [Вождь народа. Альбом произведений Национальной художественной выставки, посвященной семидесятилетию со дня рождения Великого вождя товарища Ким Ирсена]. 평양: 외국문출판사, 1984. 159 쪽.

정영만과 그의 창작. [Чон Ёнман и его творчество]. 평양: 문학예술종합출판사, 2000. 139 쪽.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.60.34.048

А. И. Донченко
ИКСА РАН

Об истории развития Бейпинского художественного училища

Аннотация. В начале XX века, когда в китайском обществе происходило резкое столкновение старой и новой культур, возникла необходимость реформирования образования в сфере изобразительного искусства. В апреле 1918 г. под влиянием образовательной концепции Цай Юаньпэя (1868—1940), в которой он призывал заменить религию эстетическим воспитанием, было открыто Бейпинское художественное училище, ставшее первым в Китае государственным художественным учебным заведением.

В докладе будут рассмотрены основные этапы развития Бейпинского художественного училища: ранний — с 1918 по 1928 гг., средний — с 1928 по 1945 гг. и поздний с 1945 по 1949 гг., а также роль первого директора этого учебного заведения художника Чжэн Цзиня в формировании новой системы художественного образования Китая. На протяжении трёх периодов истории Бэйпинского художественного училища сосуществовали и конфликтовали два фундаментальных подхода к развитию китайской живописи. Сторонники первого считали, что живопись *гохуа* является прогрессивным направлением искусства и её путь обновления лежит через изучение наследия древних и использование лучшего. Противники этой теории выступали за так называемый «реализм», исходивший из тезиса об упадке китайской национальной живописи и предлагавший реформу через синтез с западной академической традицией.

Ключевые слова: китайской искусство, китайская живопись, китайская культура, живопись, художественное образование.

A.I. Donchenko
ICCA RAS

On the history of the development of the Beiping Art School

Abstract. In the early 20th century, when Chinese society witnessed a sharp clash between old and new cultures, the need for reforming education in the field of fine arts arose. In April 1918, influenced by the educational concept of Cai Yuanpei (1868—1940), in which he advocated replacing religion with aesthetic education, the Beiping Art School was established, becoming China's first public art educational institution.

The report examines the main stages of development of the Beiping Art School: the early period (1918—1928), the middle period (1928—1945), and the

late period (1945—1949), as well as the role of the school's first director, the artist Zheng Jin, in shaping China's new system of art education. Throughout these three periods in the history of the Beiping Art School, two fundamental approaches to the development of Chinese painting coexisted and conflicted. Proponents of the first believed that guohua (traditional Chinese painting) is a progressive direction in art and that its path to renewal lies in studying the heritage of the ancients and making use of the best elements. Opponents of this theory advocated so-called 'realism,' which proceeded from the thesis of the decline of Chinese national painting and proposed reform through synthesis with the Western academic tradition.

Keywords: Chinese art, Chinese painting, Chinese culture, painting, art education.

В начале XX века в китайском обществе происходило резкое столкновение старой и новой культур. На фоне происходивших изменений создание Бейпинского художественного училища, предшественника Центральной академии изящных искусств, стало важной вехой в процессе формирования новой системы художественного образования и развития национальной живописи. В истории развития Бейпинского художественного училища можно выделить три периода: ранний, средний и поздний.

Ранний этап развития продолжался около десяти лет, с 1918 по 1928 г., и его можно охарактеризовать как «золотой век» преподавания, где бок о бок работали мастера традиционной китайской живописи и художники-новаторы, получившие образование на Западе и в Японии.

В 1918 г. было официально создано первое в Китае государственное художественное учебное заведение — Бейпинское художественное училище. Его основателем и первым директором стал легендарный для того времени художник и преподаватель Чжэн Цзинь (1883—1959). Он родился в 1883 г. в уезде Сяншань (ныне город Чжуншань, провинция Гуандун) в семье профессиональных художников. В период с 1908 по 1912 гг. проходил обучение в Японии в Киотской специализированной школе живописи, где изучал технику японской живописи *нихонга*, специализируясь на изображении фигур и достигнув глубокого мастерства в стиле академической живописи эпох Северная Сун и Южная Сун. Его картины, как правило, были основаны на сюжетах древних стихотворений, среди наиболее известных можно отметить «Песнь о Си Ши» и «Ян Гуйфэй». В 1913 г. картина «Изящная и стройная» была отобрана для участия в престижной японской выставке Бунтэн, организованной Министерством образования Японии. Чжэн Цзинь стал первым китайским художником, принявшим участие в этом значимом событии и получившем признание в Японии. В 1914 г. он вернулся в Китай и поступил на службу в Министерство образования.

С 1917 г. в Министерстве образования началась работа по созданию первой в Китае национальной художественной школы, и уже тогда кан-

дидатура 34-летнего Чжэн Цзиня была отобрана на пост директора. Несмотря на то, что китайская национальная живопись имеет долгую историю, формального и систематического художественного образования никогда не существовало. Чжэн Цзинь, которому предстояло возглавить художественное училище нового типа, снова отправился в Японию, чтобы более глубоко изучить опыт преподавания изобразительного искусства. Он посетил различные художественные школы, где подробно ознакомился с оборудованием классов и методиками обучения, собрал информацию об организации учебного процесса, разработал программу курсов и систему зачисления.

Официальное открытие Бейпинского художественного училища состоялось 15 апреля 1918 г. Изначально это было учебное заведение среднего профессионального образования с отделениями живописи и прикладного искусства. Чжэн Цзинь руководил школой в течение почти 7 лет, с момента её основания в 1918 г. до 1924 г., что делает его рекордсменом по продолжительности пребывания в должности среди всех руководителей этого учебного заведения до переименования в Центральную академию изящных искусств в 1950 г. Многие его ученики стали известными художниками и вошли в историю китайской живописи, например Лю Кайцю и Ли Кучан. Чжэн Цзинь считал, что образование должно быть доступно каждому, независимо от его классовой принадлежности.

Это был период не только творческого подъёма, но и серьёзных вызовов. Преподаватели и студенты находились в эпицентре интеллектуальных баталий между сторонниками чистого сохранения традиций живописи *гохуа* и теми, кто призывал к радикальным реформам на основе западных методов и выступал за спасение китайской живописи через реализм. Эти разногласия внутри коллектива, усугублявшиеся хронической нехваткой финансирования и задержкой жалования до полугода, в итоге привели к отставке первого ректора Чжэн Цзиня в 1924 г. После 1949 г. художник переехал в Макао, где продолжал творческую деятельность вплоть до своей кончины в 1959 г.

Под руководством Чжэн Цзиня училище стало важным центром модернизации китайского художественного образования, сочетая традиционные китайские методы с опытом зарубежных, преимущественно японских, художественных школ. В 1922—1925 гг. статус училища был повышен до высшего учебного заведения и произошло разделение на факультеты китайской национальной живописи, западной живописи и прикладного искусства. Это стало началом создания первого в Китае факультета китайской живописи в системе высшего образования.

Средний период развития Бейпинского художественного училища, с 1928 по 1945 гг., охватывает драматичные годы Японо-китайской войны (1937—1945). Художественное училище, бывшее эпицентром культур-

ных баталий 1920-х гг, оказалось расколотым физически и идейно. Этот период также стал временем, когда волна художественного образования за рубежом достигла пика, а затем постепенно пошла на спад в годы Второй мировой войны. В отсутствие активного обмена с Западом и югом страны, художники обратились внутрь традиции. Основная тенденцией развития творчества известных художников данного этапа заключалась в опоре на ценность и знание китайской живописи, следовании высшим образцам, углублённом изучении традиций, переоткрытии классического наследия, исчерпывающем постижении изменчивости природы, преображении древности в новое качество и создании собственных школ.

Поздний период приходится на время с 1945 по 1949 гг. В этот период Сюй Бэйхун, движимый идеей «создать левую школу», привлекал учеников, приглашал известных мастеров, обновлял преподавательский состав и активно пропагандировал реализм, который он считал знаменем китайского Возрождения. Он активно продвигал академический рисунок как основу для формирования художественного мастерства и проводит кадровую реформу, делая реализм доминирующей силой.

На протяжении трёх периодов истории Бэйпинского художественного училища (1918—1949) сосуществовали и конфликтовали два фундаментальных подхода к развитию китайской национальной живописи: первый — опора на традиционность в процессе обновления и второй — реформирование через синтез с западной академической традицией. Победа реализма в училище и его последующее доминирование в китайском искусстве после 1949 г. не означают культурно-ценностного превосходства этого подхода. С теоретической точки зрения, обе логики являются разными, но равноправными формами китайского модернизма. Реализм представляет собой модернизм, ориентированный на социальный и патриотический запрос и использующий западные инструменты. Школа китайской живописи — подлинно автономный модернизм, разворачивающий традицию изнутри и обновляющийся через диалог с древностью.

Библиографический список

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том. Т. 3: Литература. Язык и письменность; Т. 6: Искусство / гл. ред. М.Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2008, 2010.

Т. А. Пострелова. Творчество Сюй Бэйхуна и китайская художественная культура XX в. М.: Издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1987.

Ван Лун. Мой дед по материнской линии — Чжэн Цзинь. URL: //www.chinaqw.com/node2/node2796/node2883/node3178/node3481/userobject6ai248942.html (accessed: 2.03.2026).

Ли Шуожу. Блеск, сметенный пылью: человек и творчество Чжэн Цзиня, мастера своего поколения. URL: //www.cflac.org.cn/ysb/2010-09/14/content_20891687.htm (accessed: 19.02.2026).

Чжан Тао. Краткое исследование творчества Ци Байши и Бэйпинской художественного училища. URL: //www.cafamuseum.org/exhibit/newsdetail/2206 (accessed: 21.03.2026).

Чжэн Цзинь. Мастер живописи и важный пионер современного художественного образования в Китае. URL: //baijiahao.baidu.com/s?id=1647722353726678705&wfr=spider&for=pc (accessed: 14.03.2026).

DOI: 10.48647/ICCA.2026.33.83.049

Кисеева Е.В., Аксайскова Е.О.
Ростовская государственная консерватория
им. С. В. Рахманинова,
Академия архитектуры и искусств
Южного федерального университета

Синтез западных и восточных традиций в нелитургическом пассионе начала XXI века

Аннотация. В конце XX — начале XXI века в нелитургическом пассионе проявилась тенденция к обновлению жанра, происходящая в том числе благодаря соединению западной и восточной традиций. Процесс развития жанра ознаменовался поиском точек соприкосновения между христианством, иудаизмом, буддизмом. Освальдо Голихов, Филип Гласс, Тан Дун и другие композиторы использовали в своих сочинениях сложный жанровый синтез, обусловивший появление новых музыкально-драматургических и композиционных закономерностей. Доклад посвящен осмыслению обозначенной тенденции и рассмотрению в качестве примеров произведений *The Passion of Ramakrishna* Ф. Гласса, *Water Passion After St. Matthew* и *Buddha Passion* Тан Дуна, в которых наряду с узнаваемыми чертами жанровой модели западноевропейского пассиона, воплотились элементы индийской раги, мантры, китайской драмы *цзинцзюй,* выраженные в поэтическом и музыкальном языках.

Ключевые слова: нелитургический пассион, жанровая трансформация.

Elena V. Kiseyeva, Ekaterina O. Axayskova
S. Rachmaninov Rostov State Conservatory,
Academy of Architecture and Fine Arts
of Southern Federal University

Synthesis of western and eastern traditions in the non-liturgical passion of the early 21th century

Abstract. At the end of the 20th and the beginning of the 21st century, the non-liturgical Passion revealed a tendency toward genre renewal, occurring in part through the fusion of Western and Eastern traditions. The development of the genre was marked by a search for points of contact between Christianity, Judaism, and Buddhism. Osvaldo Golijov, Philip Glass, Tan Dun, and other composers employed complex genre synthesis in their works, which led to the emergence of new musical-dramatic and compositional patterns. This paper examines the aforementioned tendency and discusses, as case studies, Philip Glass's *The Passion **of** Ramakrishna***,*** Tan Dun's *Water Passion After St. Matthew* and *Buddha Passion*, in which, alongside recognizable features of the Western European Passion genre

model, elements of Indian raga, mantras, and Chinese Peking opera (jingju) are embodied in both poetic and musical languages.

Keywords: non-liturgical Passion, genre transformation.

Западноевропейский пассион за свою историю прошел сложный путь преобразований, связанных с его нелитургической разновидностью, сформировавшейся в эпоху Барокко и оказавшейся востребованной в начале XXI века, когда обнаруживаются несколько линий развития жанра. Одна из них, представленная в творчестве К. Пендерецкого, А.А. Пярта, В. Рима, характеризуется стремлением к сохранению христианских смыслов при обновлении стилистическом. Другая предполагает объединение различных религиозных воззрений. А.Л. Ларин, С.А. Губайдулина, О. Голихов, создавая оригинальные произведения с сакральной составляющей, выступают в роли «теологов». Третью линию, сопряженную с трансформацией исторической модели, демонстрируют работы Л. Андриссена, Ф. Гласса, Тан Дуна, К. Саариахо, В.С. Ходоша. Композиторы отказываются от Страстного сюжета, обращаются к светским либо к иудаистским, индуистским, буддийским сакральным источникам, при этом концептуализируя идею страданий и выстраивая ассоциативный ряд с Евангельской историей. В их *quasi*-пассионах представлено сохранение жанровой оболочки при деконструкции содержательной и структурной основы (об архетипе пассиона см.: [Pay 2013, 90—91]).

Радикально новая интерпретация пассиона в творчестве Ф. Гласса и Тан Дуна предполагает соединение европейской и восточной традиций, на что указывает жанровый синтез и языковые особенности. В *The Passion of Ramakrishna* Ф. Гласса христианский пассион переведен в плоскость индуизма, а каноническое Евангелие заменено бенгальским религиозным трактатом. Драматургические события помещены в структуру, близкую мотетным пассионам с включением элементов индийской раги. В *Water Passion After St. Matthew* Тан Дун применил принцип контаминации текстов, соединив религиозные источники разных конфессий (Евангелия от Матфея, Луки, Иоанна и строки из Мегилат Коэлет) и фрагменты философского трактата «Кун-цзы цзя юй». Свободная работа с текстами способствует новому взгляду на историю Христа, которая оказывается созвучна учениям о цикличности бытия (подробнее о работе с текстами см.: [Аксайскова 2026, 45—46]). В музыке на пассион накладываются черты оперной драматургии, китайской драмы *цзинцзюй*, иудейской танцевальной традиции. В *Buddha Passion* Тан Дуна христианский нарратив сменяется буддийским. Композитор, выстраивая ассоциативные связи между Буддой и Иисусом, а также соединяя европейский пассион с буддийскими религиозными песнопениями и пекинской драмой, акцентирует идеи сострадания, самопожертвования и создает универсальное послание.

Слияние в нелитургическом пассионе западных и восточных художественных и религиозно-философских традиций способствует преодолению его конфессиональных и культурных границ, расширению смыслового поля, что дает возможность рассматривать жанр с позиции мировоззренческого «универсализма». Всплеск интереса к пассиону в начале XXI века связан с социокультурной ситуацией. Среда бытования создала запрос на жанр, способный вместить коллективное переживание страдания и подчеркнуть важность сострадания.

Библиографический список

Аксайскова Е.О. Особенности композиторской работы с текстами в либретто *Water Passion After St. Matthew* Тан Дуна (к проблеме трактовки пассионного жанра) // Южно-Российский музыкальный альманах. 2026. № 1. С. 43—51.

Pay E.P. Пассионы: история и черты жанрового архетипа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 162. С. 87—92.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.75.85.050

Ю.П. Медведева
Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки

Восток и Запад в опере Брайта Шенга «Сон в красном тереме»

Аннотация. «Сон в красном тереме» — самая известная опера современного китайского композитора Брайта Шенга (Шэн Цзунлян 盛宗亮, р. 1955). Созданная по знаменитому произведению китайской классической литературы — роману Цао Сюэциня, она была изначально адресована американской публике.

Анализ содержания, драматургии и музыкального языка оперы показывает, что композитор объединяет традиции Востока и Запада. Сюжет романа в либретто значительно сокращен и трансформирован в соответствии с эстетикой западного музыкального театра, ведущую роль в опере играет лирическая линия. В жанровом отношении «Сон в красном тереме» ориентирован на традиции «большой» французской романтической оперы.

В музыке китайский колорит воссоздан за счет включения в партитуру национальных инструментов, использования пентатонических ладов и традиционных ритмоформул, цитирования фольклорных напевов. В то же время Шенг широко использует и привычные для западной публики средства обобщенного музыкального ориентализма. Вокальные партии написаны в традициях европейской кантилены, ряд сцен переосмыслен в духе знаменитых оперных образцов (в частности, сон Баоюя напоминает сцену в Венерином гроте). Композитор вводит в партитуру и цитату из европейской классической музыки: «ритм судьбы» из 5 симфонии Бетховена.

Балансирование автора между традициями Востока и Запада приводит в финале к стиранию границ между ними — и именно эти моменты «Сна в красном тереме» наиболее убедительны в художественном отношении.

Ключевые слова: Брайт Шенг, «Сон в красном тереме», Китай в музыке, современная опера.

Yulia P. Medvedeva
Nizhny Novgorod State Conservatory named Glinka, Nizhny Novgorod, Russia

East and West in Bright Sheng's opera “Dream of the Red Chamber”

Abstract. “Dream of the Red Chamber” is the most famous opera by contemporary Chinese composer Bright Sheng (Sheng Zongliang 盛宗亮, b. 1955). Based on a celebrated work of Chinese classical literature, the novel by Cao Xueqin, it was originally intended for an American audience.

An analysis of the opera's content, dramaturgy, and musical style reveals that the composer combines Eastern and Western traditions. The libretto's novel's plot is significantly shortened and transformed to suit the aesthetics of Western musical theater, with lyrical themes playing a leading role. Genre-wise, “Dream of the Red Chamber” draws on the traditions of “grand” French romantic opera.

The music recreates Chinese flavor through the inclusion of national instruments, the use of pentatonic modes and traditional rhythmic formulas, and the citation of folk chants. At the same time, Sheng also makes extensive use of the devices of generalized musical orientalism familiar to Western audiences. The vocal parts are written in the tradition of European cantilena, some scenes are reinterpreted in the spirit of famous operatic examples (in particular, Baoyu's dream is similar to the scene in the Venus Grotto). The composer also introduces a quotation from European classical music into the score: the “rhythm of fate” from Beethoven's Fifth Symphony.

The composer's balancing act between Eastern and Western traditions leads to a blurring of the boundaries between them in the finale — and it is precisely these moments in “Dream of the Red Chamber” that are most artistically compelling.

Keywords: Bright Sheng, “Dream of the Red Chamber”, China in Music, Contemporary Opera.

Брайт Шенг (Шэн Цзунлян 盛宗亮, p. 1955) — один из крупнейших современных китайских композиторов. Свою задачу в музыке он определяет как «истинное слияние» Востока и Запада и стремление «объединить обе культуры» [Bruce Duffie 2021]. Самая знаменитая опера Шенга — «Сон в Красном тереме» на либретто Дэвида Генри Хвана при участии композитора — создана в 2016 г. в США по классическому роману Цао Сюэциня (1791). Анализ содержания, драматургии и музыкального языка оперы показывает, что, несмотря на выбор сюжета из китайской классической литературы, композитор объединяет здесь традиции Востока и Запада, в равной мере обращаясь как к китайской, так и к западной публике.

Сюжет грандиозного романа-эпопеи в либретто значительно сокращен и трансформирован в соответствии с традициями западного музыкального театра: вперед выходит трагедия неосуществившейся любви Баоюя и Дайюй и возвышенная лирика женских образов. По словам композитора, здесь «трагедия должна быть не только пронзительной, но и прекрасной, вызывающей слезы» [盛宗亮, 4]. В жанровом отношении «Сон в красном тереме» ориентирован на традиции «большой» французской романтической оперы: масштабность, показ любовной истории в историческом антураже, наличие лейтмотивов и широко выписанные хоровые и балетные сцены.

Китайский колорит воссоздан в музыке оперы очень тщательно. Прежде всего, он ощущается за счет яркой оркестровки, включающей

звучания китайских национальных инструментов. Соло гуциня выступает в опере как символ возвышенных стремлений и высокой культуры чувств влюбленной пары — Баоюя и Дайюй. Большую роль в музыкальной ткани играют китайские пентатонические лады, ритмические паттерны пекинской оперы и цитаты фольклорных напевов [Цуй Шо 2025, 18].

В то же время Шенг широко использует и привычные для европейской публики средства обобщенного музыкального ориентализма: изысканно-орнаментальный рисунок мелодии, остинатные ритмические и гармонические комплексы, тембр флейты, со времен Моцарта являющийся символом экзотического мира. Вокальные партии «Сна в красном тереме» написаны в традициях европейской кантилены, главный герой, по замыслу Шенга, — «тенор в стиле Россини» [盛宗亮, 4]. Метафорический, философски насыщенный сон Баоюя превращается в опере в балетную сцену, напоминающую вакханалию в гроте Венеры из «Тангейзера» Вагнера. Композитор вводит в партитуру и цитату из европейской классической музыки: «ритм судьбы» из 5 симфонии Бетховена, сопровождающий появление во 2 сц. II д. Госпожи Ван — матери Баоюя, разлучающей влюбленных. Очевидно, что композитор целенаправленно стремится приблизить события великого классического романа к музыкальным представлениям и слуховому опыту западной публики.

Балансирование автора между традициями Востока и Запада приводит в финале к стиранию границ между ними — и именно эти моменты «Сна в красном тереме» наиболее убедительны в художественном отношении. Соединяя традиции различных культур и эпох, Брайт Шенг создает яркое, убедительное и остро современное оперное целое.

Библиографический список

Цуй Шо. Кросскультурные коннотации в оперном творчестве Брайта Шенга. Автореф. дисс. ... канд искусствов. СПб., 2025.

Duffie, Bruce. Composer Bright Sheng. Two Conversations with Bruce Duffie. 2021. URL: https://www.bruceduffie.com/brightsheng.html (дата обращения: 26.03.2026).

盛宗亮。歌剧《红楼梦》的诞生 [*Брайт Шенг*: композитор, дирижер и пианист], pp. 1—6. URL: https://brightsheng.com/articles/essayfilesbybs/%E7%BC%96%E5%89%A7%E5%88%9D%E8%A1%B73.pdf

DOI: 10.48647/ICCA.2026.15.92.051

陈曼蓉
四川省文史研究馆

中国传统工笔画在中国非遗蜀绣中的运用与创新

摘要: 蜀绣作为中国四大名绣之一，也是国家级非物质文化遗产，其技艺体系深受中国传统绘画，尤其是工笔画的影响。本文旨在探讨中国传统工笔画在蜀绣中的具体运用，分析二者在“以线造型、随类赋彩、意境营造”等方面的审美共性。同时，结合当代非遗保护的语境，本文进一步论述了蜀绣在题材拓展、针法改良及材料革新等方面对工笔画范式的突破与创新。研究表明，蜀绣并非对工笔画的简单复刻，而是在汲取其美学内核的基础上，通过刺绣语言实现了从“画意”到“绣境”的艺术转化，为传统工艺的当代传承提供了重要范式。

关键词: 蜀绣; 非物质文化遗产; 中国传统工笔画; 技艺融合; 艺术创新.

Chen Manrong
Sichuan Provincial People's Government Institute of Culture and History

Application and innovation of traditional Chinese fine brushwork painting in China's Intangible Cultural Heritage — Shu embroidery

Abstract. As one of China‘s four most famous embroidery styles and a national intangible cultural heritage, Shu embroidery’s technical system has been profoundly influenced by traditional Chinese painting, particularly by *gongbi* (meticulous brushwork). This paper aims to explore the specific application of traditional Chinese *gongbi* painting in Shu embroidery and to analyze their aesthetic commonalities in aspects such as “line-based shaping, color application following classification, and the creation of artistic conception.” Furthermore, within the context of contemporary intangible cultural heritage protection, this paper further discusses Shu embroidery’s breakthroughs and innovations in terms of subject matter expansion, stitching techniques, and material improvements, moving beyond the paradigm of *gongbi* painting. The research indicates that Shu embroidery is not a simple replica of *gongbi* painting; rather, by absorbing its aesthetic core, it achieves an artistic transformation from “painting conception” to “embroidery realm” through the language of stitching, thereby providing an important paradigm for the contemporary transmission of traditional crafts.

Keywords: Shu embroidery; intangible cultural heritage; traditional Chinese *gongbi* painting; integration of techniques; artistic innovation.

一、引言

中国传统工笔画讲究“尽其精微”，以工整细密的笔法描绘物象，追求形神兼备;而蜀绣(四川刺绣)则以针代笔、以线为墨，通过独特的丝理变化呈现物象质感。二者虽属不同的艺术门类，但在视觉呈现与审美逻辑上具有高度的同源性。自宋代以降，随着文人画的兴起及画绣的流行，蜀绣大量借鉴工笔画的稿本，形成了“绣画结合”的独特风格。然而，在当代非遗保护与创新的背景下，蜀绣若仅停留于对工笔画原作的模仿，则难以满足时代审美需求。因此，深入研究蜀绣如何“运用”工笔画传统，并在此基础上实现“创新”，具有重要的理论与应用价值。

二、中国传统工笔画在蜀绣中的核心运用

(一)以线为骨:工笔线条与蜀绣针法的同构

工笔画的核心是“骨法用笔”，强调线条的力度、节奏与韵律。蜀绣中的“晕针”“铺针”“滚针”等核心针法，本质上是对毛笔笔触的模拟与转化。例如，在绣制人物衣纹或花卉枝干时，蜀绣采用“齐针”勾勒轮廓，追求如同白描般流畅、挺拔的线条效果。通过控制丝线的粗细与捻度，蜀绣能够再现工笔画中“钉头鼠尾”“高古游丝”等不同描法的神韵。

(二)随类赋彩:工笔设色与蜀绣色级的对日

工笔画讲究“随类赋彩”，注重色彩的层次与过渡。蜀绣利用蚕丝天然的光泽感，通过“丝理转折”产生的折光变化来替代颜料调和。具体表现为:借鉴工笔分染、罩染的技法逻辑，蜀绣发展了“丝丝理”与“车拧针”。在绣制花瓣或山石时，通过不同色级的丝线层层叠加，形成由深至浅的自然晕染，实现如工笔画中“三矾九染”般的细腻色彩效果。

二、中国传统工笔画在蜀绣中的核心运用

(一)以线为骨:工笔线条与蜀绣针法的同构

工笔画的核心是“骨法用笔”，强调线条的力度、节奏与韵律。蜀绣中的“晕针”“铺针”“滚针”等核心针法，本质上是对毛笔笔触的模拟与转化。例如，在绣制人物衣纹或花卉枝干时，蜀绣采用“齐针”勾勒轮廓，追求

如同白描般流畅、挺拔的线条效果。通过控制丝线的粗细与捻度，蜀绣能够再现工笔画中“钉头鼠尾”“高古游丝”等不同描法的神韵。

(二)随类赋彩:工笔设色与蜀绣色级的对日

工笔画讲究“随类赋彩”，注重色彩的层次与过渡。蜀绣利用蚕丝天然的光泽感，通过“丝理转折”产生的折光变化来替代颜料调和。具体表现为:借鉴工笔分染、罩染的技法逻辑，蜀绣发展了“丝丝理”与“车拧针”。在绣制花瓣或山石时，通过不同色级的丝线层层叠加，形成由深至浅的自然晕染，实现如工笔画中“三矾九染”般的细腻色彩效果。

二、中国传统工笔画在蜀绣中的核心运用

(一)以线为骨:工笔线条与蜀绣针法的同构

工笔画的核心是“骨法用笔”，强调线条的力度、节奏与韵律。蜀绣中的“晕针”“铺针”“滚针”等核心针法，本质上是对毛笔笔触的模拟与转化。例如，在绣制人物衣纹或花卉枝干时，蜀绣采用“齐针”勾勒轮廓，追求

如同白描般流畅、挺拔的线条效果。通过控制丝线的粗细与捻度，蜀绣能够再现工笔画中“钉头鼠尾”“高古游丝”等不同描法的神韵。

(二)随类赋彩:工笔设色与蜀绣色级的对日

工笔画讲究“随类赋彩”，注重色彩的层次与过渡。蜀绣利用蚕丝天然的光泽感，通过“丝理转折”产生的折光变化来替代颜料调和。具体表现为:借鉴工笔分染、罩染的技法逻辑，蜀绣发展了“丝丝理”与“车拧针”。在绣制花瓣或山石时，通过不同色级的丝线层层叠加，形成由深至浅的自然晕染，实现如工笔画中“三矾九染”般的细腻色彩效果。

参考文献

[1]李宏复：中国刺绣文化研究[M].[Ли Хунфу. Исследование китайской вышивальной культуры]北京:文物出版社，2018.

[2]孙佩兰：蜀绣史话[M].[Сунь Пэйлань. Исторический очерк о вышивке шу]成都:四川美术出版社，2015.

[3]陈娟娟：中国织绣服饰论集[M].[Чэнь Цзюаньцзюань. Сборник статей о китайских тканях, вышивке и одежде].北京:紫禁城出版社, 2004.

[4]田小杭：中国传统工艺美术的当代复兴一-以蜀绣技艺创新为例[J].[Тянь Сяохан. Современное возрождение традиционного китайского декоративно-прикладного искусства на примере инноваций в технике вышивки шу] 装饰,2020(5)第 54—57 页.

[5]王丽莉：绘画性刺绣中“线”的语言转化研究[J]. Ван Лили. Исследование трансформации языка «линии» в живописной вышивке 丝绸, 2021,58(2) 第 88—93 页.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.42.59.052

Чэнь Ни
Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки

Музыка и живопись в фортепианных сонатах Гэ Цина

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие музыки и живописи в фортепианных сонатах китайского композитора Гэ Цина (葛清). На примере Сонаты № 26 «Одинокое путешествие» демонстрируется воздействие жанров традиционной китайской живописи (пейзажная зарисовка *шань-шуй*, жанровая сцена *жэнь-у*) на содержание и музыкальную драматургию. Структура сонаты (16 контрастных частей) уподобляется длинному разворачивающемуся свитку и сравнивается со знаменитым произведением старинной китайской живописи — «По реке в день поминовения усопших» Чжан Цзэдуаня (《清明上河图》张择端 *«Цин мин шан хэ ту» Чжан Цзэдуань*). Музыку Гэ Цина и традиционную живопись объединяет и особое ощущение времени: неспешное развертывание свитка подчинено движению взгляда созерцателя. В Сонате № 26 это нашло выражение в особой организации формы-процесса: развитие здесь происходит не через типичные для европейской сонатной формы мотивные конфликты, а через последовательную смену пейзажей и настроений.

Музыка Гэ Цина отражает такие ключевые принципы *гохуа*, как «рассеянная перспектива», «линия», «пустота», «сочетание плотного и разреженного». Особое внимание уделяется роли пауз, фактурной и интервальной символике в создании «слышимых образов» природы и человека. Делается вывод, что синтез музыки и живописи становится важнейшей чертой стиля Гэ Цина, позволяя ему достичь глубины философского высказывания.

Ключевые слова: Гэ Цин, китайская фортепианная музыка, жанр сонаты, музыка и живопись.

Chen Ni
Nizhny Novgorod State Conservatory named Glinka

Music and Painting in Ge Qing's Piano Sonatas

Abstract. This article examines the interaction of music and painting in the piano sonatas of the Chinese composer Ge Qing (葛清). Using Sonata No. 26, “Lonely Journey,” as an example, it demonstrates the influence of traditional Chinese painting genres on the content and musical dramaturgy (shan shui landscape sketch, ren wu genre scene). The sonata's structure (16 contrasting movements) is likened to a long, unfurling scroll and compared to a famous ancient Chinese painting, Zhang Zeduan's “Along the River on All Souls' Day” (清明上河图

Qingming shanghe tu). Ge Qing's music and traditional painting are also united by a unique sense of time: the unhurried unfurling of the scroll is subordinated to the movement of the observer's gaze. In Sonata No. 26, this is expressed in a unique organization of form-process: development here occurs not through the motivic conflicts typical of European sonata form, but through a consistent shift in landscapes and moods.

Ge Qing's music reflects key principles of guohua such as “diffuse perspective,” “line,” “emptiness,” and “the combination of dense and sparse.” Particular attention is paid to the role of pauses, textural and intervallic symbolism in creating “audible images” of nature and humanity. It is concluded that the synthesis of music and painting becomes the most important feature of Ge Qing's style, allowing him to achieve profound philosophical expression.

Keywords: Ge Qing, Chinese piano music, sonata genre, music and painting.

Стремление к синтезу искусств — одна из важнейших тенденций в китайской музыке XX—XXI веков [冯红雪, 王帅 *Фэн Хунсюэ, Ван Шуай* 2024, 84]. В творчестве современного китайского композитора Гэ Цина (р. 1972) эта тенденция проявляется особенно ярко. В фортепианных сонатах № 3, 8, 26 автор не просто вдохновляется образами природы, но преломляет в своей музыке принципы и установки традиционной китайской живописи *гохуа*.

Один из ярких примеров влияния живописи на музыку Гэ Цина — Соната для фортепиано № 26 «Одинокое путешествие». В программных заголовках частей сонаты очевидно влияние двух основных жанров *гохуа*: пейзажа *шань-шуй* (горы и воды) и жанровой сцены *жэнь-у* (изображение человека и окружающего его мира). Структура сонаты, состоящая из 16 контрастных частей, уподобляется длинному разворачивающемуся свитку и может быть сопоставлена со знаменитым произведением старинной китайской живописи — «По реке в день поминовения усопших» («Цин мин шан хэ ту» 清明上河图) Чжан Цзэдуаня, где каждый фрагмент самостоятелен, но вместе они складываются в единое целое.

Музыку Гэ Цина и традиционную китайскую пейзажную живопись объединяет и особое ощущение времени. В живописи течение времени как бы замедлено: неспешное развертывание свитка подчинено движению взгляда созерцателя. В Сонате № 26 это нашло выражение в особой организации формы-процесса: развитие здесь происходит не через типичные для европейской сонатной формы мотивные конфликты, а через последовательную смену пейзажей и настроений.

Особенно ярко проявляется в сонате принцип «рассеянной перспективы» (*сань дянь тоу ши* 散点透视) [Да Чунгуан 笪重光 2016，20—21], для которого характерно «наличие множества точек зрения, обеспечивающих динамику просмотра композиции», а также «соединение сразу нескольких ракурсов» [Белозёрова 2012, 378]. В сонате Гэ Цина возника-

ет нечто подобное: сопоставляя отдельные разделы и части, композитор ведет взгляд слушателя, свободно перемещая его с одного объекта на другой, от одного пейзажа к другому, от природы к человеку и обратно.

Музыкальный язык сонаты также обнаруживает тесную связь с базовыми принципами китайской живописи. Мелодика Гэ Цина опирается на принцип линейности. Широкий мелодический разворот отдельных тем вызывает конкретные пространственные ассоциации с линиями гор, облаков, террасообразных спусков. Фактурно-ритмическая организация базируется на принципе «пустоты» (*лю бай* 留白): исключительную роль играют паузы, длительные выдержанные звуки и разреженная фактура, создающая ощущение бесконечности пространства. В фактуре 5 части («Горные цветы растут пучками») очевидно проявление принципа «сочетания плотного и разреженного».

Таким образом, музыкальное творчество Гэ Цина тесно связано традициями китайской национальной живописи. В Сонате № 26 музыка и живопись образуют глубокий синтез, что проявляется на уровнях композиционного мышления, драматургии и музыкального языка.

Библиографический список

Белозерова, В. Г. Пространственные построения в китайском изобразительном искусстве от Хань до Тан // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 2. С. 373—379.

笪重光[清]: 画筌 [*Да Чунгуан* (эпоха Цин). Хуа цюань] — 北京：人民美术出版社.2016.

冯红雪，王帅:音乐人类学的兴起及其中国实践 [*Фэн Хунсюэ, Ван Шуай*. Зарождение музыкальной антропологии и её китайская практика] // 中南民族大学学报(人文社会科学版), 2024, 第 7 期, 第 84—90 页.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.90.36.053

Е. К. Шулунова
ИКСА РАН

Роман Ван Мэна «Метаморфозы или игра в складные картинки» 活动变人形 на китайской сцене

Аннотация. Данная статья рассматривает театральный опыт прочтения известного романа китайского писателя Ван Мэна 王蒙 (род. 1934 год) «Метаморфозы или игра в складные картинки» «*хо дун бянь жэнь син* 活动变人形» режиссером Ли Бонанем 李伯男 в 2023 году. Роман обладает «театральностью», в нем выделяется автор, текст романа, читатель, что открывает новые художественные прочтения, в частности, сценическое воплощение. Спектакль знакомит со взглядами на китайские традиции в семье, раскрывает противоречия, возникающие между традицией и современностью. Он вызывает рефлексию у зрителя, расширяет раскрытие смысла произведения.

Ключевые слова: Ван Мэн, Ли Бонань, роман, спектакль, социальная значимость, «театральность» романа.

Evgeniya Shulunova
ICCA RAS

Wang Meng's novel "Metamorphosis or the Game of Folding Pictures" 活动变人形 on the Chinese stage

Abstract. The article describes the search of the theatrical experience of reading the famous novel "Metamorphosis or the Game of Folding Pictures" by the Chinese writer Wang Meng 王蒙 (born in 1934) «*huo dong bian ren xing* 活动变人形» by director Li Bonan 李伯男 in 2023. This novel has a "theatrical" quality, with a focus on the author, the text of the novel, and the reader, which allows for new artistic interpretations, including stage performances. The play explores the perspectives on Chinese family traditions and the conflicts that arise between tradition and modernity.

Keywords: Wang Meng, Li Bonan, novel, play, social significance, "theatricality" of the novel.

Роман Ван Мэна 王蒙 (p. 1934) «Метаморфозы или игра в складные картинки» «*хо дун бянь жэнь син* 活动变人形» рассказывает о бытии, духовном поиске членов семьи Ни, относящейся к китайской интеллигенции, затрагивает период с 1940 по 1980-е годы. Жизненный путь героев подобен реке, полной изменений, как пишет С.А. Торопцев: «Название

романа — ключ к интерпретации заложенной в него идеи». [Ван Мэн 1988, 9] Писатель Ван Мэн на протяжении многих лет сочинял литературные произведения, наблюдая за развитием современной китайской литературы и способствуя ее расцвету. Творчество писателя отражает изменения в общественной жизни страны более чем за полвека.

Произведение «Метаморфозы или игра в складные картинки» впервые было опубликовано Китае в 1987 году, в 2023 году в Пекине режиссер Ли Бонань 李伯男 представил премьеру спектакля по сюжету романа. В чем заключается актуальность инсценировки литературного труда, написанного более тридцати лет назад? В его социальной значимости, побуждении к рефлексии, соединение традиции и новых подходов: «без проникновения в богатства литературы творческая работа в театре просто немыслима» [Хализев В.Е. 1978]. Роман писателя осуществил попытку вхождения в практику китайского современного театра, что представляется свежим взглядом на вечные темы, выявление параллельных смыслов между историческими событиями и современными вопросами китайского общества.

Сценическая версия произведения посвящена размышлениям о традиционном китайском семейном браке, романтических отношениях, а также о противоречиях, возникающих между традицией и современностью, Китаем и Западом. Сейчас в обществе также есть много людей, подобных героям романа Ван Мэна, взять к примеру отца Ни Цзао Ни Учэна. Внутренние конфликты, терзания, боль современных людей, находящихся в условиях жесткой культурной изоляции, имеют сходство с душевным состоянием Ни Учэна. Что не оставляет зрителя равнодушным к судьбе главных героев постановки, побуждает к анализу своей жизни, что может помочь в понимании происходящего.

«Метаморфозы или игра в складные картинки», являясь произведением критического реализма, обладает театральностью, поскольку в полотне произведения Ван Мэн сформировал взаимодействие в мире романа для читателя, это подобно трем плоскостям: закулисье, сцена и наблюдающий — все как в действительном спектакле. О.О. Легг пишет о понятии «театральности» литературного произведения: ««театральность» как поэтологическая характеристика применительно к романной структуре возникает там, где в художественном мире произведения появляется своеобразная пространственная трехмерность: первый уровень: скрытое от зрителя закулисное пространство, где размещаются «механизмы управления спектаклем» и куда проецируются причины описываемых событий — это своеобразное пространство театральной режиссуры; второй уровень: литературная сцена, где главная фигура персонаж-актер, который, в некоторых случаях, сам режиссирует свое сценическое поведение. И наконец, третий уровень — это зрительный зал, как область эм-

пирической реальной действительности, но существующей обязательно в качестве своеобразного «внутритекстового зрителя»» [Легг О. 2004]. Ли Бонань, обратившись к многоуровневой структуре текста романа Ван Мэна, показал природу личности персонажей и их социальных отношений на театральной сцене, что подчеркивает драматизм, глубину «Метаморфоз или игры в складные картинки».

Библиографический список

Легг О.О. Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX-XX вв. (На примере романов У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», С. Моэма «Театр») // Дис. ... канд. филол. Наук : 10.01.03. СПб., 2004, 170 с.

Торопцев С.А. «Преодолеть границы времени и пространства» // Ван Мэн. Избранное. М.: Радуга, 1988.

Хализев В.Е. Драма как явление искусства. М.: Искусство, 1978.

王蒙: 活动变人形 [*Ван Мэн*. Метаморфозы или игра в складные картинки] 年人民文学出版社出版的图书, 2019.

王蒙小说《活动变人形》被改编为舞台剧，8 月北京首演_文艺范_澎湃新闻 [Ван Мэн сяошо «Хо дун бянь жэнь син» бэй гайбянь бэй утай цзюй, 8 юэ Бэйцзин шоуду_ вэньи фань_ пэйпай синьвэнь]. URL: https://m.thepaper.cn/wifiKey_detail.jsp?contid=13656682&from=wifiKey# (accessed: 12.06.2024).

舞台剧《活动变人形》即将亮相国家大剧院，根据王蒙同名小说改编_腾讯新闻 [У тай цзюй «Хо дун бянь жэнь син» цзи цзян лянсян гоцзя да цзюйюань, гэньцзюй Ван Мэн тунмин сяошо гайбянь_Тэнсюнь синьвэнь]. URL: https://news.qq.com/rain/a/20230817A04N3800 (accessed: 12.06.2024).

Об авторах

АКСАЙСКОВА Екатерина Олеговна, Россия, аспирант, Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова (Буденновский пр., 23, Ростов-на-Дону, 344002).

E-mail: eaksayskova@mail.ru

Ekaterina O. AXAYSKOVA, Russia, Postgraduate at the Music History Department S. Rachmaninov Rostov State Conservatory (Budyonnovsky Ave., 23, Rostov-on-Don, 344002).

E-mail: eaksayskova@mail.ru

АКИШИНА Екатерина Евгеньевна, студент-бакалавр, Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова (Товарищеский пер., Москва, 109004).

E-mail: eakishina230@gmail.com

Ekaterina E. AKISHINA, bachelor's student at the Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov (Comrades Lane, Moscow, 109004).

E-mail: eakishina230@gmail.com

АЛЕКСАНЯН Армен Гургенович, к. ф. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).

ORCID: 0000-0002-7855-9651. E-mail: armengurgen@gmail.com

Armen ALEXANYAN, Ph.D. (Philosophy), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).

ORCID: 0000-0002-7855-9651. E-mail: armengurgen@gmail.com.

БАРАБОШКИН Константин Евгеньевич, к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой китайской филологии ИСАА МГУ.

ORCID: 0000-0001-9020-9630

BARABOSHKIN Konstantin Evgenievich, PhD, Associate Professor, Head of the Department of Chinese Philology Institute of Asian and African Studies MSU.

ORCID: 0000-0001-9020-9630

БАШКЕЕВ Виктор Викторович, научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).

ORCID: 0000-0002-2785-1281. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

Viktor BASHKEEV, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).

ORCID: 0000-0002-2785-1281. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

БЕЛАЯ Ирина Витальевна, д. филос. н., главный научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997); ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института Востоковедения РАН (ул. Рождественка 12/1, Москва, 107031).

ORCID: 0000-0002-3453-4196. E-mail: belaya-irina@rambler.ru

Irina BELAIA, DSc in Philosophy, Chief Researcher, Center for the Study of Contemporary History of China and Its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997); Leading Researcher, China Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (12/1, Rozhdestvenka street, Moscow, 107031).

ORCID: 0000-0002-3453-4196. E-mail: belaya-irina@rambler.ru

БЛАЖКИНА Анастасия Юрьевна, к. филос. н., старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).

ORCID: 0000-0002-8313-5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

Anastasia BLAZHKINA, Ph.D. (Philosophy), Senior Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).

ORCID: 0000-0002-8313-5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

БРЫЛЁВА Наталья Анатольевна, кандидат культурологии, доцент кафедры Педагогики, психологии и экологии человека, КрасГАУ (пр. Мира, 90, Красноярск, 660049).

ORCID: 0009-0002-9625-6272. E-mail: nusferatu09@mail.ru

Natalya BRYLEVA, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Pedagogy, Psychology and Human Ecology, Krasnoyarsk State Agrarian University (90, Mira Av. Krasnoyarsk, 660049).

ORCID: 0009-0002-9625-6272. E-mail: nusferatu09@mail.ru

Ван Ихэн 王一恒, магистр, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова (Волоколамское ш., 9, стр. 1, 125080). E-mail: wangyiheng19950223@qq.com

Wang Yiheng, Master's degree, S.G. Stroganov Russian State University of Arts and Crafts (Volokolamskoe highway, 9, building 1,125080).

E-mail: wangyiheng19950223@qq.com

ВАН Ицюнь 王逸群, д. филол. наук, зам. зав. Центром по изучению современной России, доцент института международных отношений, Сычуаньский университет (Чэнду).

E-mail: 770972623@qq.com
WANG Yiqun, Ph.D. of Literature, Deputy Director of the Russian Studies Center, Associate professor, School of International Studies, Sichuan University (Chengdu). E-mail: 770972623@qq.com.

ВЕРЧЕНКО Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).
ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com
Alla VERCHENKO, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997), ORCID: 0000-0002-8718-8338, E-mail: veailan@yahoo.com

ВИНОГРОДСКАЯ Вероника Брониславовна, к. филол. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).
ORCID: 0000-0002-3878-1282. E-mail: vinogrodskaya@ifes-ras.ru.
Veronika VINOGRODSKAYA, Ph.D. (Philology), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).
ORCID: 0000-0002-3878-1282. E-mail: vinogrodskaya@ifes-ras.ru.

ВОСТРИКОВА Екатерина Александровна, старший научный сотрудник отдела восточного искусства Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств.
ORCID: 0000-0002-2093-595X. E-mail: dolihotella@hotmail.com.
Ekaterina VOSTRIKOVA, Senior Researcher, Department of Oriental Art, Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts.
ORCID: 0000-0002-2093-595X. E-mail: dolihotella@hotmail.com.

ГАО Цин, магистрант, Шаньдунский университет науки и технологий.
E-mail: 25413011210@stumail.sdut.edu.cn
GAO Qing, Master's student, Shandong University of Science and Technology.
E-mail: 25413011210@stumail.sdut.edu.cn

ГИБКИЙ Павел Валерьевич**,** преподаватель кафедры теории и практики китайского языка, Белорусский государственный университет иностранных языков; младший научный сотрудник Межотраслевого научно-практического центра систем идентификации и электронных деловых операций Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь).
ORCID: 0000-0002-0424-0883. E-mail: pavel.gibkiy@bk.ru
Pavel V. GIBKIJ, Lecturer, Department of Theory and Practice of the Chinese Language, Belarusian State University of Foreign Languages; Junior Researcher, Interdisciplinary Research and Practice Center for Identification Systems and Electronic Business Operations, National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus).
ORCID: 0000-0002-0424-0883. E-mail: pavel.gibkiy@bk.ru

ГИЛЬФАНОВА Лия Рифатовна, магистрант Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального Университета (ул. Пушкина, д.1/55, Казань, 420111). Научный руководитель: Глушкова Светлана Юрьевна, к. филол. наук, заведующий кафедрой китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований.

E-mail: soranohanal@mail.ru

Liya R. GILFANOVA, graduate student, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga river) Federal University (1/55, Pushkina str., Kazan, 420111). Supervisor: Svetlana Glushkova, Ph.D. (Philology), Head of the Chinese and Asian-Pacific Studies Department.

E-mail: soranohanal@mail.ru

ГЛАВЕВА Диана Георгиевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научного центра «Глобальный Диалог», Амстердам (Нидерланды, 1188 НХ, Бринк 138, Амстелфейн).

E-mail: dianaglaveva@yahoo.com)

Diana GLAVEVA, Ph.D. (Philosophy), Senior Research Fellow, Global Dialog, Amsterdam (The Netherlands, 1188 NG, Brink 138, Amstelveen).

E-mail: dianaglaveva@yahoo.com

ГУАНЬ Сюцзюань 关秀娟, к. филол. наук, профессор, заместитель декана Института русского языка, Хэйлунцзянский университет.

ORCID: https://orcid.org/0009-0003-8721-4262.

E-mail: guanxiujuan@hlju.edu.cn

GUAN Xiujuan, Ph.D. (Philology), Professor, Vice Dean of the School of Russian Studies, Heilongjiang University.

ORCID: https://orcid.org/0009-0003-8721-4262.

E-mail: guanxiujuan@hlju.edu.cn

ДОНЧЕНКО Анна Ильинична, научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).

ORCID: 0000-0002- 9044-3707. E-mail: an.donchenko@gmail.com

Anna DONCHENKO, Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).

ORCID: 0000-0002- 9044-3707. E-mail: an.donchenko@gmail.com

ЕМЕЛЬЧЕНКОВА Елена Николаевна, к.филол.н., доцент, заведующая Кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034).

ORCID: 0000-0001-5090-3011. E-mail: emelchenkovae@gmail.com

Elena EMELCHENKOVA, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Training in Languages and Cultures of Asia and Africa, St. Petersburg University (11, Universitetskaya Emb., St Petersburg, 199034).

ORCID: 0000-0001-5090-3011. E-mail: emelchenkovae@gmail.com

ЖАНЬ Цзиньхун 冉锦红, философского факультета МГУ им. Ломоносова.
E-mail: furongran@yandex.ru
RAN Jinhong, Postgraduate student of Moscow State University.
E-mail: furongran@yandex.ru

ЗАВИДОВСКАЯ Екатерина Александровна, к. филол. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997), доцент Брянского государственного университета (Бежицкая ул., Брянск, 14, 241036).
ORCID: 0000-0002-8369-7776. E-mail: katushaza@yahoo.com
Ekaterina ZAVIDOVSKAYA, Ph.D. (Philology), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997), associate professor, Bryansk State University (Bezhitskayaul., 14, Bryansk, 241036).
ORCID: 0000-0002-8369-7776. E-mail: katushaza@yahoo.com

ЗАВЬЯЛОВА Ольга Исааковна, д. филол. н., г. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0003-3355-4598. E-mail: olgazavyalova@yahoo.com
Olga ZAVYALOVA, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0003-3355-4598. E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

ИСАКОВА Ирина Николаевна, к. филол. н., доцент кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, стр.53, Москва, 119192).
E-mail: mandala-1@yandex.ru
Irina N. ISAKOVA, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Literary Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, 53, Moscow, 119192).
E-mail: mandala-1@yandex.ru

КАЗАКЕВИЧ Анастасия Николаевна, Россия, независимый исследователь, Центр Манги и Комиксов (ул. Турку, 11 корпус 1, Санкт-Петербург, 192071), библиотекарь.
E-mail: loreley12312@gmail.com
Anastasia KAZAKEVICH, Russia, independent researcher, Manga Comics Center (st.Turku, 11 building 1, St.Peterburg, 192071), librarian.
E-mail: loreley12312@gmail.com

КВАРТАЛОВА Наталия Леонидовна, к. филос. н., ведущий научный сотрудник, Центр изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0002-1439-9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

Nataliya KVARTALOVA, PhD (Philosophy), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-1439-9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

КИСЕЕВА Елена Васильевна, Россия, доктор искусствоведения, профессор, Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета (Буденновский пр., 23, Ростов-на-Дону, 344002).

ORCID: 0000-0002-8403-6144. E-mail: e.v.kiseeva@mail.ru

Elena V. KISEYEVA, Russia, Dr. Sci. (Art), Professor at the Music History Department S. Rachmaninov Rostov State Conservatory, Professor at the Academy of Architecture and Fine Artsof Southern Federal University (Budyonnovsky Ave., 23, Rostov-on-Don, 344002).

ORCID: 0000-0002-8403-6144. E-mail: e.v.kiseeva@mail.ru

КИСЕЛЕВА Елена Александровна, к. т. н., старший научный сотрудник лаборатории № 9.1 — электрохимической энергетики, Объединенный институт высоких температур РАН (Ижорская ул., 13, стр. 2, Москва, 125412).

ORCID: 0000-0002-4964-3803. E-mail: kanna787@mail.ru

Elena KISELEVA, Ph.D., Senior Researcher at Laboratory No. 9.1 — Electrochemical Power Engineering, Joint Institute of High Temperatures of the Russian Academy of Sciences (Izhorskaya str., 13, building 2, Moscow, 125412).

ORCID: 0000-0002-4964-3803. E-mail: kanna787@mail.ru

КОРОБОВА Анастасия Николаевна, к. филол. н., ведущий научный сотрудник, руководитель Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН (Нахимовский проспект, 32, Москва, 117997).

ORCID: 0000-0003-1536-4344. E-mail: korobova@iccaras.ru

Anastasia KOROBOVA, Ph.D. (Philology), Head of the Centre for the Chinese Culture Research, Institute of China and Contemporary Asia, RAS (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).

ORCID: 0000-0003-1536-4344. E-mail: korobova@iccaras.ru

КРУШИНСКИЙ Андрей Андреевич, д. филос. н., главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (Нахимовский проспект, 32, Москва, 117997).

ORCID: 0000-0003-1126-3853. E-mail: zvenigor@gmail.com

Andrey KRUSHINSKIY, DSc in Philosophy, Chief Researcher, Institute of the Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).

ORCID: 0000-0003-1126-3853. E-mail: zvenigor@gmail.com

КУЛИКОВА Анастасия Андреевна, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет (канал Грибоедова 30-32, Санкт-Петербург, 191023).

ORCID: 0009-0000-7494-6016. E-mail: aakulikova11@gmail.com

Anastasiia KULIKOVA, Saint Petersburg State University of Economics (Griboyedov Canal 30-32, Saint Petersburg, 191023).
ORCID: 0009-0000-7494-6016. E-mail: aakulikova11@gmail.com

ЛЕМЕШКО Юлия Геннадьевна, к. филол. н., доцент ФГАОУ ВО МГИМО(У), кафедра китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков.
E-mail: ulemeshko@mail.ru
Yulia LEMESHKO, PhD in Philology, Associate Professor MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: ulemeshko@mail.ru

ЛЮ Ядин 刘亚丁, доктор наук, Колледж литературы и журналистики Сычуаньского университета (Китай, Сычуань, Чэнду, район Цинъян, пр-т Шуньчэн, 252, 610017).
E-mail: liuyd@scu.edu.cn
LIU Yading, Doctor, College of Literature and Journalism, Sichuan University (Sichuan University, No.24 South Section 1, Yihuan Road, Chengdu, China, 610065 | No.29 Jiuyanqiao Wangjiang Road, Chengdu, 610064).
E-mail: liuyd@scu.edu.cn

МЕДВЕДЕВА Юлия Петровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории музыки, Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки (ул. Пискунова, 40, Нижний Новгород, 603005).
ORCID: 0000-0003-0780-5584. E-mail: jul-medvedeva@yandex.ru
Yulia Medvedeva, Ph.D. (History of Arts), Associate Professor, Music History Department, Glinka Nizhniy Novgorod State Conservatoire, Nizhniy Novgorod, Russia (40 Piskunov str., Nizhny Novgorod, 603005).
ORCID: 0000-0003-0780-5584. E-mail: jul-medvedeva@yandex.ru

МЕРКУЛОВ Катенарий Катенарьевич, доктор экон. наук (МАН Сан-Марино, 1994), канд. ист. наук (МГИМО, 1990), с. н. с. ИКСА РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).
ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com
Katenariy MERKULOV, D.Sc. (Economics) (IAS San Marino, 1994), Ph.D. (History) Senior Researcher, ICCA RAS (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).
ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

МИТЬКИНА Евгения Иосифовна**,** к. филол. наук, доцент кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034).
ORCID: 0000-0002-3111-6810. E-mail: e.mitkina@spbu.ru
Evgenia I. MITKINA, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Chair of Chinese Philology, St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034).
ORCID: 0000-0002-3111-6810. E-mail: e.mitkina@spbu.ru

МУ Сунъянь 牟松妍, к. филол. н., старший преподаватель Института русского языка Хэйлунцзянского университета (150080, Китай, провинция Хэйлунцзян, Харбин, район Наньган, улица Сюэфу, 74).

E-mail: 976342070@qq.com

Mu Songyan, China, PhD in Linguistics, Lecturer at School of Russian Studies, Heilongjiang University (74 Xuefu Road, Nangang District, Harbin, Heilongjiang Province, 150080, China).

E-mail**:** 976432070@qq.com

ПИСЦОВ Константин Михайлович, к. ист. н., старший научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения, ИВ РАН (Рождественка, 12, Москва, 107031).

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7594-4466. E-mail: pistsov-gmv@mail.ru

Konstantin M. PISTSOV, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Department of Comparative Cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka, Moscow, 107031).

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7594-4466. E-mail: pistsov-gmv@mail.ru

ПУШКАРСКАЯ Наталья Вячеславовна, научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).

ORCID: 0000-0001-5372-5281. E-mail: pushkarskaya@ifes-ras.ru

Natalia PUSHKARSKAIA, Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997).

ORCID: 0000-0001-5372-5281. E-mail: pushkarskaya@ifes-ras.ru

СЕМЕНЮК Мария Владимировна, к. филол. н., доцент кафедры китайской филологии, ИСАА МГУ (ул. Моховая, 11, стр. 1, Москва, 125009).

E-mail: novembertune@yandex.ru

Maria V. SEMENYUK, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (11-1, Mokhovaya str., Moscow, 125009).

E-mail: novembertune@yandex.ru

СИМОНЕНКО Наталья Юрьевна, Россия, к. филол. н., доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

ORCID: 0009-0007-1637-0179, E-mail: natkaf88@mail.ru

Natalia SIMONENKO, Russia, Candidate of Philological Sciences (PhD in Philology), Associate Professor of the Chinese Language Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University (VSSPU).

ORCID: 0009-0007-1637-0179, E-mail: natkaf88@mail.ru

СМИРНОВ Михаил Сергеевич, Россия, студент 2-го курса магистратуры НИУ ВШЭ по направлению: Современное востоковедение.

ORCID: 0009-0001-4415-7750. E-mail: mssmirnov@edu.hse.ru

Mikhail SMIRNOV, Russia, 2nd year student of the HSE Master's degree in Modern Oriental Studies.

ORCID: 0009-0001-4415-7750. E-mail: mssmirnov@edu.hse.ru

СТЕЖЕНСКАЯ Лидия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Покровский бульвар, д. 11, Москва, 109028), ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).

ORCID: 0000-0002-4011-6783. E-mail: liuxie@mail.ru

Lidiya V. STEZHENSKAYA, PhD (Philology), Associate Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics” (11, Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028); Principal Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117997).

ORCID: 0000-0002-4011-6783. E-mail: liuxie@mail.ru

СЮЙ Син 徐行, профессор Школы государственного управления им. Чжоу Эньлая Нанькайского университета и директор Научно-исследовательского центра им. Чжоу Эньлая в Нанькайском университете (Школа государственного управления им. Чжоу Эньлая, университет Нанькай, улица Тунъянь 38, Образовательный парк Хайхэ, Тяньцзинь, 300350).

Мобильный телефон и WeChat ID: 13312133728. E-mail: ctnkx2013@163.com

XU Xing, Professor at the Department of Political Science, Zhou Enlai School of Government Management, Nankai University and Director of the Zhou Enlai Research Center at Nankai University (Zhou Enlai School of Government, Nankai University, 38 Tongyan Road, Haihe Education Park, Tianjin, 300350).

Mobile phone and WeChat ID: 13312133728, E-mail: ctnkx2013@163.com

СЮЙ Чэньлэй 徐晨蕾, Тяньцзинский университет, институт литературы и искусства имени Фэн Цзицая (район Цзинхай, деревня Дачуань, Тяньцзинь, Китай, 300350).

E-mail: xchenll1114@163.com

XU Chenlei, Tianjin University, Feng Jicai Institute of Literature and Art (Jinghai District, Dachuan Village, Tianjin, China, 300350).

E-mail: xchenll1114@163.com

ХУ Синьюэ 胡心悦, аспирантка (магистр) филологического факультета, Шаньдунский политехнический университет.

E-mail: 19525393769@163.com

HU Xinyue, postgraduate student (Master's) in Philology, Shandong University of Technology.

E-mail: 19525393769@163.com

ФАНЬ Чэнлин 范成玲， аспирантка Школы литературы и журналистики Шаньдунского политехнического университета.

E-mail: xiamu2001_1112@163.com

FAN Chengling, China, graduate student at the School of Literature and Journalism, Shandong University of Technology (266, Mashang Street, Zhangdian District, Zibo City, Shandong Province, West Campus of Shandong University of Technology).

Tel: 19862536482. E-mail: xiamu2001_1112@163.com

Цзинь Минцзи 靳铭吉, доктор (литература), научный сотрудник Центра изучения русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета.

Tel: 8613945173302. E-mail: 1157447978@qq.com

Jin Mingji, China, PhD in Literature, Research Fellow. Center for Russian Language, Literature and Culture Studies, Heilongjiang University (P.O. Box 163, Heilongjiang University, No. 74 Xuefu Road, Nangang District, Harbin, Heilongjiang, China, 150080, China).

Tel: 8613945173302. E-mail: 1157447978@qq.com

ЧЖАН Юн 张勇, доктор филологических наук, профессор, Колледж литературы и журналистики Сычуаньского университета (Китай, Сычуань, Чэнду, район Цинъян, пр-т Шуньчэн, 252, 610017).

E-mail: zikai99@163.com

ZHANG Yong, Doctor of Letters, Professor. The College of Literature and Journalism, Sichuan University (Sichuan University, No.24 South Section 1, Yihuan Road, Chengdu, China, 610065 | No.29 Jiuyanqiao Wangjiang Road, Chengdu, 610064).

E-mail: zikai99@163.com

ЧИРКОВ Николай Викторович, к. филос. н., научный сотрудник лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета (Игнатьевское шоссе, 21, Благовещенск, 675027).

ORCID: 0000-0003-2172-4043. E-mail: chirkovniko@gmail.com

Nikolai V. CHIRKOV, Ph.D. (Philosophy), Research Fellow, Laboratory of Archeology and Anthropology, Amur State University (21, Ignatievskoe Shosse, Blagoveshchensk, 675027).

ORCID: 0000-0003-2172-4043. E-mail: chirkovniko@gmail.com

ЧЭН Шуантин, д. филол. наук, Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет.

E-mail: 190338170@qq.com

CHENG Shuangting, Doctor of Philology, Institute of the Russian Language, Heilongjiang University.

E-mail: 190338170@qq.com

Чэнь Маньжун 陈曼蓉, научный сотрудник Сычуаньской ассоциации исследований поэзии, каллиграфии и живописи Башу; член Сычуаньского научно-исследовательского института культуры и истории.

E-mail: jueduizhitanqiu@gmail.com

Chen Manrong, Researcher of the Sichuan Bashu Poetry, Calligraphy and Painting Research Association; Member of the Sichuan Provincial People's Government Institute of Culture and History.

E-mail: jueduizhitanqiu@gmail.com

Чэнь Ни 陈倪, аспирантка 3 курса Нижегородской государственной консерватории (ул. Пискунова, 40, Нижний Новгород, 603000).

ORCID: 0009-0008-1354-0563. E-mail:1525741917@qq.com

Chen Ni. Third-year postgraduate student at the Nizhny Novgorod State Conservatory (40 Piskunova St., Nizhny Novgorod, 603000).

ORCID: 0009-0008-1354-0563. E-mail: 1525741917@qq.com

ШУЛУНОВА Евгения Константиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997).

E-mail: shulunova@ifes-ras.ru

Evgenia SHULUNOVA, Ph.D. (Philology), Senior Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Modern Asia RAS.

E-mail: shulunova@ifes-ras.ru

ШУЛЬЖЕНКО Николай Андреевич**,** аспирант I года обучения Отдела литератур стран Азии, Институт востоковедения РАН (ул. Рождественка, 12, Москва, 107031); приглашенный преподаватель, НИУ ВШЭ (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000).

E-mail: nikolay.sh2000@mail.ru

Nikolai A. SHULZHENKO, 1st-year postgraduate student, Department of Asian Literatures, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031); Visiting Lecturer, HSE University (20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000).

E-mail: nikolay.sh2000@mail.ru

Научное издание

Тезисы докладов
XXVII Международной научной конференции
«Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура»

Москва, 3—4 июня 2026 г.

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 06.10.2026.

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН
www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.